

Министерство культуры Российской Федерации
Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

М. И. Изергин

УРАЛЬСКАЯ КАТАСТРОФА
воспоминания полковника
Генерального штаба

Москва
2023

ББК 84(2)
УДК 82-94
ИЗ6

Изергин М. И.

ИЗ6 Уральская катастрофа (воспоминания полковника Генерального штаба). — М. : Институт Наследия, 2023. — 122 с. — DOI 10.34685/NI.2023.70.47.003. — ISBN 978-5-86443-419-2.

Данная публикация представляет собой воспоминания офицера Русской императорской, а затем Белой Добровольческой армии Генерального штаба полковника Изергина Михаила Ильича. Они посвящены трагическому эпизоду Гражданской войны в России — последним боям и гибели Отдельной Уральской армии под командованием атамана Уральского Казачьего Войска В. С. Толстова в июле 1919 — феврале 1920 года.

Книга рассчитана на специалистов и широкий круг читателей, занимающихся изучением отечественной истории.

В оформлении обложки использован фрагмент картины художника Андрея Рома-сюкова «Прощание с Уральском».

ISBN 978-5-86443-419-2

© Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, 2023

© Окороков А. В. — введение и комментарии, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
---------------	---

УРАЛЬСКАЯ КАТАСТРОФА

Предисловие	13
Часть первая. Лето 1919 года на Урале	15
Приезд в Гурьев и первые впечатления. Царицын, 18 июня 1919 года	15
Отступление 1-го Уральского корпуса. Август 1919 года	30
Мергенев	34
Станица Сахарновская	36
Набег на Лбищенск	38
Осень 1919 года на Урале	42
Вторая часть. Пятьдесят пять дней	53
Оставление Гурьева.....	53
От Гурьева до Прорвы	61
Дни в Прорве.....	67
От Прорвы до Форта Александровского.....	71
От первого этапа до Форта Александровского	88
Заключение	93
Указатель географических названий	94
Биографический указатель.....	103

ВВЕДЕНИЕ

Уважаемый читатель! Вашему вниманию представляются воспоминания офицера Русской императорской, а затем Белой Добровольческой армии Генерального штаба полковника Изергина Михаила Ильича. Они посвящены трагическому эпизоду Гражданской войны в России — последним боям и гибели Отдельной Уральской армии под командованием атамана Уральского Казачьего Войска В. С. Толстова в июле 1919 — феврале 1920 года.

Генерального штаба полковник М. И. Изергин

Автор воспоминаний Михаил Ильич Изергин родился 31 июля 1875 года в городе Изюме, в семье личного почётного гражданина города, помещика Харьковской губернии. Общее об-

разование он получил в Харьковском городском военном училище, а затем поступил в Киевское военное училище. После окончания училища в 1899 году служил во 2-м Закаспийском железнодорожном батальоне в Туркестанском военном округе. Участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 годов в должности командира роты. В 1908 году окончил два класса Николаевской академии Генерального штаба и в 1914 году был причислен к Генеральному штабу.

Во время Первой мировой войны М. И. Изергин занимал ряд командных и штабных должностей, участвовал в боях на Северо-Западном фронте и в Карпатах. За отличия был неоднократно награждён и в 1917 году произведён в подполковники.

После октябрьской революции Изергин непродолжительное время служил в Армии Украинской Державы гетмана Скоропадского, а в конце декабря 1918 года вступил в ряды Добровольческой армии.

В июне 1919 года полковник Изергин, очевидно, пользовавшийся личным доверием генерала барона Врангеля, был командирован на Восточный фронт для связи со штабом отдельной Уральской армии. В начале июля 1919 года он прибыл в штаб армии и поступил в распоряжение её командующего, атамана Уральского Казачьего Войска, генерал-лейтенанта В. С. Толстова. С этого времени полковник Изергин и начинает своё повествование.

13 августа 1919 года полковник Изергин был назначен командующим 1-м Уральским корпусом вместо заболевшего генерала Н. А. Савельева. Это назначение по сей день вызывает много вопросов у исследователей Гражданской войны. Почему крупное казачье формирование возглавил не местный, пользующийся большим авторитетом казачий офицер, а неизвестный в этой довольно замкнутой среде прикомандированный на Урал штабной офицер связи от Кавказской армии? Возможно, определённую роль в этом назначении сыграли личные и служебные качества полковника Изергина. Грамотный штабной офицер, имеющий значительный практический боевой опыт, хорошо зарекомендовавший себя в период Русско-японской и Первой мировой войн.

Так или иначе, но это назначение оправдало себя. В начале сентября 1919 года полковником Изергиным был разработан и подготовлен план глубокого рейда на Лбищенск, где распола-

гался штаб 25-й стрелковой дивизии Красной армии. В результате неожиданной атаки штаб был разгромлен, погибли командир дивизии В. И. Чапаев и большое число личного состава.

Этот рейд был звёздным часом в карьере полковника Изергина и, как считают отечественные и зарубежные военные историки как «белой», так и «красной» ориентации, — самой успешной операцией Уральской армии. Даже соратник В. И. Чапаева комиссар дивизии Дмитрий Фурманов, тяжело переживавший гибель близкого друга, вынужден был признать, что рейд казачьих частей на Лбищенск «был бесспорно талантливым налётом», спланированным и осуществлённым опытными военными руководителями¹.

Через четыре месяца — в конце декабря 1919 года, полковник Изергин заболел тифом и был вынужден сдать командование Уральским корпусом. Затем последовал изнурительный зимний «голодный поход» из Гурьева в Форт Александровский, переход на судах Каспийской флотилии ВСЮР в Петровск (Махачкала), откуда через Баку и Батум — в Крым, в распоряжение штаба генерала Врангеля.

Отходом остатков разгромленной Уральской армии в Форт Александровский в феврале 1920 года полковник Изергин завершает свои воспоминания.

Дальнейшая судьба Уральской армии трагична.

К моменту прихода в Форт Александровский от армии осталось менее трёх тысяч казаков. При этом большая часть из них была больна (преимущественно разными формами тифа) или обморожена. Небольшая часть казаков-уральцев в феврале–марте 1920 года была эвакуирована на судах Белой каспийской флотилии в город Петровск. Отряду в 214 человек: несколько генералов, офицеров, казаков и гражданских лиц (и их семей), во главе с атаманом В. С. Толстовым удалось 4 апреля уйти в Персию.

Более тысячи уральцев в начале апреля 1920 года было взято в плен частями Красной армии.

Значительная часть пленённых, как непримиримые враги советской власти, были расстреляны или репрессированы. Из оставшихся рядовых казаков сформировали советский казачий

¹ *Фурманов Дм.* Чапаев. М., 1984. С. 103.

полк. В мае 1920 года его в составе 25-й Чапаевской дивизии перебросили на польский фронт под Киев. Но казаки подняли мятеж и перешли на сторону белополяков. Они были включены в состав Русской народно-добровольческой армии Булак-Балаховича², где и продолжили воевать с Красной армией до конца Русско-польской войны.

Из отряда атамана Толстова до границы Персии дошло 162 человека. Часть из них в последствии перебралась в Европу, другая была отправлена англичанами во Владивосток и после поражения белых армий осела в Китае или переехала в Австралию.

О судьбе эвакуированных в Петровск казаков рассказал Борис Байков, служивший в ОСВАГе³ и ставший свидетелем их высадки с кораблей каспийской флотилии в марте 1920 года. В своих воспоминаниях он писал: «Большинство доставленных уральцев было в ужасном состоянии: обмороженные поголовно, многие уже полутрупы, с омертвевшими или же отвалившимися конечностями. Картина, которую мне пришлось видеть при выгрузке этих несчастных, не поддается никакому описанию»⁴. Многие эвакуированные казаки вскоре умерли, а оставшиеся в живых остались калеками.

² **Русская народно-добровольческая армия** (НДА) была сформирована в октябре 1920 года под эгидой польских властей. В основу создания армии был положен партизанский принцип. Основные боевые действия проходили на территории Белоруссии. К ноябрю 1920 года численность НДА составляла от 12 до 14 тысяч бойцов при 36 орудиях, 150 пулемётах, двух аэропланах. Командующим армией был генерал Войска польского (ротмистр Русской императорской армии) С. Н. Булак-Балахович. В ноябре 1920 года армия была разгромлена Красной армией, а её остатки перешли польскую границу и были разоружены и интернированы.

³ **ОСВАГ** (ОСВедомительное АГентство) — информационно-пропагандистский орган Добровольческой армии, а в дальнейшем — Вооружённых Сил Юга России во время Гражданской войны. Основано летом 1918 года генералом Деникиным. С февраля 1919 года называлось «Отделом пропаганды при правительстве Вооружённых сил Юга России». Упразднено в марте 1920 года генералом Врангелем.

⁴ Воспоминания о революции в Закавказье (1917–1920 гг.) Б. Байкова. Русский архив. Архив русской революции, изданный И. В. Гессейном, 9–10, М., 1991. С. 189.

Что же касается полковника Изергина, то его дальнейшая судьба и жизнь типична для многих русских офицеров, покинувших Россию.

После разгрома Русской армии и потери семьи — жены и двух дочерей, полковник Изергин эвакуировался в Константинополь, откуда в 1921 году переехал во Францию. Обосновался он в Ницце, где преподавал физику, математику, черчение и гимнастику в русской гимназии «Александрино».

Во время Второй мировой войны Михаил Ильич переехал в Курбева на северо-востоке от Парижа, где и скончался 19 ноября 1953 года.

Так закончилась жизнь русского офицера — Генерального штаба полковника Михаила Ильича Изергина, любившего Россию, тосковавшего по ней и до конца своих дней бережно хранившего как самые дорогие реликвии фотографию пропавшей жены и несколько открыток с видами города Изюма.

А теперь несколько слов о самой рукописи.

На 65 страницах убористого рукописного текста уместились восемь месяцев трагической судьбы не только Уральской армии, но и Уральского казачества в целом. Автор приводит сведения о боевом составе 1-го Уральского корпуса, его дислокации, без лишних эмоций анализирует боевую обстановку, и здесь же, фактически на фоне начавшегося развала армии, приводит интересные бытовые зарисовки из жизни уральских казаков, об их семейном укладе, службе, промыслах, дает сухие, сдержанные характеристики казачьим военачальникам и рядовым участникам «Уральской катастрофы».

Полковник М. И. Изергин стремится быть точным и беспристрастным в своих суждениях, избегает попасть в плен личных симпатий и антипатий, не старается преувеличить или подчеркнуть свои заслуги. Он не ищет «козлов отпущения» в неудачах Уральской армии, а с привычной для штабного офицера лаконичностью документирует происходящие события, участником которых ему довелось быть. Такая манера изложения вызывает доверие и делает воспоминания полковника Изергина важным для отечественной исторической науки источником.

По всей видимости, публикуемые ниже воспоминания были написаны ещё в 1921 году в Константинополе, на что указывает дата на последней странице рукописи, и доработаны в конце 1940-х — самом начале 1950-х годов. Часть воспоминаний, а именно эпизод разгрома штаба 25-й стрелковой дивизии Красной армии, со значительными сокращениями был опубликован в эмигрантском журнале «Грани» в 1989 году под названием «Рейд на Лбищенск»⁵. Отдельные фрагменты были включены в небольшую брошюру, посвящённую полковнику М. И. Изергину, написанную академиком Евгением Петровичем Чельшевым и изданную в 1996 году⁶.

Данные воспоминания печатаются по копии с рукописи полковника М. И. Изергина из личного архива Евгения Петровича Чельшева, любезно переданной в Институт Наследия его сыном Дмитрием Евгеньевичем.

Материал воспроизводится в авторской редакции, без изменений, с исправлением только опечаток и грамматических ошибок.

В конце рукописи приведены географический указатель названий основных населённых пунктов, упоминающихся в воспоминаниях, и краткие биографические справки по лицам, данные которых удалось установить.

А. В. Окороков
доктор исторических наук,
действительный член Академии военных наук

⁵ *Изергин М. И.* Рейд на Лбищенск // Грани. 1989. № 151. С. 167–207.

⁶ *Чельшев Е. П.* Уральская катастрофа. М., 1996. 80 с.

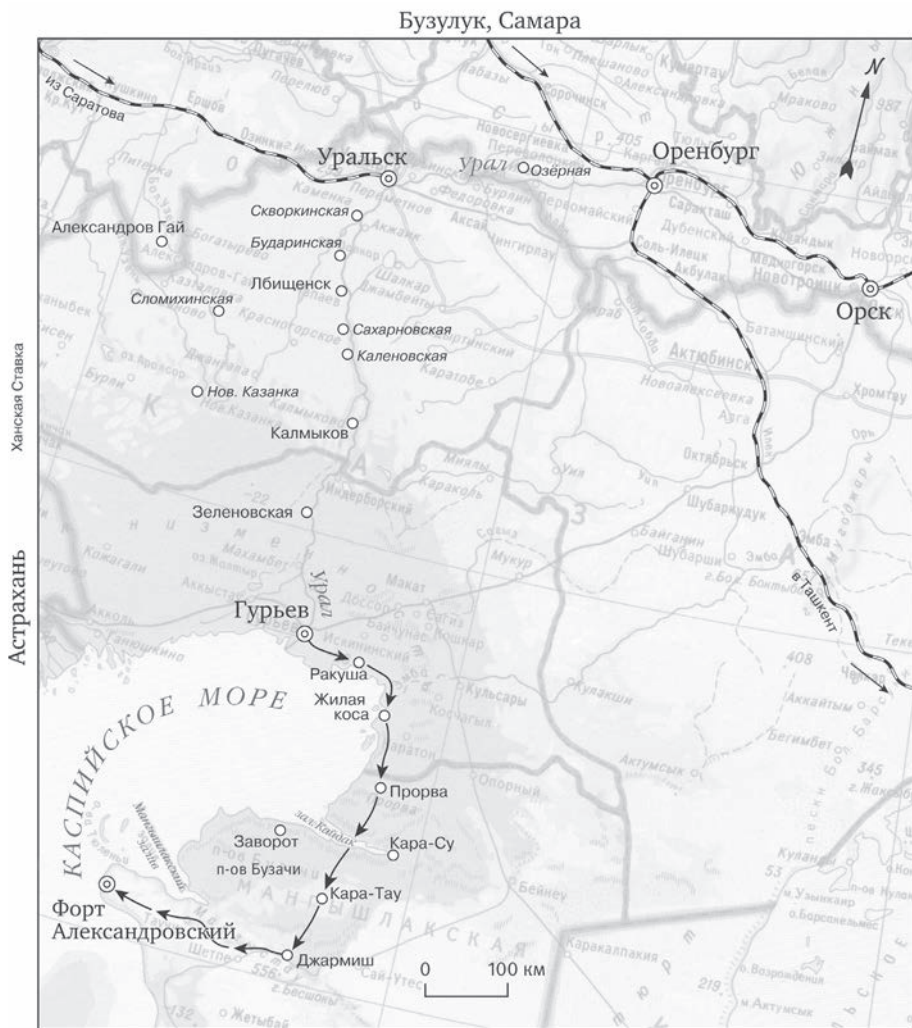

Схема перехода группы полковника М. И. Изергина из Гурьева в Форт Александровский

Вторая часть

Пятдесят пять дней

1. Оставление Турбева

По оставлению нами Лышненка, как было уже сказано, 27 ноября, красные безпрепятственно заняли поселок Зорякинский. Штаб корпуса перешел в станцию Круглую. Это положение оставалось неизменным до 10-го декабря, Красные почти то лишили наступления. Это положение, как это не странно, имело для нас самые губительные последствия: оно привело к тому, что мы были принуждены к Каспийскому морю в тот момент, наилучший из всех возможных, когда это море открыто для нас неоступчиво.

В первых числах декабря мне пришлось еще раз покинуть штаб корпуса и выехать в Турбев. Рассчитывая вернуться не ранее как через неделю, я оставил моего вестового с моими вещами в Круглой, о чем потом мне пришлось очень сожалеть.

Послушаясь общей участи, на третий день по приезде в Турбев, я заболел, конечно, тифом. Вернуться на срочной мне не было суждено. Меня поместили в доме богача-комерсанта в Турбеве Татпалова. Если я успею и теперь могу описать дни уральской катастрофы, то обязан этим исключительно заботам главного врача турбевского госпиталя...

Период времени от начала моей болезни до оставления Турбева, вернее, вторую половину декабря, я отпелю некоторыми эпизодами, которые хотя в малой доле обрисуют хаос, устроивший в Турбеве в указанный период.

Потеряв надежду и возможность вернуться на срочной, я просил штаб корпуса в Круглой командировать моего вестового с моими вещами и багажом в Турбев. На эту мою просьбу я получил совершенно неофициальный и в такой же степени меня утешающий: мой Светик встретил в дороге покаяния свои дни. До сих пор и веря этому, навсегда это самоубийство останется для меня нерешенной загадкой. Как я и предполагал, что, уезжая в Круглой, я не взял Светика с собой...

— В комнате татпаловского дома я уже не спал: в день получения моего известия о смерти Светика, как мне в комнату поместили привезенного с коблетативского фронта начальника не менее проблематической 1-ой Уральской дивизии, болельского тифом, полковника Кирилова. В том же, как же, гость комнаты, остававшийся свободной, была занята начальником школы артиллерийских полковников Домжоват. Эта гость комнаты для Домжова была последним зельем этаном.

— К отсиравату, пометку только приобретенная полоса Каспийского моря, полоса в 25-30 верст шириной, была покрыта ~~слабым~~ слабым льдом, что исключало, с одной стороны, проход судов Каспийской флотилии к Ленским островам и, с другой — ~~содержание~~

Первая страница второй части воспоминаний

— 65 —

титеской игры, приведшей к гибели антибольшевистских армий
Уральское Войско жертвенно выжило свой долг перед родиной ценою
собственной жизни и своей армии.

Кладбища Кузля Джарга и Кузь-Кюля, терпкую терпеливою долину
Ак-Булама, освещенную терпеливым светом луны, долину роз засыпан-
ную снегом и песком, видный Господь Бог!

— Конец —

Глеб Куз
Кузнецов

Последняя страница воспоминаний

УРАЛЬСКАЯ КАТАСТРОФА

ПРЕДИСЛОВИЕ

К концу 1919 года в одной из отдалённых областей необъятной России имели место события исключительные по своему значению в ходе гражданской войны. Уральская область¹, её географическое положение, её история, своеобразие нравов и обычаев её населения — уральских казаков, к сожалению, нам мало, недостаточно знакома. Не имея возможности дать полную картину событий на Урале во второй половине 1919 года, я коснусь лишь описания области постольку, поскольку это необходимо в интересах полноты и ясности этой картины. По месту описываемые ниже события относятся к долине реки Урала от устья (станция Гурьев) до станции Уральск, к северному и частью восточному побережью Каспийского моря, вернее от Гурьева через Ракушу, Прорву, южную оконечность залива Кайдака (Кара-су) и далее через весь Мангышлакский полуостров до Форта Александровского. По времени эти события охватывают период с июля 1919 по февраль 1920 года. Мне хотелось бы с возможной для участника и наблюдателя событий объективностью обрисовать последний период истории борьбы уральцев с большевиками, относящийся к декабрю 1919 и январю и февралю 1920 годов. Он складывается из вынужденного оставления Уральской армией и населением своей родины и совершенного ими беспримерного похода из Гурьева в Форт Александровский в суровую пору года, в неописуемо тяжких условиях.

¹ **Уральская область** — область в Российской империи, существовавшая в 1868—1920 годах. Была образована указом Императора Александра II от 21 октября (2 ноября) 1868 года. Включала земли Уральского казачьего войска (с 1917 г. Яицкое казачье войско) и часть области Оренбургских киргизов. Граничила: на севере — Оренбургская и Самарская губернии, на западе — Самарская губерния, земли внутренней или Букеевской орды Астраханской губернии, на юго-западе — часть Каспийского моря, на юге — Закаспийская область и берега Каспийского моря, на востоке — Тургайская область и часть Аральского моря. С 1932 года территория области входила в Западно-Казахстанскую область Казахской АССР в составе РСФСР, а с декабря 1991 года — в состав Республики Казахстан.

Наконец, чтобы поставить этот период в связь с общим ходом событий борьбы как на Урале, так и на других противобольшевистских фронтах, я должен уделить более или менее значительное место событиям, предшествовавшим катастрофическому концу Уральской армии, одной из наилучших армий, воевавших в период гражданской войны против большевистской России.

Район боевых действий и отхода Уральской армии

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ЛЕТО 1919 ГОДА НА УРАЛЕ

Приезд в Гурьев и первые впечатления. Царицын², 18 июня 1919 года

16 июня Кавказская армия³ генерала Врангеля⁴, впервые применяя в гражданской войне танки, которые в полужаржавленном, полуизношенном виде мы получили от признательных союзников, заняла Царицын, именуемый большевиками «Красным Верденом»⁵. Операции в других армиях генерала Деникина, главнокомандующего вооружёнными силами юга России, проще говоря — Добровольческой армии⁶, в период последних двух недель развивались не менее успешно: заняты Ростов-на-Дону, Новочеркасск, Таганрог; занятие Харькова — вопрос ближайших дней. Записываю эти строки под ещё тёплым впечатлением событий дня, под впечатлением, вызванном во мне словами, которыми сегодня, на очень

² См. «Указатель географических названий» в конце книги.

³ **Кавказская армия** — оперативно-стратегическое объединение Белых войск на Кавказе, входившее в состав Добровольческой армии генерала А. И. Деникина. Была образована 22 мая 1919 года. Командующие: генерал-лейтенант П. Н. Врангель (21 мая — 8 декабря 1919 г.), генерал-лейтенант В. Л. Покровский (9 декабря 1919 — 8 февраля 1920 г.)

⁴ См. «Именной указатель» в конце книги.

⁵ **Верден** — город во Франции в регионе Гранд-Эст. 21 февраля — 18 декабря 1916 года здесь произошло крупнейшее и самое кровопролитное сражение Первой мировой войны между немецкой и французской армиями, вошедшее в историю под названием «Верденская мясорубка». Во время этого сражения обе стороны в сумме потеряли около миллиона человек, среди которых убитыми — до 430 тысяч человек. С тех пор Верден является символом кровопролитного сражения и часто упоминается в таком значении.

⁶ **Добровольческая армия** — официальное наименование оперативно-стратегического объединения Белой армии на Юге России во время Гражданской войны, созданное в ноябре 1917 года. 26 декабря (8 января) 1919 года Добровольческая армия вошла в состав образованных Вооружённых сил на Юге России (ВСЮР), став их основной ударной силой. Командующий ВСЮР — генерал-лейтенант А. И. Деникин. 26–27 марта 1920 года остатки Добровольческой армии были эвакуированы из Новороссийска в Крым, где вошли в состав Русской Армии генерал-лейтенанта барона П. Н. Врангеля.

многолюдном банкете у генерала Врангеля по случаю разгрома красных под Царицыным, генерал Деникин закончил свой тост словами:

«17-е июня текущего года — знаменательный день нашей Отечественной истории: этой датой мною подписан приказ всем моим армиям идти на Москву».

Трудно описать грандиозность впечатления, произведённого на тех, кто слышал этот тост... Ещё немного усилий, ещё три, четыре недели, Москва, нет сомнений, будет занята и сгинет кровавый кошмар, уже три года давящий Россию.

Привожу дословно эту небольшую выдержку из моего дневника для того, чтобы: во-первых, определить отправной момент во времени моего последующего повествования; во-вторых, напомнить обстановку на фронтах Добровольческой армии и в-третьих, обрисовать настроение этой армии в описываемый момент.

Не надо забывать, что в это же время Сибирская армия⁷ адмирала Колчака победоносно двигалась на Москву с востока, со стороны Сибири.

Уральская армия⁸ по географическому положению её фронта в период гражданской войны в России естественно должна была служить

⁷ **Сибирская армия** — оперативное объединение белогвардейских войск. Её формирование началось в конце мая 1918 года в Новониколаевске (ныне Новосибирск). Первоначально называлась Западно-Сибирской отдельной (добровольческой) армией, с 27 июня 1918 года — Сибирской. Командующие: генерал-майор А. Н. Гришин-Алмазов (июнь — сентябрь 1918 г.), генерал-майор П. П. Иванов-Ринов (сентябрь — декабрь 1918 г.). В декабре 1918 года, после учреждения Ставки Верховного главнокомандующего адмирала А. В. Колчака, Сибирская армия была расформирована. Сибирская армия 2-го формирования была создана приказом адмирала А. В. Колчака от 24 декабря 1918 года как Сибирская отдельная армия на базе Екатеринбургской группы войск и штаба прежней Сибирской армии. Первоначально включала 2 корпуса, 1 дивизию и 1 бригаду. Командующие — генерал-лейтенант Р. Гайда (январь — июль 1919 г.), генерал-лейтенант М. К. Дитерихс (июль 1919). 22 июля 1919 года Сибирская армия была разделена на 2 армии: 1-ю Сибирскую (командующий — генерал-лейтенант А. Н. Пепеляев) и 2-ю Сибирскую (генерал-лейтенант Н. А. Лохвицкий, с 1 октября генерал-майор С. Н. Войцеховский).

⁸ **Уральская отдельная армия (Отдельная Уральская армия)** — войсковое соединение Белой армии, созданное в апреле 1918 года Уральским войсковым правительством и состоявшее из частей, сформированных в основном из уральских казаков и воевавшее в пределах земель Уральской области и примыкающих к ней регионов. 28 декабря 1918 года формирование Уральской армии было закреплено приказом Верховного

связующим звеном между армиями генерала Деникина (Добровольческая) и адмирала Колчака (Сибирская), и только при условии выполнения Уральской армии такого её назначения можно было бы рассчитывать на полную согласованность действий всех противобольшевистских сил.

После того как Кавказская армия, составляя правый фланг Добровольческой, в конце июня 1919 года вышла к Волге и заняла Царицын, когда часть сил этой армии (третья Кубанская дивизия генерала Мамонова) была переведена на левый берег Волги и направлена в район Эльтонского и Баскунчакского озера с задачей перехватить железную дорогу Астрахань — Саратов и отрезать таким образом путь отступления Астраханскому красному гарнизону, необходимость установления действительной связи между Кавказской и Уральской армиями стала не только очевидной, а, в создавшейся к концу июня обстановке, осуществимой.

Необходимо отметить, что до сих пор сведения об Уральской армии в штабе главнокомандующего были весьма скудны. Знали по слухам о существовании какой-то армии на Урале: следовательно, Уральской. Где точно находилась эта армия, каковы её силы и численность — вопросы, на которые оперативная часть штаба Кавказской армии ответить не могла.

В числе мер, принятых командованием Кавказской армии для осуществления столь насущной связи, была моя командировка в штаб пока больше воображаемой, чем несомненно существующей Уральской армии в качестве штаб-офицера связи.

В начале июля с моим денщиком Семёном Дубовым, пленным красноармейцем, добровольно и охотно согласившимся ехать со мной на Урал, я покинул Царицын. Так начались мои поиски не более и не менее как армии.

Чтобы не нагромождать излишних подробностей, я опускаю описание, по тогдашним условиям транспорта, длинного и небезопасного

правителя России адмирала А. В. Колчака. При этом штаб Уральской армии получил права штаба отдельной армии. Состав и численность армии в разное время колебались в пределах 15–25 тысяч штыков и сабель. В её состав входили: 1-й Уральский казачий корпус (1-я и 2-я Уральские казачьи дивизии), 2-й Илецкий казачий корпус, 3-й Урало-Астраханский казачий корпус. Командующие: генерал-майор М. Ф. Мартынов (апрель-сентябрь 1918 г.), генерал-майор В. И. Акутин (конец сентября — 14 ноября 1918 г.), генерал-лейтенант Н. А. Савельев (15 ноября 1918 г. — 7 апреля 1919 г.), генерал-майор (с 7 ноября 1919 генерал-лейтенант) В. С. Толстов (8 апреля 1919 г. — начало 1920 г.)

путешествия через Тихорецкую — Екатеринодар — Минеральные воды — Петровск и далее Каспийским морем до Гурьева, куда мы приехали через две недели по выезде из Царицына.

Гурьев — вторая по величине станица Уральской области после Уральска. Теперь эти две станицы часто именуют городами. Гурьев расположен на правом берегу Урала в 15–16 верстах⁹ от впадения этого последнего в Каспийское море. По своему географическому положению, чрезвычайно выгодному, этот пункт на протяжении всей истории уральского казачества имел значение торгово-промышленного (исключительно в отношении рыбных промыслов) центра. Теперь Гурьев выполнял иную роль: в отношении Уральской армии он служил таким же тыловым центром, какими в отношении Сибирской и Добровольческой были Омск и Екатеринодар.

Вследствие мелководья пароходы Каспийской флотилии не могут подходить не только к Гурьеву, но даже к устью Урала. Поэтому, после того как наш пароход «Экватор» остановился в 1–15 милях¹⁰ от устья Урала у Печных островов, нас, пассажиров, в числе 1¹/₂–2 десятков пересадили на «рыбницу» — местное название большой, парусной рыбацкой лодки...

Жаркий, очень жаркий июльский день. Небольшой, но благоприятный ветер. Путешествие на рыбнице было приятным разнообразием после томительного и утомительного сидения на «Экваторе» в течение пяти дней. Всё шло очень хорошо, пока наша ладья шла под парусом по поверхности Каспийского моря. Но затем, когда она вышла в устье Урала, вернее в один из рукавов Уральской дельты, оба берега которого покрыты непроходимыми зарослями камышей в два человеческих роста, образуя узкий, в ширину рукава коридор, наше путешествие утратило всю свою прелесть. Здесь прежде всего мы подверглись нападению совершенно невероятного количества комаров, оводов и ещё какого-то третьего, мне незнакомого, вида насекомых. Ничего подобного в своей жизни я не видел. В дополнение к этому несчастью, за полным отсутствием ветра парус рыбницы безнадежно повис... Я уклонился от темы. Так или иначе, к вечеру 22 июля рыбница ошвартовалась у пристани города Гурьева.

⁹ Верста — русская единица измерения расстояния, равная пятистам сажням или тысяче пятистам аршинам (что соответствует нынешним 1066,8 метра).

¹⁰ Милья (русская) — единица измерения расстояния, равная 7 вёрстам — 7467,6 м.

В то время как мы подходили к пристани на Урал, недалеко от нас опустился гидроплан. Я не мог даже предполагать, что в медвежий угол — Гурьев, могла залететь такая диковинная птица, как никак не мог допустить, что в Урале водится рыба, о размерах которой мне говорил мой попутчик по рыбнице уральский полковник П. От него я узнал, что 10 лет тому назад в Урале, недалеко от Гурьева, казаки поймали белугу весом в 75 пудов¹¹! Вероятно, первый аэроплан и 75-ти пудовая белуга были чрезвычайными событиями в жизни гурьевских обывателей. Оставляю размеры уральской белуги на ответственности моего попутчика и продолжаю описание предметов и событий менее замечательных.

Итак, мы в Гурьеве, на территории Уральской области. Из разговоров с моими попутчиками, большинство которых — уральские офицеры, мне стало ясно, что Уральская армия есть не воображаемая, а действительная армия, даже с признаками авиации. От тех же попутчиков я узнал, что штаб этой армии находится в станции Сахарной — 300 вёрст севернее Гурьева.

Оставив моего вестового с нашим несложным багажом на пристани, я, за неимением других средств передвижения, пешком направился искать начальника так называемого «Укреплённого Гурьевского Района» полковника Назарова. Почему Гурьев и его окрестности, где решительно не было никаких признаков укреплений, носили столь грозное наименование, я затрудняюсь сказать. Мне кажется, что полковник Назаров был просто комендантом беззащитного Гурьева. Впрочем, это неважно, дело не в названиях.

Уже вечерело, когда мои долгие поиски привели меня к маленькому двухэтажному домику на окраине города. Лай дворовой собачонки предупредил хозяев домика о появлении неурочного посетителя. Меня встретил мужчина средних лет, среднего роста, в среднем, если так можно выразиться, костюме, в котором одинаково можно военного принять за штатского и наоборот. Этот средний мужчина и оказался тем, кого я искал, то есть начальником Гурьевского укреплённого Войска. Извиняясь за свой послеслужебный, из-за жары возможно нестеснительный костюм, Н. Г. Назаров указал мне полутёмную из-за сумерек гостиную, куда он вернулся несколькими минутами позже с лампой в руке, в кителе с полковничьими погонами.

После того как интересовавшие меня вопросы, то есть вопросы, касающиеся положения дела на фронте, способы моего передвижения

¹¹ Пуд — единица измерения массы, равная 16,3805 кг.

в Штаб Армии и ночлега были выявлены, я собрался уходить. После почти десятичасового путешествия на мало комфортабельной рыбнице я не мог отказаться от любезного предложения хозяина остаться ужинать. С большим интересом я провёл вечер у Назаровых и, несмотря на большую усталость, засиделся у них до очень позднего вечера.

Мой хозяин — природный уралец. За вечер, проведённый у него, из его рассказов я подчеркнул много сведений, которые потом дали мне возможность ориентироваться в новой для меня обстановке, достаточно полных для того, чтобы передо мной с полной ясностью обрисовалось, что такое Уральская область в отношении её естественных богатств, что такое уральский казак в отношении его бытовых особенностей. Уральцы — староверы самых различных толков; в религиозном отношении — фанатики; их фанатизм стал утрачивать свою остроту только со времени признания государством свободы вероисповедания в 1907 году¹². Уральцы не только не курят сами, но вообще не допускают этого «дьявольского действия» в своих домах. Уральцы патриархальны. Уральцы носят бороду. Уральцы радушны и гостеприимны, но по уходе гостя комната, в которой его принимали, обкуривается ладаном, а то и освящается. Для гостя и всякого постороннего — особая посуда, из которой уралец-старовер ни в каком случае есть не станет. Образ уральца обрисовывается полнее, если к уже сказанному мы добавим, что уральский казак от природы ленив, от природы сибарит, от природы кавалерист. Надо ли здесь говорить о воинственности уральского казака?!

Характеризуя Уральскую Власть в отношении природных её особенностей, полковник Назаров уделял особое внимание Уралу — источнику и залогу благополучия значительной части области. Убедительные, конкретные доказательства такого значения Урала появились во время нашего ужина в виде осетровой икры, свежей и паюсной¹³, бесподобного

¹² Вероятно, ошибка в дате. Речь идет об именном высочайшем указе Императора Николая II об укреплении начал вероисповедания, изданном 17 апреля 1905 года. В этом указе было легализовано старообрядчество и отменены существовавшие ранее запреты и ограничения для других христианских конфессий.

¹³ **Паюсная икра** — икра свежeverловленной рыбы, засоленная в тёплом солевом растворе (тузлуке), в собственном мешке-оболочке (ястыке), а затем слегка подсушенная. После высыхания оболочку убирают и икру раздавливают особым образом, икринки становятся плоскими и приобретают особый вкус. Готовится она из осетровой, белужьей и севрюжьей икры.

прозрачного, как янтарь, балыка, осетрового и белужьего, в количестве неограниченном.

Об Урале уралец рассказывает не просто, а как-то особенно любовно, как о живом любимом существе. Это вполне понятно. Урал или, как и до сих пор уральцы любят его называть, Яик и Яик-Горыныч сказочно богат. Своему верному охраннику — казаку-уральцу, Урал обеспечивает совершенно безбедное, не без некоторого комфорта даже существование.

Урал, как было уже упомянуто, баснословно богат рыбой. Рыбные промыслы по Уралу и северному побережью Каспийского моря в пределах области составляют главный и излюбленный вид занятий уральца: невод, сеть, багор, знакомая нам рыбница — символы этих занятий оберегаются.

Уралец оберегает свой Яик от покушений и опасностей, с какой бы стороны они ему ни угрожали, с чрезвычайной предусмотрительностью. Уралец перегородил его около Уральска так называемым «учугом», то есть железной по дну реки решёткой, и таким образом прикрепил к водам своего участка Яика крупные породы красной рыбы, такие как осётр, белуга и севрюга; оберегая Яик, уралец до сих пор не допустил ни судоходства по Уралу, ни железной дороги вдоль Урала из опасений, что пароход и паровоз напугают рыбу...

Земледелие и скотоводство составляют дополнительные, но всё же не лишённые большого значения, виды занятий уральцев. Огромные степные пространства области, северной её части, примерно к северу от широты¹⁴ Калмыкова особенно, дают широкие возможности для развития указанных видов занятия, главным образом, скотоводства. На первом месте — друг уральца, — лошадь. Потребность в лошадях обслуживалась конскими заводами, из которых Овчинниковские, Вязниковские и Карповские считаются наилучшими. После разведения лошадей, в порядке степени развития, шло разведение овец, верблюдов и рогатого скота. Привожу маленькую справку, иллюстрирующую размеры овцеводства: сламихинский казак Овчинников¹⁵ до войны определял своё состояние полумиллионом голов овец! Если даже полуторатонная белуга и полумиллион овечьих голов — факты несколько преувеличенные, они во всяком случае

¹⁴ Имеется в виду географическая широта — координата, которая определяет положение точки на поверхности Земли или другого небесного тела с севера на юг.

¹⁵ Казак из станицы Сламихинской.

показательны. Что касается земледелия, то оно с избытком обслуживало потребность населения в хлебе. Часть зерна по Уральской железной дороге вывозилась в пределы Европейской России.

Уклад жизни уральца, как об этом уже упоминалось, патриархален. Все заботы по ведению домашнего хозяйства — обработка приусадебного огорода, уборка сена, уход за домашними животными и птицей и так далее, лежит на хозяйке-казачке и, главным образом, на батраке-киргизе. Первая из них выполняет обязанности распорядительного, второй — исполнительного характера. Уралец — глава семьи, имея в своём исключительном ведении вопросы, касающиеся главной отрасли деятельности — рыболовства, в отношении домашней организации — власть законодательная.

Уралец — рыболов и воин, его жена — хозяйин. Киргиз — живая сила¹⁶.

В ряду ресурсов Уральской области, в будущем, быть может, не менее значительных, чем Урал по отношению к Уральскому краю, чем Баку и Грозный по отношению ко всей России, надо упомянуть местность Доссор, 75 километров северо-восточнее Гурьева, с источниками нефти, открытыми около 1906 года. До сих пор разработки Доссорской нефти производилась в ограниченных размерах Урало-Каспийским нефтяным обществом. Нефтепровод Доссор — Ракуша¹⁷.

Любезным распоряжением полковника Назарова мне была отведена небольшая, но очень чистая и нарядная комната в доме одной вдовы-уралки, где уже далеко за полночь я нашёл и моего Семёна, и багаж, и уже приготовленную заботой хозяина кровать с таким пуховиком, в котором я утонул! Не знаю, как бы я себя чувствовал на этом пуховике зимой, но теперь, в июне, на Урале, после нескольких хороших рюмок коньяку, я перенести не мог. Велел Семёну поставить походную кровать.

¹⁶ Киргизы, кыргызы — тюркский народ и основное население современной Киргизской Республики. Русские в XVIII — начале XX века называли киргизами также казахов в форме «киргиз-кайсаки», «киргиз-касаки», а также «киргизы» или «киргизцы», то есть не делая разделения между казахами и собственно киргизами.

¹⁷ Доссор — нефтяное месторождение, разведанное и нанесённое на карту в 1860–1887 годах русскими геологами Н. А. Северцевым, Д. В. Кирпичниковым и М. М. Новаковским. Разрабатывалось с 1911 года. В настоящее время расположено в Макатском районе Атырауской области Казахстана, в 90 км к востоку от города Атырау.

Ориентируя меня в обстановке на фронте Сибирской армии, полковник Назаров сообщил мне, что по последним сводкам, полученным из Омска, где находилась Ставка адмирала Колчака, Сибирская армия находилась в состоянии отступления. Я узнал ещё в Царицыне, что все силы большевиками были брошены на Сибирские армии, что имело печальное для нас значение.

Я долго не мог заснуть.

Ни самые лучшие впечатления, которые остались у меня от часов, проведённых у А. Г. Назарова, ни вера, которая жила во мне, вера, обязанная успехам Добровольческой армии, не могли заглушить зародившиеся во мне сомнения и тревоги. В первый раз мои надежды были смущены и скорее инстинктивно, чем сознательно, предчувствовалось что-то недоброе.

Возможно, впрочем, что мои мрачные мысли усугублялись неимоверным количеством комаров.

Три дня мы оставались в Гурьеве.

Дальнейший путь в Штаб Уральской армии и далее на фронт, путь в 400 слишком вёрст нам предстояло сделать по грунтовой дороге.

25 июля в шесть часов утра на изношенном фордине мы покинули гостеприимный Гурьев. Выйдя за город, мы увидели перед собой безбрежную, как море, степь.

Стояли невыносимо жаркие, совершенно безветренные июльские дни: в седьмом часу утра солнце уже жгло немилосердно.

Первые годы моей военной службы я провёл в Туркестане, в стране жаркой, и теперь жару переносил сравнительно легко. Мой бедный Семён, уроженец средней России, буквально от неё изнывал.

Первый день нашего путешествия закончился комически-печально. На полпути между посёлком Баксайским и станицей Тополинской старая колесница короля Форда¹⁸ решительно отказалась двигаться. В неё были впряжены пара верблюдов, по счастью оказавшихся неподалеку от места автомобильной забастовки. Уже сумерками эта пара в роли мотора втащила нас в станицу Тополинскую, обывателям которой, благодаря наступившей темноте, не пришлось видеть торжества верблюда над мотором, конфуза техники перед природой. Успех нашего поступательного движения за этот первый день выразился приблизительно сотней вёрст. В Тополинской мы заночевали.

¹⁸ Речь идет об автомобиле американской фирмы «Форд».

На следующий день мы продолжили путь на перекладных¹⁹. Это медленно, но верно.

Дорога от Гурьева до Уральска протяжением около пятьсот вёрст носит название «большого столбового тракта». Этот тракт видел и поэт Пушкина, и работника Емельяна Пугачёва. Он на всём протяжении неуклонно тянется вдоль правого, западного берега долины Урала, редко спускаясь в самую долину, заливаемую во время весеннего половодья и ... уклоняясь к западу, то есть в сторону степи. На этот столбовой тракт, как на нитку, нанизаны приуральские станицы на почти равных расстояниях, в среднем 15–20 вёрст одна от другой.

От Гурьева до Тополинской на почти на стовёрстном пути, пройдённом нами в новый день нашего путешествия, закончившегося столь плачевно и даже конфузно, вправо от направления нашего движения мы неизменно видели долину Урала, покрытую сплошными уже пожелтевшими камышами, и в ней Урал с его крытыми извилинами, а влево — необозримую, монотонную, сожжённую солнцем степь. Никаких признаков жизни, если не считать нашего тарантаса, двигавшегося в облаке пыли, им производимом. На этом пути мы проехали ряд станиц — Редутскую, Сарайчиковскую, Яманхалинскую, Баксайскую, одна на другую похожих, одна от другой отличающихся по названию и величине. Вообще размеры приуральских станиц весьма значительны — пятьсот, шестьсот дворов в среднем. В центральной части каждой станицы неизбежно площадь с церковью, школой, почтой и станичными административными учреждениями. Дома глинобитные или кирпичные, за редкими исключениями, деревянные; по преимуществу одноэтажные, с плоскими крышами. Глядя на станицу, нельзя не обратить внимание на вычурную нарядность дворовых ворот с традиционной около ворот скамейкой, имеющей значение в укладе жизни на Урале; уралец и его семья, нормально многочисленная, любят проводить досуг на этой скамейке. По воскресным и праздничным дням, в хорошую погоду, перед вечером можно видеть всё население станицы собирающимся теснее у ворот и скамеек. Скамейка для станичного обывателя то же, что кафе для горожанина: она и биржа, и политика, злословие и пустословие; она подслушивает и знает секреты звёздных уральских ночей! (Прошу прощения за лирическое отступление, не имеющее никакого отношения к предмету моей

¹⁹ На перекладных — способ передвижения в конном экипаже, при котором лошади (или лошади и экипажи) заменяются по ходу маршрута.

повести) ... Широкие прямые улицы во всех приуральских станицах всегда двух направлений взаимно перпендикулярных: с юга на север и с востока на запад; полное отсутствие лесной растительности. Только в Тополинской мы видели небольшую редкую рощу тополей, которая скорее резала, чем ласкала взор. Общий вид станиц серый, утомительно однообразный и скучный. (Внутри станиц из всех углов выглядывают обломовщина и спячка, а вместе с тем везде и во всём заметен недостаток и даже избыток).

Почти пять дней тащились мы от Тополинской до Бударина, конечного пункта нашего путешествия, преодолевая трёхсотвёрстное между этими станицами расстояние. На всём этом пути в течение этих пяти дней мы воспринимали те же или почти те же впечатления, что и в первый день пути между Гурьевым и Тополинской: та же долина Урала с извивающимся в ней самим Уралом — вправо и та же жёлтая, бесконечная степь — влево от направления нашего движения, строго с юга на север, те же похожие одна на другую как две капли воды полусонные станицы и гостеприимные казаки-уральцы; жара и изнемогающий от неё Семён, пыль и мухи — днём, комары — ночью. Надо иметь в виду, что в описываемую мною эпоху население станиц было крайне редким: весь молодой, боеспособный его элемент находился на фронте, на местах оставались только старики, женщины и дети. Не удивительно, что поэтому станицы носили на себе отпечаток отсутствия жизни и пустоты.

От убийственной повторности впечатлений, несмотря на то, что мы, несомненно, как-то двигались, казалось, что жизнь остановилась и мы стоим на месте...

Только после Калмыкова, по мере приближения к фронту, однообразие стало нарушаться. Обычный вид приуральских станиц в Калмыкове нарушен магометанской киргизской мечетью с минаретом и лунным сегментом над мечетью. Подъезжая к станице Калёной, по счёту пятой от Калмыкова, мы увидели первый, как в Малороссии называют ветреную мельницу, «ветряк» и первое засеянное пшеницей поле; число ветряков по мере удаления от Калёной на север постепенно увеличивалось; в Сахарной, Лбищенской и Бударинской оно уже достигало нескольких десятков. Заметно возрастала и площадь хлебных полей, частью уже убранных. Появились бахчи или баштаны²⁰ с их, совсем как на юге России, «куре-

²⁰ Баштан — то же, что бахча; поле, на котором, как правило, выращиваются арбузы, дыни, тыквы.

нями»²¹ и «баштанными дедами»; чаще стали встречаться люди, отдельно едущие повозки, войсковые обозы и даже автомобили. Надо сказать, что до сих пор на перегонах между станицами вообще мы не встречали живой души. Почувствовалась близость фронта.

Одно обстоятельство, которое, вероятно, на всю жизнь останется глубоко врезанным в мою память, оставив в ней неизгладимый след, окончательно вывело меня из полудрёмного состояния.

По выезде из Лбищенска в почти мёртвой до сих пор степи, где ничего кроме миража, столь поразившего моего Семёна, за всё наше путешествие мы не видели, сначала редко, а затем всё чаще и чаще в поле нашего зрения стали появляться какие-то своеобразные, странные бивуаки²², представлявшие собою большие или меньшие по размерам становища из полотняных палаток и повозок, в непосредственной близости которых паслись верблюды и лошади. Далее, на перегоне между станицами Кожехаровская и Барановская, вся степь, на сколько хватил глаз, говоря, быть может, несколько преувеличено, теснясь к Уралу и его долине, то есть к воде, была усеяна такими гуляй-городами. Из состояния полного недоумения, в которое я был повергнут видом импровизированных бивуаков, над которыми висела зловещая грязно-жёлтая туча пыли, меня вывел наш возница — старик-уралец. От него я узнал следующее: приблизительно месяц тому назад Уральская армия должна была под натиском превосходных сил противника оставить район к северу от Уральска и самый Уральск. Это отступление ближайшим своим результатом имело оставление населением большого числа станиц района, захваченного красными. Теперь каждый из бивуаков, которые мы видели, означал не более и не менее как «выкочевавшую» станицу в тылу действующей армии. Население, оставляя противнику свои жилища, уходило поголовно, угоняя скот, забирая с собою домашнюю живность, вывозя решительно всё, что по наличию перевозочных средств могло быть вывезено. Создавалось таким образом бедствие стихийных размеров, бедствие, в котором оседлая жизнь трансформировалась в кочевую. Уралец делал максимум усилий, шёл на все лишения, лишь бы уйти подальше от коммунистического рая.

²¹ Курень — казачье жильё, дом.

²² Бивуак — место для отдыха под открытым небом, вне населённых пунктов. Применяется, главным образом, в военном деле. Термин имеет французские корни и в переводе означает «дозор».

Третьего июля к вечеру мы достигли наконец пункта моего назначения — станицы Бударинской, нашли штаб, вернее оперативную часть штаба армии, а, следовательно, и саму армию. Оперативная часть в Бударине была представлена полковником генеральского штаба В. И. Моторным, двумя адъютантами и несколькими ординарцами, среди последних были велосипедисты и даже два мотоциклиста. В момент моего прибытия в Бударин здесь находился и командующий Уральской Армией, он же атаман Уральского Войска В. С. Толстов.

Я передал атаману документы и письма, полученные мною в штабе Кавказской армии в день моего отъезда из Царицына и обрисовывающие положение в Добровольческой армии и, в частности, в Кавказской.

Обстановка на фронте Уральской армии к описываемому моменту складывалась следующим образом.

Уральск занят красными; по донесениям командиров 1-го Уральского и 2-го Илецкого корпусов, за последние дни серьёзных боевых столкновений на фронтах этих корпусов не было. Фронт Уральской армии начинался у станицы Нижне-Озёрной, что 15 вёрст западнее Оренбурга, где находился стык флангов Уральской и Южной Сибирской армии, шёл по левому берегу Урала и далее, уклоняясь несколько к юго-западу, направлялся к станице Сламихинской. Таким образом, в то время, как правый фланг Уральской армии находился в непосредственной плечевой связи с левым флангом Сибирских армий, её левый — у Сламихинской и Новой Казанки терялся в Киргиз-Кайсатских степях. Не надо думать, что указанный огромный по протяжению фронт представлял собою сплошную линию обороны. Эта линия имела прерывистый характер, уплотнённый только на важных направлениях. Одним из таких направлений было направление Гурьев — Уральск, важное для Уральской армии, наоборот, направление Уральск — Гурьев, важное для красной.

Необходимо отметить, что Илецкие казаки не признавали генерала Толстого своим атаманом²³. Поэтому командир 2-го Илецкого корпуса, не подчиняясь атаману-уральцу как Командующему армией, только до

²³ Илецкие казаки входили в состав Уральского казачьего войска, но исторически, а также в земельном и бытовом отношениях, составляли особую от уральцев группу. В административно-военном отношении они были причислены к 1 военному отделу Уральского казачьего войска и входили в состав 3 станиц: Илецкой, Мустаевской и Студеновской, с 22 пунктами, в которых числилось почти 20 тыс. человек.

некоторой степени и только в боевом отношении согласовывал действия своего корпуса с теми или иными распоряжениями Штаба Уральской армии: по усмотрению.

Боевой состав 1-го Уральского корпуса состоял из трёх дивизий четырёх-полкового состава 1-го Уральского полка, нескольких партизанских, пехотных отрядов, броневого и авиационного отрядов. Оперативная часть Штаба армии определяла боевой состав корпуса в 12–13 тысяч штыков и сабель, с значительным перевесом в численности на стороне конницы. Тот же боевой состав красной группы, действовавшей против 1-го Уральского корпуса, по данным разведывательного отделения, определялся 24 тысячами штыков и шашек при 75 орудиях, с перевесом численности на стороне пехоты, под командой начальника группы и в то же время начальника 25 дивизии, считавшейся одной из лучших в Красной армии, товарища Чапаева. Таким образом, на Уральском фронте, в идеальных условиях степной войны, конница одной из сторон противопоставлялась пехоте другой. Я упустил сказать, что 1-й Уральский корпус располагал достаточным количеством артиллерии, но, к сожалению, не располагал сколько ни будь достаточным количеством снарядов: в бою за Уральск наша артиллерия по десять шрапнелей противника отвечала одной, двумя.

Помимо подавляющего перевеса в силах, по численности красные располагали абсолютным преимуществом в вопросе комплектования: в то время как красные в отношении этого вопроса имели неисчерпаемый источник пополнения рядов, в Уральской армии этот источник был равен нулю — в станицах, которые мы проехали, кроме стариков и женщин, мы не видели никого.

В не менее плачевном состоянии находился другой важный вопрос, вопрос транспорта, что было обусловлено недостатком перевозочных средств, с одной стороны, огромными расстояниями, на которые надо было перевозить предметы вооружения и продовольствия, с другой. Достаточно беглого взгляда на карту, чтобы видеть, какие расстояния надлежало преодолевать, чтобы обеспечить армию насущно необходимым. Возьмём для примера хотя бы расстояние Гурьев — Бударин, расстояние, измеряемое полутысячей вёрст, то есть 12–15 днями пути.

Вести, приходившие из Омска, где находился штаб адмирала Колчака, со дня на день всё более и более тревожные, не оставляли никаких сомнений в факте отступления Сибирской армии по всему её фронту. Эти вести заволакивали горизонт тучами, предвещавшими грозу.

Я принадлежу к числу сторонников, считающих, что тяжесть большевистской проблемы находится в Омске, а не в Екатеринодаре, и поэтому неудачам на Сибирском фронте придаю большое, быть может, исчерпывающее значение.

Так сложилась обстановка на всех противобольшевистских фронтах, на уральском в частности, к началу июля 1919 года. При всей, казалось бы, безотрадности положения, Уральская армия не утратила ни веры в себя, ни веры в то, что рано или поздно она получит помощь со стороны Сибирской и Добровольческой армий, для которых она, Уральская, была связующим звеном.

После ужина, позднего и скромного, В. И. Моторный предложил мне сделать с ним небольшую прогулку. Тёмная, звёздная, настоящая южная ночь. Совершенно тихо. Ничего, что говорило бы о том, что мы на войне, на фронте, в десятке вёрст от противника.

За час нашей прогулки в небольшом саду полковник Моторный ознакомил меня с интимной стороной дела, с обратной стороной медали, охарактеризовав ряд лиц, игравших в армии роль. На первом месте, конечно, атаман и Командующий армией, генерал-майор В. С. Толстов. О нём полковник Моторный рассказал мне следующее. В 1914 году вышел на войну сотником. В этом же году, командуя сотней, получил георгиевский крест. При представлении Государю был произведён в следующий чин. Ко времени февральского переворота был уже полковником, а за то, что с развалившегося в конце 1917 года нашего фронта привёл какую-то небольшую воинскую часть с двумя пушками в организованном виде, Войсковым Съездом был произведён в генералы и скоро, не без, по-видимому, некоторых обзорных движений и компромиссов, тем же Войсковым Съездом был избран атаманом. Илецкие казаки, составляющие органическую часть Уральского казачества, на выборах участия не принимали и признать генерала Толстова атаманом отказались. Среди командного состава, безразлично — старшего и младшего, старого и молодого, отношение к атаману было отрицательным. Командир 1-го Уральского корпуса генерал Савельев — старый генерал-лейтенант Императорской армии, ненавидел атамана в той степени, что спокойно говорить о нём не мог.

Для полноты описания нашего длительного путешествия из Гурьева в Бударин позволю себе маленькое отступление от предмета моего повествования, в той степени невинное, как невинно обстоятельство, о котором мне хотелось бы сказать несколько слов.

Если когда-нибудь вам придётся посетить уральские степи в период летних жаров, в период лучших обстоятельств, чем те, в которых путешествовали я и мой Семён, и ехать, скажем, из того же Гурьева в тот же Бударин, а, может быть, и далее до края уральских степей, мираж, или как говорят уральцы — «марево», или ещё проще — «мар», будет одним из первых ваших впечатлений. На каждом шагу в полдневную пору вы будете наблюдать странную, непонятную игру природы. Игру света, воздуха и несуществующих в поле вашего зрения предметов. Воспринимаемые впечатления вам кажутся тем более странными ещё и потому, что между тем, что позволяет вам видеть мираж, и тем, что вы видите в окружающей вас действительности, нет ничего общего. Вы отлично знаете, что в пределах вашего горизонта по направлениям четырёх стран света нет ничего, кроме выжженной, лишённой каких бы то ни было признаков жизни, вы в то же время ясно видите, иногда близко — в нескольких сотнях шагов, иногда в значительном от вас удалении, берег моря и само море, вероятно Каспийское, или широкую реку, вероятно Урал, острова, лес, отдельные деревья, вероятно тополиную рощу, и их отражения в воде.

Темы миража разнообразны чрезвычайно. Ничто, кроме лёгкого колебания мнимого миражного ландшафта, не позволяет вам думать, что перед вами не действительность, а обман и фантасмагория...

Отступление 1-го Уральского корпуса. Август 1919 года

6-го июля мы покинули Бударин, направляясь в посёлок Богатский, 12 вёрст севернее Бударина, где находился штаб 1-го Уральского корпуса.

Командир корпуса — генерал Н. Г. Савельев, о котором мною уже было упомянуто, участник войны с Германией, во время которой командовал дивизией. По своему происхождению он не природный казак, по отношению к Уральской области, как говорят уральцы, «иногородний», приписной казак. Женат на уралке. Вероятно, это последнее обстоятельство обусловило его близкое отношение к уральцам. Генерал Савельев, в противоположность генералу Толстову, производил впечатление солдата старого закала, солдата, уверенного в своих решениях и действиях. Это начальник большого боевого опыта, полученного им в командовании

пехотными частями, что не отвечало составу тех войск, во главе которых он находился теперь.

Расположение 1-го Уральского корпуса к 1 августа 1919 г.

1-й Уральский корпус, удерживая сектор фронта к западу от реки Урал, к описываемому моменту главными своими силами занимал район к западу от станицы Янайкинской и саму Янайкинскую. Здесь была сосредоточена вся пехота корпуса: помимо уже упомянутого 1-го Уральского пехотного полка, Николаевский, Семёновский и Царевский партизанские отряды, Татарская рота, общей численности около 3 ½ тысяч. Конница: 1-я дивизия полковника Кирилова, 2-я дивизия полковника Сладкова, 6-я дивизия полковника Бородина и, наконец, 3-я Илецкая дивизия, временно приданная корпусу полковника Щедрина²⁴; 6-я дивизия полковника Бородина была расположена в районе Сламихинская — Новая Казинка, 200 вёрст к юго-западу от Янайкинской, имея задачей обеспечение направления со стороны Александровского Гаю на Калмыков, направления, грозившего нашему главному пути сообщением с Гурьевым. Общая численность конницы — 8 ½–9 тысяч. Броневой отряд в составе двух машин находился в Бударине, авиационный в Гурьеве.

К характеристике боеспособности корпуса надо отметить, что в то время боеспособность конницы находилась на должной безупречной вы-

²⁴ Возможно, опечатка. Вероятно, речь идет о полковнике С. П. Шадрине.

соте, а такие в пехоте позволяли желать лучшего. Говоря это, я далёк от намерения умалить ценность пехоты 1-го Уральского корпуса. Если она не вполне отвечала своему назначению, то это было обусловлено особыми условиями её комплектования. 1-й Уральский пехотный полк в большей части своего состава был укомплектован природными уральцами, потерявшими своих лошадей, как говорили, «безлошадными» казаками. Потеряв коня, уралец, идеальная боевая единица, обращался в пехотинца посредственного качества. Уральской регулярной пехоты никогда не существовало. Относительно партизанских отрядов, входивших в состав корпуса, надо сказать, что они были укомплектованы «иногородними», то есть не казаками, а уроженцами Симбирской и Саратовской губерний. Отличные партизаны, но плохие пехотинцы в полном значении этого слова. Из изложенных условий комплектования вытекает, что удельный вес уральской пехоты исключал для неё ведение упорного, методического пехотного боя. И тем не менее, в недавних боях за Уральск, по свидетельству генерала Соловьёва, его корпусная пехота доблестно выполнила своё назначение.

8-го августа 1919 года красные перешли в наступление.

Янайкинские позиции, под угрозой охвата со стороны степи, то есть слева, были оставлены в тот же день; корпус отошёл к Бударину и занял здесь положение по отношению к Бударину тождественное тому, которое он занимал по отношению к Янайкинской станице. 9-го августа — повторение предшествовавшего дня: сильный нажим на левый фланг корпуса и отход последнего к посёлку Барановскому, где он занимает положение, аналогичное двум предшествовавшим. В последующие затем дни корпус продолжал отступление на юг, повторяя неуклонно сегодня то, что было вчера, и к 14 августа всё пространство до Мерченева было отдано противнику. Здесь корпусу удалось на некоторое время задержаться. После небольшого перерыва в боевых действиях и двухдневного затем боя под Мерченевым оставляется этот последний. Очень длительные и упорные бои за Сахарновскую, в конечном результате для нас неудачные, привели к оставлению этой станицы. К 27 августа без нажима со стороны противника корпус отошёл к посёлку Калёному.

Противник выдохся. Понеся в двадцатидневных почти непрерывных боях значительные потери, растянув свой коммуникационный путь на 150 с лишком вёрст, он, заняв Сахарновскую, остановился.

Во время боёв под Сахарновской из Сламихинской на соединение с корпусом подошла 6-я Уральская дивизия полковника Бородина. Такая перегруппировка оказалась осуществимой потому, что со стороны Александра Гая в период отступления корпуса противник никаких активных действий не предпринимал: ясно, что все силы противником были брошены на главное, гурьевское направление.

Броневой дивизион был усилен 4-мя машинами, прибывшими с Кавказа.

Из Сибири прибыли долгожданные снаряды для лёгкой артиллерии. 1-й Уральский корпус вздохнул свободнее.

В Бударине генерал Савельев заболел и покинул фронт. Командование корпусом атаманом было возложено на меня.

Останавливаюсь на некоторых наиболее показательных фактах августовского отступления 1-го Уральского корпуса.

Все боевые действия воюющих сторон в указанной период, с 8-го по 27 августа, не выходят за пределы 25-ти вёрстной полосы местности, прилегающей непосредственно к долине реки Урала на его участке между Янайкинкой станицей, где бои начинались, и посёлком Калёным, где кончились, полосы местности в 150 вёрст протяжением. Отступление корпуса вызвало новое оставление населением целого ряда станиц, хуторов и посёлков. В этом ряду назовём станицы Бударин, Лбищенск, Мергенев и так далее. Новая волна беженцев вливалась в старую, нам знакомую, и образовавшаяся таким образом масса обездоленного люда с его скотом и скарбом медленно двигалась на юг и, теснясь к Уралу, единственному источнику, могущему обеспечить людей и скот водою, загромаждала тыл отступающих войск и стесняла действия корпуса. В степи стало тесно! Прибавьте к этому нестерпимую жару, тучи пыли, рёв скота, верблюдов... Воздух, отравленный павшими животными, воздух, в котором трудно было дышать... Всё это на звуковом фоне оружейной канонады, разрывов снарядов, пулемётной и ружейной трескотни... И всё же даже при этих условиях отступление корпуса ни на минуту не носило характера бегства.

Целью августовского наступления противника был, конечно, Гурьев и «потопление» уральцев в Каспийском море.

С эпизодической точки зрения, однодневный бой под Мергеневым и трёхдневный под Сахарновской наиболее ярки. Этим боям уделяю место в моём повествовании.

Мергенев

К вечеру 13 августа 1-й Уральский корпус отошёл в район Мергенева. В течение последующих дней, до 18-го числа, противник активных действий не предпринимал.

Зона операций 1-го Уральского корпуса

Накануне отхода корпуса к Мергеневу разъездами 2-ой Уральской дивизии был перехвачен ординарец красных с полевой запиской начальника штаба 25 коммунистической дивизии на имя одного из командиров полков 2-ой бригады 50-ой пехотной дивизии, тоже коммунистической. В полевой записке указывалось, что на 14-е августа в штабе группы, в Лбищенске, назначено «оперативно-стратегическое совещание», на которое по приказанию начальника группы адресату надлежало прибыть к десяти часам указанного дня. Этой запиской определялись два важных обстоятельства: во-первых, то, что штаб 25 дивизии был в то же время и штабом группы, во главе которой стоял начальник 25 дивизии Чапаев и, во-вторых, то, что местопребыванием штаба этой группы был Лбищенск. По странной случайности 15-го августа в руки разъездов той же дивизии

попал второй ординарец красных, у которого был найден приказ войскам группы, подписанный товарищем Чапаевым и датированный 12-ым числом. Этот приказ давал нам в руки карты противника. С одной стороны, он точнейшим образом определял боевой состав и расположение частей Чапаевской группы и, с другой, открывал нам план действий противника в ближайшие дни. По недостатку места я не останавливаюсь подробно на боевом составе противника. Напомню только, что ядро группы составляли 25-я и 50-я дивизии, последняя в неполном составе. Общая численность Чапаевской группы превосходила таковую 1-го Уральского корпуса более чем вдвое. Обстановка для нас была идеально ясной, но вместе с этим было не менее подавляющее превосходство в силах на стороне противника.

На рассвете 18-го августа противник, выполняя вышеупомянутый приказ товарища Чапаева, атаковал мергеневские позиции, неизменно применяя твёрдо усвоенный приём сочетания фронтальной атаки с обходом, на этот раз скорее с охватом левого фланга этих позиций. Первая атака, ничем не отличавшаяся от тех, которыми красные сбивали нас под Янайкиным, Будариним и Лбищенском, ожидаемого красными результата не дала. Намерение противника охватить наш левый фланг было предусмотрено и ликвидировано частью уступным порядком расположения пехоты, частью броневиками, высланными для поддержки этого фланга. Так или иначе атака захлестнулась, бой принял затяжной, перестрелочный характер.

Наилучшая оборона — контратака. Это старая истина.

К полудню создавалось положение, в котором, казалось, старая истина могла бы иметь применение; но резерва абсолютно не было и решиться подвергнуть корпус крайнему риску было трудно.

В этот определённый момент положения на фронте ко мне в полевой штаб корпуса прибыл начальник 5-ой Илецкой дивизии полковник Емуранов и доложил, что его дивизия, направленная штабом Илецкого корпуса на помощь Уральскому, в данное время своими передовыми частями подходит к переправе у Мергенева. Полковник Емуранов предполагал, что, переправившись через Урал, оставив временно обозы на правом берегу, к 4–5 часам дня он сможет принять участие в бою.

Первая, обыкновенно самая стремительная, атака красных с большим для них уроном была отбита; неожиданно к полю сражения подошла свежая дивизия. Положительно фортуна поворачивалась к нам лицом!

Красные вели повторные атаки; их отбивали. Бой продолжался с возрастающим напряжением. Можно было надеяться на то, что после того, как 5-я дивизия успеет выйти в тыл обходной колонны противника, бой под Мергеневым примет благоприятный для нас оборот.

Но и обоснованным надеждам не всегда суждено осуществление, все случайности предвидеть нельзя: в 4 часа дня в штаб корпуса прибыл ординарец полковника Емуранова с известием ещё более неожиданным, чем само появление 5-ой дивизии у Мергеневской переправы несколько часов тому назад: Илецкие казаки отказались идти на помощь уральцам в критический момент положения на фронте Уральского корпуса и предпочли длинный путь к Джамбетийской ставке короткому, ведущему на фронт. Я не буду комментировать этот поистине нелепый случай в истории Уральского корпуса, чтобы не уклониться в сторону и ещё потому, что причины, его обусловившие, для меня совершенно непонятны. Но факт остаётся фактом.

Оставим пятую Илецкую дивизию идти туда, откуда она пришла, и вернёмся на позиции под Мергеневым.

Напрягая последние усилия, мы удерживали Мергеневские позиции до наступления темноты.

В ночь с 18 на 19 корпус отошёл в район станции Сахарновской.

Станица Сахарновская

21 августа с утра красные повели наступление против нашего расположения в районе Сахарновской. Это наступление велось редкими цепями, вяло и, по-видимому, выжидательно демонстративно.

По смыслу приказа товарища Чапаева от 12 августа, приказа нам точно неизвестного и проводимого до сих пор противником в жизнь с неукоснительной точностью, Лбищенской группе надлежало выполнить задачу до чрезвычайности простую: путём глубокого обхода отряд особого назначения, скажем проще — обходная колонна, достаточный по обстоятельствам силы, должен была захватить Сахарновскую и таким образом перерезать путь сообщения корпуса с Гурьевым. Просто — не всегда легко.

Под хутором Старый Кордон обходная колонна противника была разбита 2-ой Уральской дивизией (323 пленных, 10 пулемётов и 2 орудия). Этот эпизод в значительной мере облегчил отход корпуса в район

Сахарновской станицы, с одной стороны, и, с другой, сводил к нулю Чапаевскую затею окружения корпуса под этой станицей.

В течение последующих двух дней боевые действия под Сахарновской носили характер столкновений передовых частей. Чувствовалось переутомление войск обоих противников.

Оставив на фронте наблюдение за противником, в ночь с 25 на 26 августа корпус, без нажима со стороны красных, отошёл к посёлку Калёному.

Противник, как было выше сказано, понёс большие потери, растянув свою коммуникационную линию более чем на 150 вёрст, остановился.

Наступило затишье...

Стремление красных в летний период 1919 года к Уральску и далее к Гурьеву находится в единой связи с действиями их армий в тот же период в Сибири. Отрывочные сведения о положении дела на Сибирском фронте в течение августа мы получали из Омска всё реже и реже. При всей скудности этих сведений было всё же ясно видно, что обстановка на Сибирском фронте со дня на день складывалась всё хуже и хуже. Эти сведения допускали большую вероятность того, что отступление армии адмирала Колчака принимало стихийный характер, грозивший катастрофой. Такое положение дел в Сибири Уральской армией принималась ближе к сердцу, чем свои собственные неудачи истёкшего августа.

Теря надежду на помощь справа, уралец стал смотреть налево.

В тот же август 1919 года обстановка на фронте Добровольческой армии складывалась удивительно благоприятно. Не вникая в причины быстроты и лёгкости, с которыми Добровольческая армия, теряя связь, оставляя за собой хаотический тыл, через Харьков, Курск шла на Москву. Уральцы и не уральцы могли не учитывать того огромного значения, какое в действительности имело отступление Сибирской армии и не убаюкивать свои надежды успехами Добровольческой армии. Но если мы примем в расчёт то, что, во-первых, красные не без основания считали Сибирскую армию неизмеримо более для них опасной, чем Добровольческую, во-вторых то, что в летнюю компанию 1919 года большевики притянули на Сибирский фронт решительно всё, что могли и, в-третьих, то, что генерал Деникин шёл на Москву не по пути, который, по занятии Царицына 15-го июня и по выходе на Волгу ему указывала обстановка (путь Царицын — Саратов — Самара), то удельный вес успехов Добровольческой армии окажется далеко не тем, чем он был в действительности. Итак, к концу лета

1919 года надо считать Сибирскую армию приведённой к нулю. Осталась неясная надежда на Добровольческую...

Набег на Лбищенск

Заняв станицу Сахарновскую, красные были принуждены временно приостановить боевые действия, ограничив их разведкой. Удлинение коммуникационной линии, отсутствие каких бы то ни было местных средств, пополнение потерь и т. д. — всё это указывало на то, что наступившее затишье продлится значительное время, если и с нашей стороны за это время не будут предприняты какие-либо активные действия. Сосредоточенному в районе поселка Каленого 1-му Уральскому корпусу создававшаяся обстановка ставила задачей принятие решительных мер воздействия на противника в спешном порядке с целью остановить движение красных дальше на юг. Надо было предупредить противника в его приготовлениях к новому наступлению, так или иначе вырвать у него инициативу действий. Во исполнение насущных требований обстановки из корпуса был выделен конный отряд в составе 2-й и 6-й дивизий (семь полков) и двух конных батарей под командой начальника 2-й дивизии полковника Сладкова, которому была поставлена задача выйти в глубокий тыл группы Чапаева, занимавшей район станицы Сахарновской со штабом в Лбищенске, с целью полного перерыва пути сообщения группы с базой, то есть с Уральском. Ближайшим объектом действий конному отряду был назначен Лбищенск, где находился Чапаев со своим штабом. По ликвидации Лбищенска, если таковая будет осуществлена, конному отряду надлежало двигаться на Уральск с целью уничтожения там базы противника. Остальные силы корпуса, то есть вся пехота под командой полковника Тихомирова, 1-я Уральская дивизия полковника Кириллова, бронедивизион полковника Филатьева должны были, оставаясь в положении, ими занимаемом, вести усиленную разведку и жертвенно удерживать противника в случае, если бы последним было предпринято наступление со стороны станицы Сахарновской в направлении на юг.

В сумерках 1 сентября конный отряд был сосредоточен у южной окраины посёлка Калёный и с наступлением темноты стал уходить в степь в западном направлении по дороге на хутор Луков.

Конному отряду, двигаясь степью сначала, как выше сказано, в западном направлении, до хутора Луково, а затем в Северном, до хутора

Юлаева, двигаясь только ночами, предстояло совершить путь более 120 вёрст протяжением.

Следуя по маршруту Калёный — хутора Луков — Лузаткин — Картон — Юлаев, отряд до рассвета 4 сентября должен был сосредоточиться в районе хутора Юлаева, а на рассвете пятого, совершив ночной переход от Юлаева к Лбищенску, атаковать этот последний.

Лётчик поручик Аракелов, высланный из Калёного в конный отряд утром 3 сентября, вернулся вечером того же дня с донесением от полковника Сладкова, из которого явствовало, что вверенный ему отряд достиг района хуторов Картон — Рябов, нигде не встретив противника. На другой день, 4 сентября, тот же лётчик был выслан снова, но вследствие порчи мотора до Юлаева, где, по расчёту времени, должен был находиться конный отряд, не дошёл и, таким образом, связь с отрядом в этот день установлена не была. Наконец, лётчик, фамилию которого я не помню, высланный утром 5 сентября, вернулся около полудня с известием, что Лбищенск взят!

Как и предполагалось, в Лбищенске находился весь многочисленный штаб Чапаевской группы и сам Чапаев. Захватить последнего живым не удалось: он был убит, когда спасался вплавь через Урал.

Нападение конного отряда на Лбищенск на рассвете 5 сентября было для штаба и для самого Чапаева полный неожиданностью. Когда накануне фуражиры, ездившие из Лбищенска в район Юлаева за сеном, докладывали Чапаеву, что видели там разъезды уральцев, Чапаев и им не поверил, считая это совершенно невероятным. Никаких мер предосторожности принято не было. Тем не менее, несмотря на всю внезапность нападения, конный отряд встретил на улицах и в домах Лбищенска упорное сопротивление. Атаковав Лбищенск на рассвете, конному отряду удалось ликвидировать красных, которых там оказалось около 2000, только к 10 часам утра. Дольше других держался сам Чапаев с небольшим отрядом, с которым он укрылся в одном из домов на берегу Урала, откуда пришлось выживать его артиллерийским огнём. И этим средством он был принуждён искать спасение в Урале, но там, как мы уже знаем, его не нашёл. Убитыми и ранеными красные в уличном бою потеряли очень много: едва ли треть красных, находившихся в Лбищенске в момент нападения, успели уйти вплавь за Урал. Всё остальное попало в плен и в значительной части просто уничтожено.

В Лбищенске была захвачена большая добыча в виде продовольствий, оружия, снарядов, четыре аэроплана и даже кинематографиче-

ские аппараты. Около 11 часов, когда с Лбищенском было кончено, на Лбищенском аэродроме опустился пятый, не подозревая, конечно, того, что произошло в это утро в Лбищенске. По-видимому, в Лбищенске штаб группы Чапаева располагался не без удобств и приятного препровождения времени: в числе пленных или трофеев, затрудняюсь сказать определённо, оказалось большое число машинисток и стенографисток. Очевидно, в красных штабах много пишут...

В Лбищенском в бою мы потеряли ранеными и убитыми 118 офицеров и казаков. В числе убитых был начальник 6-ой дивизии полковник Н. Н. Бородин. В тот же день, 5 сентября, на грузовом автомобиле тело полковника Бородина было доставлено в Калёный и, после панихиды, погребено на кладбище этого посёлка...

Лбищенская операция — светлый и счастливый момент в истории борьбы уральцев с большевиками, но увы, должен, упреждая события, сказать, что он был и последним.

Чтобы кончить, скажу, что при всей скромности масштаба Лбищенской операции, она являет собою пример, доказывающий важность и значение манёвра на войне, безразлично какой. Где не хватает сил, так спасает манёвр...

Занятие Лбищенска и ближайшие последствия, из него вытекающие, — уничтожение штаба группы Чапаева и гибель этого последнего, полный разрыв связи группы с базой, то есть с Уральском, прекращение подвоза продовольствия — ставили 25 и 50 дивизии под Сахарновской станицей в очевидную необходимость уходить, и уходить, не теряя времени. К этому надо добавить, что хлеба, о чём имелись точные сведения, в войсках не хватало, и достать его было невозможно.

В ночь с пятого на шестое, когда от пожаров в Карши и Сахарновской на улицах посёлка Калёного было светло как днём, красные начали отход по большому тракту, хорошо им знакомому, на север.

Опуская подробности отступления красных из-под Сахарновской, я остановлюсь на некоторых особенностях этого отступления и на обстановке, в которой оно протекало. Прежде всего надо сказать, что преследование противника началось со значительным опозданием — 5–6 часами позже, чем следовало, то есть только на рассвете 6-го числа. Результатом этого было то, что корпусная пехота полковника Тихомирова не причинила противнику больших затруднений: не использовав благоприятный момент для перехода в наступление, потеряв, таким образом, соприкосновение

с противником, она не могла угнаться за бегущими из-под Сахарновской станицы красных.

К этому надо добавить, что 1-я дивизия, и особенно бронедивизион, не выполнили в полной мере задач, на них возложенных: первая — по причине малочисленности её боевого состава, второй — по причине неудовлетворительности технического состояния броневиков.

Всё же, несмотря на ряд неблагоприятных для нас обстоятельств, перед нами была картина бегства противника вдвое более сильного перед вдвое более слабым.

Конный отряд полковника Сладкова, по смыслу данный ему директивы, по занятии Лбищенска должен был двигаться на Уральск с целью уничтожения базы противника. Свершившийся факт падения Лбищенска указывал нам предпочтительность дальнейшего движения конного отряда не на север, а на юг с целью уничтожения живой силы врага. В соответствии с этим, в 4 часа по полудню, то есть через 6 часов по ликвидации штаба покойного Чапаева, мною из Калёного был выслан лётчик с полевой запиской на имя полковника Сладкова. Записка содержала категорическое приказание идти на юг на поддержку корпусу. По причине плохой видимости из-за пожаров лётчик в районе Лбищенска конного отряда не нашёл. Таким образом, связь с полковником Сладковым была потеряна.

В течение 6, 7 и 8-го сентября красные отходили на север с 50-ти вёрстной скоростью, сжигая на своём пути всё, что можно было сжечь, разрушая всё, что можно было разрушить. Все станицы, оказавшиеся в руках противника и теперь ими потерянные, такие как Сахарновская, Мерченев и так далее, числом десять, представляло собою пожарища, ещё не потухшие...

К вечеру 8-го числа полковник Сладков прибыл в штаб корпуса, находившийся в это время у большой дороги южнее посёлка Богатского. Из сделанного полковником Сладковым доклада явствовало, что вверенный ему отряд по занятии Лбищенска продолжал движение на Уральск, но в районе, где мы теперь находились, встретил сильное сопротивление со стороны красных, двигавшихся на выручку войск, отступавших из-под Сахарновской. Не имея связи с корпусом, угрожаемый с севера наступающим и с юга отступающим противником, полковник Сладков счёл необходимым отвести отряд в сторону, к хутору Скоробогатову, что западнее Богатского в полупереходе от этого последнего. Этим закончилась роль

конного отряда как самостоятельной организации, и войска, входящие в состав отряда, присоединились к корпусу.

Лбищенская операция закончилась тем, что 1-й Уральский корпус и Чапаевская группа оказались в том положении, которое они занимали в момент перехода красных в наступление ро мые места: красные — в район Скворкина, 1-й Уральский корпус — в район Янайкина. Изменил положение только штаб корпуса: теперь он был расквартирован не в Богатском, а в Прорвинской станице, каким-то чудом уцелевшей от пожаров.

Это положение было сохранено противниками до половины ноября, когда красные получили возможность осуществления нового наступления против Уральской армии...

Осень 1919 года на Урале

Конец сентября и первая половина октября могут быть отмечены лишь рядом столкновений на фронтах Уральского и Илецкого корпусов, столкновений, носивших характер усиленных рекогносцировок.

23 сентября красные пытаются, наступая от Скворкина, сбить нас с Янайкинских позиций. Им удаётся потеснить наш правый фланг, но сбитые, в свою очередь, на их правом фланге 1-ой дивизией, красные, к вечеру того же дня, отходят в исходное положение.

30 сентября Уральский корпус предпринимает усиленную разведку в направлении к Скворкину с тем же, примерно, успехом, с каким красные атаковали нас 23 числа. Не лишено, однако, интереса отметить здесь, что несмотря на то, что в это наше наступление Скворкин был окружён со всех сторон, взять его всё же не удалось: по-видимому, красные научились не бояться конницы, сидя за заборами и стенами построек.

Предпринимается затем Уральским корпусом операция более или менее крупного масштаба, но по обстоятельствам аналогичным, если не тождественным, тем, которые имели место 18-го августа под Мерченевым, она могла потом послужить темой для скверного анекдота. В первых числах октября штаб Илецкого корпуса из Джамбетийской Ставки сообщил, что конному отряду полковника Емуранова (17 полков с 2-мя батареями) приказано, по переправе через Урал где-либо в районе станицы Кирсановская — Генварцевская, идти на Уральск. Ставя об этом в известность Уральский корпус, командир Илецкого корпуса просил поддержать

Емурановский отряд способом, который, по обстановке, командирам Уральского корпуса будет наиболее целесообразным. Получение этого сообщения с просьбой о содействии полковнику Емуранову удивительно удачно совпало с уже принципиально принятым решением командиром Уральского корпуса выслать конный отряд в тыл противника с задачей перехватить железную дорогу Уральск — Саратов в районе станций Семиглавый Мар — Шипово. Эта задача возлагалась на начальника 1-ой дивизии полковника Кириллова, незадолго перед тем вернувшегося на фронт после ранения под Лбищенском 9-го августа.

Директива, данная полковнику Кириллову, была изменена в соответствии с планом действий и просьбой командира Илецкого корпуса. Новая директива конному отряду полковника Кириллова (6 полков при одной 4-х орудийной батарее) предписывала отряду от пункта сосредоточения (хутор Пузаткин, 14 вёрст западнее Янайкина) двигаться к участку железной дороги Зелёная — Шипово, повернуть здесь на восток и одновременно с отрядом полковника Емуранова атаковать Уральск — первому с востока, второму с запада. Оставалось только координировать действия отрядов во времени: атака была назначена на рассвете 10-го октября.

Обстановка, казалась, складывалась более чем благоприятно и давала достаточные основания ожидать результата, отвечающего этой обстановке: в общей сложности к Уральску направлялось 13 полков, противопоставить которым красные могли сравнительно небольшие силы.

Увы, ожидаемой атаке Уральска с востока и запада не суждено было осуществиться: утром 9-го октября из штаба 3-й Илецкой дивизии, соседней с нами, было получено известие о том, что Емурановский конный отряд по переправе через Урал у станицы Генварцевской пошёл не на запад к Уральску, а на восток, к своим станицам, освободить их от красных.

И ещё раз полковник Емуранов, вольно или невольно, от этого не легче, ставил Уральский корпус в тяжелое положение. К счастью, через лётчика удалось своевременно предупредить полковника Кириллова о случившемся.

Минуя Уральск, конный отряд вышел на Бузулукскую дорогу и занял станицу Красную, 40 вёрст к северу от Уральска.

13 октября полковник Кириллов овладел посёлком Чувашинским, 20 вёрст южнее Красной, захватив около 500 пленных, 2 орудия и пулемёты. Это, конечно, успех, но, к сожалению, он стоит вне связи с общей обстановкой и планом задуманной операции и как таковой сколько-

нибудь существенного значения не имел. В другом отношении этот изолированный случай заслуживает быть упомянутым: из опроса пленных, взятых под Чувашским, выяснилось, что в Уральске ожидается прибытие значительных подкреплений из состава войск, действовавших против Южной армии²⁵ генерала Белова и оренбургских казаков. Подтверждался, таким образом, разгром всего левого фланга Сибирской армии, что, строго говоря, не было для нас неожиданностью. Это только подтверждало сведения, уже у нас имевшиеся. Ясно было, что по ликвидации Южной армии красные получали полную возможность сосредоточить против Уральской армии, говоря относительно, какие угодно силы.

Для полноты картины не будет лишним сказать здесь несколько слов о прокламациях, которыми красные в описываемое время развлекали уральцев. В этих прокламациях, сбрасываемых с аэропланов, они сообщали о занятии ими Троицка, о полном при этом разгроме Южной армии и о сдаче без боя оренбургских казаков, о захвате при этом 48 тысяч пленными и всей материальной части армии. Прокламациями требовалась немедленная, не позже 15 октября, сдача, следуя благоразумному примеру оренбуржцев. Тут же обещание... чёрта в ступе...

О какой бы то ни было сдаче, конечно, не могло быть речи.

Ближайшим следствием катастрофы в Сибири для Уральской армии было то, что Илецкий корпус оказался в безнадёжном положении:

²⁵ Речь идет о Южной армии, сформированной из воинских соединений Оренбургской отдельной армии. **Оренбургская отдельная армия** — войсковое соединение Белой армии на восточном фронте Гражданской войны. В разное время армия называлась: Отдельной Оренбургской армией, Оренбургской армией и Юго-Западной армией. Была сформирована Оренбургским Казачьим Кругом 17 октября 1918 года в основном из частей Оренбургского казачьего войска, под командованием атамана А. И. Дутова. До ноября 1918 года как Юго-Западная армия подчинялась назначенному Уфимской директорией Верховному главнокомандующему генерал-лейтенанту В. Г. Болдыреву, а затем — адмиралу А. В. Колчаку. 28 декабря армия была переименована в Отдельную Оренбургскую армию, состоявшую из 1-го и 2-го Оренбургских казачьих корпусов, 4-го Оренбургского армейского, Сводного Стерлитамакского и Башкирского (4 пехотных полка) корпусов и 1-й Оренбургской казачьей пластунской дивизии. Её численность оценивалась в 10 тыс. человек. Командующие: Генерального штаба генерал-майор И. Г. Акулинин (с 19 октября 1918 года), генерал-лейтенант А. И. Дутов (с 11 декабря 1918 года). Весной 1919 года из Оренбургской армии была выделена Южная группа и подчинена Западной армии. 23 мая 1919 года армия, Южная группа и Оренбургский военный округ были переформированы в Южную армию. Командующий: генерал-майор П. А. Белов (июнь–октябрь 1919 г.)

в создавшейся обстановке Илецкий корпус повис в воздухе в положении, в котором ни он кому-либо, ни ему кто-нибудь помочь не мог. Я не имею точных данных о судьбе этого корпуса. Значительно позже я слышал, что он сдался.

Описанными эпизодами на фронтах Уральского и Илецкого корпусов в период второй половины сентября и первой — октября, боевые действия в полном значении понятия, определяемого этими словами, на некоторое время затихнут и возобновятся затем в формах, которым военная наука точных определений не даёт.

Выше мы упоминали, что по мере нарастания тревоги за Сибирский фронт, надежды уральцев всё больше и больше обращались в сторону Добровольческой армии.

Официальные сводки рисовали положение дела на фронте этой армии в сентябре и октябре 1919 года очень радужными красками, но чувствовалось в них что-то не то не дорисованное, не то перерисованное. Сообщалось о разгроме красных, в трёхдневном бою — 20, 21 и 22 сентября, — в районе к северу от Царицына; несколькими днями позже о разгроме 13 и 14 армий красных на Курском направлении, об отступлении и даже бегстве. Сообщение иллюстрировались астрономическими цифрами пленных, захваченных орудий, не поддающегося учёту военного имущества и так далее. Из донесений о рейде конницы генерала Мамонтова нельзя было сделать иного вывода как то, что в тылу противника не оставалось живого места. Казалось, что на путях к Москве препятствий нет. На деле оказывалось, что Красная армия была многоголовой лернской гидрой²⁶, у которой на месте каждой отрубленной головы вырастали две новые. Добровольческая армия, нанося противнику громовые удары, неуклонно подавалась на юг...

Отрицательное влияние создавшейся к середине октября обстановки сказалось прежде всего на настроении командного состава Уральского корпуса. На совещании старших начальников и командиров частей в станице Прорванской 20 октября общая оценка положения сводилась к следующему: Уральская Армия — армия вспомогательного назначения,

²⁶ Лернская гидра — правильно — лернейская гидра (др.-греч., водяная змея) — в древнегреческой мифологии змееподобное многоголовое чудовище, которое опустошало область Лерны. Убийство лернейской гидры — второй подвиг Геракла. В позднее время образ лернейской гидры стал символом зависти, войн, раздора и другого труднопобедимого зла.

армия связи, её участь всецело зависит от жизни или смерти её связуемых. Поэтому, принимая во внимание подавляющее превосходство в силах на стороне противника, а также и то, что «ноябрь стоял уж у двора», предприятие активных боевых действий сколько-нибудь широкого масштаба утрачивало возможность и смысл. Не оставалось иного выхода как принять оборонительное положение, сдерживать противника в его стремлении на юг и ждать лучшего оборота дела.

Только начальник штаба корпуса полковник Сидоровнин²⁷ доказывал необходимость активных действий, занятия Уральска и станиц к северу от этого последнего, станиц, богатых хлебом и сеном, и так далее. Говорить это — значило говорить против очевидности...

Дни лета прошли быстро. Наступила осень.

Первая половина этого времени года — лучшая пора на Урале.

Верными признаками наступления осени были ясные тёплые, но не жаркие дни. По прозрачному неподвижному воздуху медленно плыли серебряные нити паутины. Во всей своей красе стояло «бабье лето».

Появились в степи новые выводки стрепетов²⁸. Потянули на юг длинными, геометрически правильной формы, вереницами журавли и гуси. Туда же большими беспорядочными бандами с невероятным гвалтом пробирались грачи и их обязательные спутники — галки.

Дни становились короче; их сменяли длинные, тёмные, хотя и звёздные, ночи. И чем теплее и лучше становились эти дни и ночи, тем яснее чувствовалось, что они в этом году и последние.

Приближение ненастной поры года, в условиях обрисованной нами обстановки, не предвещало Уральской области и её армии ничего доброго. Безотрадность положения станет тем более очевидной, если мы примем во внимание ещё одно обстоятельство, о котором до сих пор мне не пришлось ни разу упомянуть. Этим обстоятельством была эпидемия тифа всех видов — брюшного, сыпного и возвратного. Возникла эпидемия в беженской среде, перекинулась затем в станицы и, наконец, в армию. Никаких средств борьбы с этим новым бедствием не было.

В первых числах ноября мне пришлось временно покинуть штаб Уральского корпуса и выехать сначала в Калмыков, где в это время находился атаман и штаб армии. Я оставил корпус в том его состоянии,

²⁷ Возможно, речь идет о Степане Клавдиевиче Сидоровнине.

²⁸ **Стрепеты** — птицы их семейства дрофиных.

которое ещё не имело очевидных признаков возможности катастрофы в ближайшем, по крайней мере, будущем, измеряемом многими неделями, в состоянии такого рода, когда люди как-то безотчетно закрывают глаза на действительность и будущее, состоянии, наконец, полного безразличия, что на русском многогранном языке выражается игрой слов «Будь что будет!». Готовность ко всему не есть ещё отчаяние...

Прошло с лишком две недели.

Я возвращался из Гурьева на фронт. К вечеру дня выезда из Гурьева я был в станице Зелёной, где остановился на ночлег. Погода в этот день стояла несколько пасмурная, но тёплая, без ветра. Ничто не предвещало резкой в ней перемены. Однако отсутствие признаков такой перемены не исключило того, что утром следующего дня мы увидели степь и самую станицу Зелёную под снегом. Два дня длилась снежная буря, что совершенно исключало всякую возможность продолжать путь каким бы то ни было способом. Только на третий день вынужденного сидения в Зелёной, когда буря несколько улеглась, заменив автомобиль санями, закутавшись в овчинный тулуп, предложенный мне моим добрым хозяином-уральцем, я покинул эту станицу. Скоро наступила оттепель, и я ещё раз должен был изменить способ передвижения — оставить сани и вернуться в знакомой мне тарантас.

18-го ноября, когда уже стемнело, в невылазную грязь, в непроницаемую тьму и туман, на выбившихся из сил паре тощих лошадей я добрался до Калмыкова, где нашёл полковника Моторного, видеть которого для меня было очень важно.

У полковника Моторного я застал генерала Акулинина, одного из командиров корпусов не существующей теперь Южной армии. Его рассказы об участии этой армии ничего нового к тому, что мы уже знали, не добавляли. Мы не только знали, но и чувствовали на себе последствия драмы. Появление генерала Акулинина на горизонте Калмыкова было лишь конкретным доказательством ликвидации Южной и вообще Сибирской армии... Теперь генерал Акулинин пробирался на Кавказ.

Я не делал себе иллюзий и по дороге из Гурьева в Калмыков положение у нас на фронте представлял себе тяжёлым, но далеко не в той степени, как это оказалось в действительности.

Из долгой беседы с В. И. Моторным выяснилось...

Тиф, фураж, транспорт, я хочу сказать, наличие первого и отсутствие второго и третьего, — вот те три слова, которые определяли безотрадность

положения и перед которыми слова — враг, красные, большевики — стали обозначением фактора второстепенной важности.

Последнее сражение на Уральском фронте

Тиф принял размеры невероятные. В войсках заболеваемость выражалась 40–50%, среди населения, а главным образом, в среде беженцев и пленных она была ещё выше. Так как средств борьбы с эпидемией, что выше нами было отмечено, не было, то в процентном отношении заболеваемость равнялась, или почти равнялась, смертности. В частности, в Калмыкове буквально не было ни одного не зачумлённого дома. Здесь ежедневно хоронили, вернее сказать, отвозили на кладбище 20–25 человек и там оставляли их не похороненными, так как рыть могилы было некому.

Сено в районе расположения корпуса было съедено. Дальние фуражировки не могли обеспечить в самой минимальной доле потребность

в сене, и конница, основная сила корпуса, стала утрачивать значение этой силы.

Транспорт стал...

Уральская область дошла до предела напряжения своих сил. Что могло её спасти? Только чудо. И как это ни покажется странным, вера в чудо в эту тяжёлую пору жила в уральце и только ею он реагировал на слишком очевидную угрозу гибели. Но одного чуда было мало, нужен был ряд чудес!

Так В. И. Моторный обрисовал мне положение в вечер моего приезда в Калмыков.

В семье В. И. Моторного: жена и двое детей, тоже неблагополучно — больна его старшая восьмилетняя дочь Женя. Началось тифом, продолжилось осложнением в форме менингита и водяного рака, болезни, о существовании которой теперь я узнал впервые. День моего приезда к Моторным был восьмым днём полного её беспамьятства! За что несёт такие страдания существо, которое виновно только в том, что не по своей воле стала жить на земле? Она неизбежно умрёт. Если это неизбежно, то чем скорее, тем лучше... Я уклонился в сторону, но я не мог пройти мимо...

20 ноября я выехал из полумёртвого Калмыкова в штаб корпуса, находившегося в это время в Лбищенске. Дорога подмёрзла и мне удалось легко и быстро доехать по назначению. Уже начиная с Сахарновской станции стали встречаться обозы беженцев. По мере приближения к Лбищенску число этих обозов возрастало. Всё это тянулось на юг, оставляя по сторонам дороги павших верблюдов и лошадей. Нечто подобное, но теперь ещё более безобразное, ещё более удручающее, чем то, что мы видели с моим Семёном в июле, подъезжая к Бударину. Не буду описывать ни впечатлений, ни чувств, которые вызывались во мне видом этих «выкочевавших, блуждающих» по степи станиц — обозов, наполненных домашним скарбом, часто ненужным, больными, умирающими или уже умершими людьми. Скажу лишь, что после надежды на чудо только ненависть к врагу, ненависть, превышающая страх перед угрозой почти неизбежной гибели, могла выгнать людей в эту пору года в степь и заставить их идти неизвестно куда.

Лбищенск дополнил мои калмыковские и путевые впечатления. В штабе корпуса я нашёл лишь половину того личного состава, в котором я его оставил меньше месяца тому назад. Корпус, теперь так называемый, как сколько-нибудь организованная сила перестал существовать. Сохрани-

лись названия дивизий, полков, батарей, но под ними теперь надлежало разуть жалкие остатки людей, уцелевших от тифа, и лошадей, ещё не околелших от бескормицы. Наша конница, говорили казаки, теперь только «ходит».

Выпал снег. Наступили холода. Урал стал.

За время моего отсутствия в корпусе произошло следующее.

14-го ноября, после долгого сидения в Скворкине, туманным утром красные перешли в наступление. Янайкин был оставлен почти без сопротивления в тот же день. Далее — точное повторение красными наступления, которое они проделали летом, оттеснив нас к Калёному с той существенной разницей, что теперь они двигались на юг почти беспрепятственно.

К моменту моего возвращения в штаб корпуса в Лбищенске красные занимали Бударин. Расположение частей корпуса в это время приблизительно было следующим: передовые части пехоты полковника Емелина находились 4–5 вёрст южнее Бударина. Гурьевский и Уральский пехотные полки, 1-й Партизанский Конный полк 2-й Уральской дивизии и первая батарея есаула Юдина — в Лбищенске. Конный отряд полковника Кириллова, по слухам, находился где-то в районе Чулан-Анкоты, 100 вёрст северо-восточнее Лбищенска. Полки 6-ой дивизии, спасаясь от бескормицы, ушли по направлению Сламихинской станицы. О местонахождении 2-ой дивизии сведений не было.

25 ноября штаб корпуса перешёл в посёлок Горячкинский, а 26-го красные продолжали наступление, если можно определять этими словами действие, произведённое ими в этот день с целью овладения Лбищенском. Несмотря на всю незначительность и мизерность событий под Лбищенском в это 26 ноября, я должен сказать о них несколько слов, так они, эти события, были последней печальной и жалкой попыткой Уральского корпуса проявить минимальную боеспособность.

Около 8-ми часов утра указанного дня две–три сотни красной пехоты с несколькими разъездами вышли из станицы Кожехаровской и по большому тракту стали двигаться к Лбищенску. Получение донесения о движении противника почти совпало с приездом в штаб корпуса атамана. Его сопровождал майор английской службы О'Брайен, начальник миссии при штабе Уральской армии.

Было солнечно, но очень холодно — дул резкий, пронизывающий северянин.

В то время как прибывшие отогревались и пили чай, примерно через час по получении первого донесения, было получено второе, в котором говорилось уже об оставлении нами Лбищенских позиций и самого Лбищенска. Быстрота, с которой протекали в это утро события, указывала, несомненно, на то, что авангард полковника Емелина отходил без боя.

По получении второго донесения мы, я хочу сказать — атаман, майор О'Брайен и я, решили выехать вперёд и посмотреть, что происходило в действительности между Горячкинским и Лбищенском.

Горячинский был забит войсковыми и беженскими обозами в той степени, что нам с трудом удалось выбраться на большую дорогу. Первое, что на нашем пути мы встретили, была батарея есаула Юдина. Последний доложил, что он снял свою батарею с позиции потому, что между ним и противником никого не было — пехотный авангард оставил позиции и ушёл в долину Урала...

Перед нами расстилалась покрытая снегом степь, а впереди, в удалении десятка вёрст, был виден Лбищенск, над которым висела чёрная дымовая туча — горел склад артиллерийских снарядов, недавно прибывших из Сибири. Изредка слышались глухие взрывы. Никаких признаков жизни...

Фронт Уральской армии фактически был открыт.

Это положение противником использовано не было.

Описанным выше эпизодом, рисующим полный упадок боеспособности 1-го Уральского корпуса и умеренность наступательного порыва у красных, заканчивается вооружённая борьба на Уральском фронте и сопротивление уральцев постигшему их бедствию перемещается в иную плоскость, принимает иные формы.

На следующий день атаман и майор, немало смущённые тем, что они видели на поле сражения под Лбищенском, отбыли в Гурьев.

Пехотный авангард полковника Емелина, покинувший позиции, к ночи, не преследуемый противником, долиной замёрзшего Урала доплёлся до Мерченева.

К 1-му декабря и отряд полковника Емелина, и штаб корпуса перешли в посёлок Круглый. Противник, заняв Лбищенск, остановился.

Заканчивая первую часть моего печального повествования, чтобы не оставить картину общего положения в Уральской области к началу декабря 1919 года неясной, считаю не лишним привести здесь некоторые дополнительные данные, касающиеся этого положения.

В последние дни ноября Конный отряд полковника Кириллова из района Чулак-Анкота перешёл в район посёлков Калёный — Антонов, где он был расквартирован, вернее, где он разместил своих больных.

О полковнике Горшкове, который заместил полковника Бородина, убитого под Лбищенском, и о его 6-ой дивизии сведений не было. Говорили, что он ушёл в направлении Царицына.

Илецкий корпус распался окончательно: от него оставались жалкие отряды, которые без связи и руководства, вместе с беженцами, блуждали по степям малой Киргизской Орды. Эпидемия тифа свирепствовала здесь ещё с большей силой, чем у уральцев.

Станицы к югу от района расположения корпуса, ещё не разорённые, были переполнены войсками и беженцами до предела вместимости этих станиц. Ясно, что в таких условиях смертность принимала размеры совершенно невероятные.

Воззвание атамана к населению с убеждениями не покидать уцелевшие станицы успеха не имели. Гонимое какой-то сатанинской силой, это население, погибая от эпидемии, от голода и холода, неудержимо, стихийно шло на юг.

Так безотрадно сложилась обстановка в Уральской области к началу зимы 1919 года.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТЬ ДНЕЙ

Оставление Гурьева

По оставлении нами Лбищенска, как было уже сказано, 27 ноября, красные беспрепятственно заняли посёлок Горячинский. Штаб корпуса перешёл в станицу Круглую. Это положение оставалось неизменным до 10-го декабря. Красные почему-то медлили с наступлением. Это промедление, как это ни странно, имело для нас самые губительные последствия: оно привело к тому, что мы были прижаты к Каспийскому морю в тот момент, наихудший из всех возможных, когда это море стало для нас недоступным.

В первых числах декабря мне пришлось ещё раз покинуть штаб корпуса и выехать в Гурьев. Рассчитывая вернуться не далее, как через неделю, я оставил моего вестового с моими вещами в Круглой, о чём потом мне пришлось очень сожалеть.

Подчиняясь общей участи, на третий день по приезду в Гурьев, я заболел, конечно, тифом. Вернуться на фронт мне не было суждено. Меня поместили в доме богатого коммерсанта в Гурьеве Чампалова. Если я уцелел и теперь могу описывать дни уральской катастрофы, то обязан этим исключительно заботам главного врача Гурьевского госпиталя.

Период времени от начала моей болезни до оставления Гурьева, вернее, вторую половину декабря, я отмечу некоторыми эпизодами, которые хоть в малой доле обрисуют хаос, царивший в Гурьеве в указанный период.

Потеряв надежду и возможность вернуться на фронт, я просил штаб корпуса в Круглой командировать моего вестового с моим несложным багажом в Гурьев. На эту мою просьбу я получил ответ совершенно неожиданный и в такой же степени меня удручающий: мой Семён выстрелом в голову покончил свои дни. До сих пор и, вероятно, навсегда, это самоубийство останется для меня нерешённой загадкой. Как я жалел, что, уезжая из Круглой, я не взял Семёна с собой...

В комнате Чампаловского дома я уже не один: в день получения мною известия о смерти Семёна ко мне в комнату поместили привезённого

с проблематического фронта начальника не менее проблематической 1-ой Уральской дивизии, больного тифом, полковника Кириллова. Днём позже часть комнаты, оставшаяся свободной, была занята начальником школы юнкеров полковником Донсковым. Эта часть комнаты для Донскова была последним земным этапом.

К описываемому моменту только прибрежная полоса Каспийского моря, полоса в 25–30 вёрст шириной, была покрыта слабым льдом, что исключало, с одной стороны, подход судов Каспийской флотилии к Печным островам, и с другой, сообщение этих островов с берегом. В течение 22 и 23 декабря над Каспийским морем свирепствовал ураган. Направление ветра позволяло надеяться на то, что лёд будет сломан и отнесён к востоку, что могло дать свободу движения судам флотилии. Но этого, к крайнему нашему несчастью, не случилось: ураган льда не сломал и не унёс его к востоку. Перед непреодолимой стихийной действительностью надежда на спасение морским путём была оставлена.

Утром накануне Рождества по н/с меня навестили В. И. Моторный и Г. И. Сладков. Они ознакомили меня с нижеизложенным положением: атаман приказом от 20 декабря передал власть «Комитету Спасения Войска». Такой приказ для меня, как и для моих гостей, был полной неожиданностью. Вместе с этим, было совершенно непонятным то, что приказ, касающийся не более и не менее как реконструкции власти, был издан без ведома начальника штаба армии, которой командовал атаман Толстов. Чтобы быть объективным, надо здесь сказать, что новая власть, не проявляя признаков большевистской организации, оказалась в условиях переживаемого критического момента абсолютно бессильной изменить что-либо в самодовлеющем ходе событий. Напротив, народившийся «Комитет Спасения» внёс лишнюю путаницу в уже царивший в Гурьеве хаос.

Со дня на день положение в Гурьеве становилось всё более и более тревожным. Красные продвигались медленно, но неуклонно. В данный момент они занимали станицу Горскую, 50–60 вёрст к северу от Гурьева.

Нездолго до появления «Комитета Спасения» распоряжением атамана были упразднены все тыловые учреждения армии в Гурьеве. Из личного состава упразднённых учреждений был сформирован отряд, который, получив наименование «Атаманского Отряда Спасения», должен был принять на себя роль авангарда несуществующей Уральской армии. Как показывает название отряда, он возглавлялся самим атаманом. Рядовыми в отряд попали писаря, чиновники, офицеры — часто инвалиды,

даже старые генералы. Несмотря на то, что в отношении обмундирования, вооружения и продовольствия отряд был обставлен более чем удовлетворительно, не трудно представить себе, что представляло из себя это импровизированное войско в боевом отношении. До фронта отряд не дошёл, да и не мог дойти, так как таковой не существовал. Теперь он определялся наименованием той станицы, которую в тот или иной момент, двигаясь на юг, занимал противник. «Отряд Спасения» так же быстро исчез, как быстро появился...

Между тем, пока «Отряд Спасения» шёл на фронт спасать положение, огромные обозы беженцев, покидая станицы к северу от Гурьева — Сарайчиновскую, Редутскую и самый Гурьев, стали уходить караванной дорогой на восток, к станице Жилая Коса.

Утром 27 декабря члены британской миссии — капитаны Седдон и Брокелбенк с их переводчиком штабс-капитаном Запаловым и полковник Сладков собрались у меня, в доме Чампалова. На этом собрании не присутствовали ни начальник майор О'Брайен, ни полковник Моторный, накануне заболевшие тифом.

Обсудив положение и обстановку, степень драматичности которых была достаточно высокой, мы пришли к следующим решениям:

1. Уходить из Гурьева сколь возможно незамедлительно.
2. Ввиду того, что лёд у берегов был достаточно прочным, идти до Жилой Косы, а при возможности и далее до Прорвы по льду на санях.
3. Просить инженера Урало-Каспийского Нефтяного Общества Мельбарта, в доме которого располагалась британская миссия, подготовить экспедицию в отношении транспорта и продовольствия.

Вечером того же дня я покинул моих товарищей по несчастью — Кириллова и Донского, и переехал в британскую миссию. Состояние моего здоровья заметно шло на улучшение.

Командование будущим отрядом, по просьбе миссии, я принял на себя.

В своём месте, где я говорил о суровом приёме, оказанном уральцам Каспийским морем, я упустил отметить некоторые обстоятельства, которые могли иметь для нас хорошие последствия. В холодные зимы, когда северные части Каспийского моря покрываются льдом, открывалось прямое сообщение, или, как говорят уральцы, «зимняя дорога» между Гурьевым и Фортом Александровским. Этот путь на санях уральцы делали в 2¹/₂ дня. В те же морозные зимы для сообщения с Мангышлаком

уральцы пользовались другим зимним путём, более коротким, Прорва — Заворот. К нашему полному неблагополучию переживаемая зима, до сих пор по крайней мере, была тёплой. Тем не менее, не теряли надежды на то, что придут рождественские морозы, которые открывают доступ к Завороту по льду.

Что происходило в Гурьеве и ближайших к нему станицах в дни второй половины декабря, мы видели. В интересах ясности картины общего положения я должен здесь сказать несколько слов об одном эпизоде, который послужит ответом на вопрос, что в те же дни творилось в станицах к северу от Гурьева, в станицах, противником ещё не занятых.

28 декабря противником были высланы парламентёры, в числе двух, станицу Зелёную, где ими были переданы атаману три письма: первое — за подписью (собственноручной) Ленина и Троцкого — народных комиссаров, второе — за подписью товарища Фрунзе, командующего 1-й армией, и третье — от начальника группы, действовавшей на Гурьевском направлении. Первое из них ничем не знаменательно, кроме разве тем, что оно подписано народными комиссарами персонально. Суть дела — во втором письме товарища Фрунзе. Как всякий ультиматум, это письмо содержало требование, обещание, срок на размышление.

Краткое содержание письма Фрунзе было следующим. Командующий 1-й Красной армии, отдавая полную справедливость героизму уральской армии, считает для себя невозможным продолжать вооружённую борьбу с противником, который путь своего отступления устилает трупами людей, погибающих от эпидемии. Исходя из этого, командующий армией предлагает прекращение боевых действий на условиях:

- 1) безусловной сдачи и сохранения жизни всех без изъятия;
- 2) сохранения складов всех назначений;
- 3) не уничтожения нефтехранилищ У.К.Н.О. в Доссоре и Ракуше²⁹;
- 4) безотлагательной высылки врачей, сестёр и санитаров в распоряжение Красного Креста для организации борьбы с эпидемией тифа;
- 5) ответ, да или нет, должен быть дан в двенадцатичасовой срок с момента, когда парламентёры покинут место свидания...

В порядке уставных правил парламентёры были препровождены на линию расположения противника. Ультиматум товарища Фрунзе остался

²⁹ У.К.Н.О. — Урало-Каспийское Нефтяное Общество. Образовано в 1910 году немецким предпринимателем — оно уже ранее упоминается выше.

без ответа. Атаман незамедлительно для переговоров якобы с «Комитетом Спасения» выехал в Гурьев, причём при проезде, вернее на выезде из Яманхалинской, где находился в это время «Отряд Спасения», несколько пуль пролетело мимо атаманского автомобиля.

30 декабря атаман со своим личным конвоем покинул Гурьев и пошёл по направлению... Жилой Косы. Произошло ли это до переговоров с «Комитетом Спасения» или после, сказать трудно. Но это большого значения не имеет. Важно то, что, во-первых, самый факт переговоров с противником и, во-вторых, обещания товарищем Фрунзе журавля в небе могли внести сомнения в сердца кого угодно, но не уральцев. Я думаю, что некоторый успех обещания красных могли иметь успех в иногородней среде воинских частей и населения области, Гурьева, главным образом.

Эпизод переговоров с противником был заключительным аккордом первого акта Уральской драмы. С этого момента всякие признаки организованности отступления исчезают. Противник в своём движении дальше на юг перешёл из боевого наряда в порядок походных колон.

Конец уральской армии и, вообще, Уральской области, точно совпал с концом 1919 года.

Уральская армия до конца выполнила свою роль и назначение в период гражданской войны. Но её вина в том, что армии, которые она связывала, оказались неспособными решить задачи, на них возложенные.

30-е декабря было последним днём приготовлений к отъезду, а 31-го в 2 часа пополудни мой, скажем, экспедиционный отряд собрался на льду гурьевской пристани, той самой пристани, где ровно полгода тому назад ошвартовалась рыбацкая пристань, доставившая нас, меня и моего покойного вестового, с «Экватора» в Гурьев.

Теперь эта пристань служила пунктом отправления отряда, который впредь мы будем называть «Русско-британским экспедиционным отрядом» или, для краткости, Р.Б.Э.О. О личном составе Р.Б.Э.О. я скажу подробно ниже, а теперь ограничусь отметить, что в момент отъезда отряда с гурьевской пристани он насчитывал в своём составе 45 лиц — мужчин, женщин и детей, не считая десяти киргиз — кучеров.

К указанному выше часу на пристань были доставлены два десятка одноконных саней, именуемых на Урале «оханными». Это род наших розвальней или дровней, но значительно большей прочности и грузоподъёмности — 2–2 ½ тоны. Такой груз одна лошадь передвигает по льду, почти не делая усилий.

Всё необходимое для жизни отряда было погружено в сани. Продовольствие, конечно, прежде всего: хлеб для людей и фураж для лошадей. Хлеб был заготовлен частью в виде так называемых «витушек», приготовляемых специальным способом, устраняющим их быструю чёрствость, частью в виде муки. Мясо, макароны, сахар и так далее; для ночлега и против непогоды — четыре палатки системы Кебке и пять «кошар» или «юрт»³⁰. Вместимость палатки Кебке и кошары одна и та же — 8–10 человек...

Надо отдать справедливость организатору нашего отряда инженеру Мельбарту, который не упустил из виду ни одной мелочи, предвидя все трудности предстоящего похода. Учитывая, например, что лошадь, теряя подкову, абсолютно теряла способность передвижения по льду, он не упустил озаботиться запасными; им предусмотрены полевые печи. Треножки, необходимая посуда, дрова, верёвки, керосин, спички. Карты, барометр, термометр, бусоль... Всего не перечислить. В дни приготовления к выступлению Мельбарта можно было видеть везде на его уральском маштаке...³¹ Как много может сделать энергия только одного человека в тяжёлую минуту!

Если теперь я излагаю все эти подробности, то делаю это потому и для того, чтобы рассказать, что если бы все те, кто покидал в эти мрачные дни Уральскую область, могли хоть в малой доле реализовать организацию инженера Мельбарта, то было бы возможно спасти много, очень много человеческих жизней...

Верблюды на льду абсолютно беспомощны, подковывать их нельзя. Поэтому десять верблюдов, предназначенных для нашего отряда, накануне были высланы из Гурьева в Жилую Косу сухим путём.

Нагружен багаж отъезжающих. У дам он изобилует чрезмерно.

Были приведены лошади. После долгих неистовых криков и споров наших киргиз-проводников лошади всё же были запряжены. К отъезду всё было готово.

Стрелки моих часов показывали 3 часа 45 минут, когда головные сани, в которых находился больной майор О'Брайен, тронулись в путь...

³⁰ Палатки системы Кебке — палатки особой конструкции, производившиеся Товариществом на паях «И. Г. Кебке» (фабрика палаток, брезентов, флагов, спасательных снарядов и шлюпок). Товарищество было образовано И. Г. Кебке и П. Р. Пельцером в 1912 году на базе мастерской И. Г. Кебке, основанной в 1868 году. В мае 1918 года Товарищество было закрыто.

³¹ Маштак — маленький, толстенький конь.

Прошло почти 30 лет со времени описываемых событий. Срок большой, но не исключает того, что ещё остаются в живых люди — участники и свидетели уральской драмы и, в частности, нашего экспедиционного отряда, люди, в руки которых, быть может, попадёт моя печальная повесть и напомнит им отдалённое, но много говорящее их сердцам.

Поэтому я считаю не лишним привезти точный, поимённый список личного состава отряда. Весь состав британской миссии: майор О’Брайен, капитаны Седдон и Вронелбенн, сержант Биверс, солдаты английской службы Делени и Би; штабс-капитан А. С. Зинало, переводчик при миссии и его денщик Соломахин Иван. Инженер-топограф К. Я. Мельбарт, полковник генерального штаба Липугин с женой, двумя девочками и двумя оренбургскими казаками. Жёны и дети уральских офицеров, убитых во время гражданской войны: madame Мизинова с дочерью и её старым слугою Иваном Егорычем; madame Карпова с дочерью; madame Куракина с сыном, дочерью и с двумя уральскими казаками; поручик Попов с женой, сыном, дочерью и двумя оренбургскими казаками; начальник радиостанции поручик Буцков, подпоручик Рахманинов, солдат Боршоглевский; восемь телеграфистов и десять киргиз.

Итак, 31-го декабря в 3 часа 45 минут пополудни отряд покинул Гурьев. В этот день стояла несколько облачная, но совершенно безветренная погода; слегка морозило и редкий снег падал почти вертикально.

Лошади, казалось, шутя, если так можно говорить о лошадях, шли рысью по гладкой, скользкой поверхности льда настолько легко, как если бы за каждый из них не было саней, нагруженных до предела людьми и различными видами предметов, которые выше я старался перечислить.

Весь обоз отряда состоял из 24 одноконных саней за исключением двух огромных крытых колёсных колымаг, в которых помещались семьи Пичугина и Попова. Вид этих колымаг нарушал однообразие санного обоза, и, что важнее, вызывал сомнения в том, что они смогут двигаться по ещё слабому льду Каспийского моря.

Несмотря на ряд задержек и остановок, обусловленных недостатком дисциплины в движении, строптивостью лошадей, плохой пригонкой упряжи, отряд к сумеркам дошёл до устья Урала, где, не решаясь к ночи выходить в открытое море, остановился на ночлег.

31-е декабря — канун нового года.

Полная луна. Несмотря на облачность, ночь была необыкновенно светлой, как день почти. Отряд расположился на льду около левого бе-

рега Урала, вернее, восточного рукава этого последнего. Оба берега рукава — сплошные заросли камыша в два человеческих роста. Топлива сколько угодно.

Распряжены лошади. Поставлены палатки и кошары. Задымились костры. Весь лагерь хлопотливо занят приготовлением ужина и кипятку к чаю. Наши друзья англичане на этот раз встречали Новый год в обстановке для них экстраординарной, памятной на всю жизнь, но по выражению их лиц не было заметно ни уныния, ни, тем более, какой бы то ни было потерянности. Фантастический вид лагеря, освещённого огнями костров, удивительное спокойствие в природе с отвесно падающим снегом, приближение Нового года, ром и виски, всё это создавало хорошее настроение у наших товарищей по несчастью, настроение, которое передавалось всему лагерю. Наряду с этим сознание того, что наш отряд, удаляясь от красной опасности, самой скверной из всех возможных, безразличной для нас и для англичан, позволяла видеть впереди какой-то просвет. До полуночи пение, стрельба, игры нарушали покой 75-пудовой белуги в устье Урала и обитателей — зверей, если таковые существуют, в камышах.

В то время, как мы уходили из Гурьева по Уралу, из того же Гурьева и из станиц, ещё не занятых к описываемому моменту противником, по грунтовым дорогам, вернее, по верблюжьим тропам, на Живую Косу тянулись бесконечные обозы беженцев, войсковых частей, штабов, управлений и так далее... Исход, переселение целого народа! Страшное, непонятное бедствие! Кто и какими словами мог бы передать то беспредельное горе, тоску и тупой ужас, которые уносил с собой этот народ, уходя неизвестно куда, покидая тех, кто уйти не мог, покидая свои станицы, свою родину, своё любимое детище Яик?

1919 год канул в бездну вечности. От этого времени не стало ни больше, ни меньше. Ему на смену шёл следующий по номеру год 1920-й, той же участью уйти в ту же вечность, не прибавляя и не убавляя в ней времени. Первый из этих моментов вечности, 1919 год, истощив в уральце силу сопротивления насилию над ним, выбросил его, изнемогающего и больного, в необъятные пространства мёртвого закаспийского края.

Что готовил тому же уральцу следующий момент вечности — 1920-й год, мы будем видеть из последующих строк моего повествования.

От Гурьева до Прорвы

1–12 января 1920 года

Наш первый шумный бивуак на льду и в камышах в устье Урала, как мы видели, затих только за полночь, после чего на бивуаке наступила полная тишина, нарушаемая только равномерным хрустом сена и овса на зубах у лошадей.

На рассвете следующего дня лагерь зашевелился. Утренний чай, спешные сборы. Отряд тронулся в путь и к восьми часам утра вышел в открытое море. Утреннее солнце рассеяло ночную мглу, и мы ясно видели в южном от нас направлении Печные острова и несколько судов Каспийской флотилии недалеко от этих островов. Отряд свернул влево и стал двигаться на восток, вдоль берега моря, оставляя позади и суда, и острова неосуществившихся наших надежд.

Валы и трещины

Сколько хватало глаз, море было покрыто льдом. Его гладкая и блестящая на солнце поверхность была изборождена, частью, ледяными валами, нагромождёнными по линиям давления больших, гонимых ветром льдин, одной на другую, частью — трещинами большей или меньшей ширины. Первое из этих препятствий — ледяные валы, — не представляют собою больших затруднений для движения: ледяные валы имеют прерывистый характер, что даёт возможность свободного прохода через них. Другое дело — трещины. Последние, достигая значительной ширины, сажени и больше, непрерывные на протяжении нескольких вёрст, — серьёзная, опасная, а иногда непреодолимая преграда. Форсирование трещины — задача сложная. Для этой цели выбирается место наиболее подходящее, то есть наиболее узкое, куда, между стенок трещины, вводится соответствующих размеров льдина, которая затем выполняет роль моста, весьма шаткого и в себе мало уверенного. По такому мосту переправляются отдельно грузы, отдельно лошади и, наконец, люди. Если бы организатор нашего отряда Мельбарт не предусмотрел багров, железных рычагов, топоров, верёвок, досок и так далее, отряд, дойдя до первой серьёзной трещины, оказался бы в безвыходном положении... По счастью в этот первый день нашего путешествия по морю ни валы, ни трещины не причинили нам больших неприятностей.

Мокрое

К полудню чудная до сих пор погода стала резко меняться — солнце скрылось за облаками, Бог весть откуда появившимися; на землю и море начал опускаться туман. В какой-нибудь час исчезла возможность ориентироваться. К нашему благополучию в это время, около 2-х часов пополудни, мы подошли к рыбацкому посёлку Мокрому, состоявшему из десятка жилых построек, обитаемых только в период года, когда море свободно от льда. Жалкий закоулок, затерявшийся в камышах морского побережья. Здесь, в Мокром, мы нашли полевой лазарет графини Бобринской, накануне прибывший сюда из Гурьева сухим путём. Я предполагал, что, накормив лошадей, после небольшого отдыха в Мокром, продолжать путь в надежде, что туман, так быстро появившийся, так же быстро исчезнет. Но туман уплотнялся и скоро намерение идти дальше пришлось оставить. Решено оставаться в Мокром до утра, благо, что несколько халуп в нём не были заняты лазаретом. Таким образом, и люди, и лошади отряда вторую ночь путешествия могли провести под крышей.

Путь каравана

Было грязно, тесно, но тепло, благодаря изобилию топлива — камыша. Теперь на смену красным пришёл новый враг — холод.

Графиня Бобринская озаботилась накормить нас ужином, очень, правда, простым, но сытным. Такое благополучие нам и не снилось. Мокрое оказалось гораздо более гостеприимным, чем это можно было предположить, судя по его мизерному и печальному виду. Много позже я слышал, что лазарет Бобринской погиб.

На следующий день с рассветом отряд покинул непредвиденное нами Мокрое. Благодаря хорошему льду сделал без особых затруднений около 50 вёрст, прибыл к вечеру этого дня в Ракушу.

Ракуша

Ракуша — большая станица, почти небольшой городок. Здания Урало-Каспийского Нефтяного Общества и 46 цистерн — приёмники нефти из Доссора, о котором уже здесь упоминалось, составляют главную часть Ракуши. Непосредственно к этой части примыкает небольшой рабочий посёлок, а в некотором от последнего удалении находится собственно уральская станица Ракуша.

Отряд был расквартирован в Ракуше недостаточно сказать хорошо, а дважды и трижды хорошо. Главное здание дирекции Общества было отведено для миссии и для дамской части отряда, семьи офицеров и остальной состав отряда были размещены не менее комфортабельно в других домах того же Общества. Нефтяное отопление, электричество, великолепная мебелировка... Всё это так неожиданно, так исключительно, что мне казалось, что Ракуша есть ничто иное, как земной рай!

Два дня отряд оставался в обрётённом раю. За эти дни были пополнены запасы продовольствия; слабые и стропивые лошади были заменены сильными и лучше выезженными; приведена в порядок сбруя и так далее. В распоряжение капитана Брокелбенка были даны английский солдат Делени и три уральских казака и имевшееся у нас вооружение — два пулемёта и десяток винтовок. Капитан Брокелбенк с приданными ему людьми должен был составить, скажем, передовой взвод отряда на случай нападения на отряд со стороны так называемых одаевских киргиз. Действие пулемётов и винтовок было тщательно проконтролировано.

В дни нашего пребывания в Ракуше мы получали из разных источников сведения о положении в Гурьеве, но сведения эти были в такой степени туманны и противоречивы, что ориентироваться по ним было невозможно. Всё стало ясным с прибытием в Ракушу отряда штаба армии, во главе которого теперь был полковник Сладков. Это было вечером 4-го января.

Сущность сведений полковника Сладкова сводилась к следующему: покинув Гурьев в числе последних, он считал, что сдачу Гурьева надо рассматривать как факт совершившийся...

В Ракуше сначала группа инженеров У.К.Н.О. в числе восьми, некоторые из них с жёнами, присоединились к нашему отряду, а затем, в последнюю минуту перед отъездом, и инженер Владес, директор Общества, отец многочисленной семьи.

Владес, прежде чем присоединиться к нашему отряду, долго и мучительно колебался перед альтернативой: уходить или остаться. Нерешимость и колебания Владеса понять нетрудно — достаточно переименовать состав его семьи: серьёзно (не тифом) больная жена, пятёрка детей в возрасте от нескольких месяцев до десяти лет, старая няня, кухарка, горничная и два кучера. В состоянии нерешимости Владесом все приготовления к отъезду всё же были сделаны.

Заготовленные средства транспорта для семьи директора У.К.Н.О. состояли в следующем: две колымаги или, вернее, два подвижных на колёсах вагона специальной конструкции и двое саней нормальных размеров. В каждый из этих подвижных вагонов впрягалась четвёрка лошадей. Обоз инженера Владеса в первые же дни путешествия был прозван «странствующим цирком». В дальнейшем пути этот цирк причинил отряду много осложнений и хлопот...

Таким образом, в Ракуше наш отряд возрос на половину своего первоначального состава — с 42 на 63, не считая киргиз. Отряд стал громоздким и трудным в отношении управления.

Чтобы покончить с Ракушей, ещё несколько слов. Появление в Уральской области в дни гражданской войны британской миссии была для меня неожиданностью и его действительная цель не ясной. Теперь, побыв в Ракуше, я понял, что там, где пахнет нефтью, трудно не встретить либо англичанина, либо американца, либо их капитал.

Отряд покинул Ракушу рано утром 5-го января, предполагая к вечеру этого дня дойти до Жилой Косы.

Жилая Коса

Расстояние между Ракушей и Жилой Косой около 60 вёрст.

Несмотря на то, что отряд был разделён на отделения со своим начальником во главе каждого из них, что обгон был запрещён, несмотря на то Мельбарт на своём киргизе Арапчике проявлял высшую меру энер-

гии, движение было беспорядочным и поэтому крайне медленным. Ночь, к счастью, светлая и тихая, захватила нас на полпути. Благодаря этому и достаточной прочности льда, с большими трудностями, но мы всё же продолжили двигаться и только к полуночи в полном изнеможении добрались до Жилой Косы.

Здесь отряд был встречен полковником Кузнецовым, командиром Жилой Косы. При содействии этого последнего отряд был быстро расквартирован в ближайших к берегу домах. Для отделения английской миссии был отведён дом богатого местного купца-татарина. Не без удовольствия мы поели, выпили горячего чаю, после чего всё было объято мёртвым сном...

Утром следующего дня мы увидели, что мы находимся в большой или богатой станице, похожий на те, которые мы видели на Урале. Те же прямые широкие улицы, та же площадь с почтой, школы, староверческая церковь и большое число лавок. Три мечети с их минаретами. Население — казаки, уральцы, киргизы и татары. Последние составляют немногочисленную торговую часть населения Жилой Косы. Занятия уральцев — рыболовство, киргиз — скотоводство. Три дня: 6, 7 и 8 января, отряд оставался в Жилой Косе. Вечером 6-го января (24 декабря по старому стилю) после появления первой звезды мы праздновали рождественский сочельник, и очень неплохо, потому что в Жилой Косе, ещё войной нетронутой, организатор ужина поручик Рахманинов мог достать кой-какие необычные предметы продовольствия, такие как балык, баранина для шашлыка, рис для плова. Наш сочельник, таким образом, оказался не менее обильным и весёлым, чем встреча Нового года на льду и в камышах Урала.

До сих пор мы не теряем надежды на то, что наступят, наконец, морозы, которые позволят перейти море между Прорвой и Заворотом. В предшествовавшие годы в рождественские и крещенские морозы Каспийское море неизменно замерзало и было проходимым. Неужели же на этот раз природа специально для уральцев готовит в Прорве вторую, после первой, в Гурьеве, в который должны будут оказаться десятки тысяч людей?!

Надеясь на лучшее, в Жилой Косе для сопровождения отряда морским путём, если таковой окажется открытым, был нанят киргиз Мукаш, пользовавшийся репутацией опытного проводника.

Комендант Жилой Косы полковник Кузнецов с женой, с сыном и двумя уральскими казаками присоединился к нашему отряду, возраставшему в размерах как снежный ком.

На второй день Рождества, 8-го января по новому стилю, в 11 часов утра, в то время как горели цистерны с нефтью в Ракуше, застилая северную часть горизонта огромной тучей чёрного дыма, отряд покинул Жилую Косу.

К вечеру этого дня, сделав в лучшем случае полтора десятка вёрст, преодолевая те же трудности, с которыми мы боролись в день перехода из Ракуши в Жилую Косу, и к которым надо добавить сильный встречный ветер, с наступлением темноты (луна теперь всходила поздно) отряд остановился и расположился лагерем на льду у берега абсолютно пустынного и безотрадного. Здесь мы не нашли даже камыша. Не оказалось также и пресной воды. Ужин и кипяток для чая были приготовлены на дровах, небольшой запас которых мы везли с собой. Пресную воду доставил растопленный на костре лёд. Пить такую воду можно, но она чрезвычайно пресна и мало утоляет жажду. Наши лошади на этот раз остались без воды.

Аул Кортон

На следующий день отряд снялся с лагеря насколько было возможно рано и к вечеру, преодолев около 30 вёрст, пришёл в Кортон — небольшой киргизский аул, расположенный в вершине длинного, около 5 вёрст, и узкого залива. Несмотря на достаточную прочность льда и незначительное количество трещин, переход в Кортон был очень трудным из-за ещё вчера начавшегося встречного ветра, перешедшего сегодня ураган. Лошади в этот переход преодолевали не тяжесть груза, а сопротивление воздуха.

Мы застали население Кортон за приготовлениями к отъезду. На рассвете следующего дня оно покинуло Кортон, уходя на восток, вглубь степей. Киргизы, как и уральцы, покидая свои жалкие пепелища, забирали с собою всё, что было возможно: животных, домашнюю утварь, продовольствие и так далее. И те, и другие уходили, но по разным причинам: белые уходили от красных, киргизы от белых... Грустная фигура кадрили.

День, когда киргизы ушли в степь, мы были принуждены оставаться в покинутом ими ауле из-за невероятно мерзкой погоды. Начавшийся третьего дня ураган не ослабевал, а, наоборот, усиливался, исключая для нас всякую возможность продолжать путь.

Кортон — второе Мокрое: грязно, тесно, но тепло и под крышей.

Буря, свинцовые, низкие тучи, мчавшиеся с невероятной скоростью, попеременно снег и дождь не оказывали никакого влияния на навсегда

прекрасное настроение второго отделения отряда, я хочу сказать, дамского отделения.

Уралка-хозяйка исключительных способностей, в области кулинарного искусства особенно. Весь день, что мы должны были сидеть в Кортоне, без явного выражения удовольствия на лицах (это я говорю о лицах не прекрасного пола) дамы второго отделения варили, пекли, готовили всё, что могло быть изобретено в условиях крайней ограниченности продовольственных возможностей. Впрочем, надо сказать, что до сих пор жаловаться на голод мы не можем...

11-го января в 8 часов утра в надежде к вечеру этого дня дойти до Прорвы мы покинули Кортон. Буря не прекращалась. Отряд, преодолевая препятствия всех видов, к вечеру оказался не в Прорве, а в 15-ти вёрстах от Кортона на льду, у берега моря, куда он дотащился в полном изнеможении.

Буря к заходу солнца стала стихать. Берег в камышах. Мы могли согреться и приготовить горячую еду.

На следующий день, 12-го января, на двенадцатый день пути, отряд прибыл в Прорву. Гурьев — Прорва — около 250 вёрст.

Погода стихла, падает редкий снег. Показание термометра 0°. В точно такую же погоду мы покидали Гурьев под новый, 1920, год.

Дни в Прорве

12–19 января 1920 года

Прорва, одно название чего стоит! Небольшой рыбный промысел, населённый исключительно казаками-уральцами. Вся Прорва состоит из нескольких десятков неплохих жилых домов. Рыболовство — единственный, и тоже неплохой, вид занятий казаков. В аулах района Прорвы сосредоточено киргизское население, которое теперь складывало, как это мы видели в Кортоне, свои пожитки и уходило на восток. Частью Прорва, а главным образом её окрестности, были забиты беженцами, ожидающими наступления морозов и установления морского пути между Прорвой и Заворотом. Надо иметь в виду, что Прорва — последний обитаемый пункт восточного побережья мёртвого Култуна и Кайдака. Следовательно, перед бегущей массой людей впереди либо спасение по льду на Заворот, либо кружий путь гибели вдоль восточных берегов названных заливов Каспийского моря.

В Прорве отряд был расквартирован в условиях обстановки хорошо.

По примеру беженцев мы решаем ждать некоторое время у моря погоды, то есть морозов.

Накануне прибытия отряда в Прорву небольшая группа опытных разведчиков была выслана в направлении на Заворот для исследования степени проходимости морского пути. По возвращении разведчики сообщили: лёд в прибрежной 20-вёрстной зоне достаточно прочен, чтобы выдерживать вес лошади и саней; открытое море свободно от льда. Кратко и ясно. Недопустимость моря для нас стала очевидной. Новая западня. Единственным выходом из неё оставался путь гибели через закаспийские степи, плоскогорье Усть-Урта и Мангишлакский полуостров, путь шестисотвёрстного протяжения. Этот неизвестный путь, доступный только весной и осенью, и только для верблюжьих караванов, в настоящую пору года являл собою, конечно, трудности, выходящие за пределы нашего воображения.

Надежда на наступление холодов. Она становится всё более и более эфемерной. Тем не менее, хватаясь за соломинку, мы решаем оставаться в Прорве до 19 января, не теряя надежды на лучшее, готовясь к худшему.

13-го января в Прорву был привезён полковник В. И. Моторный с женой и младшей дочерью Ириной, все трое больные тифом. Старшая дочь Женя умерла в Калмыкове. Я упоминаю здесь эти факты потому, что о судьбе семьи Моторных, как мы увидим потом, должно быть уделено внимание.

В тот же день в Прорву прибыли атаман со своим конвоем и полковник Сладков, который теперь замещал полковника Моторного, с отрядом штаба армии.

Полковник Сладков доставил нам новости, полученные им по T.S.F. в Живой Косе после нашего отъезда³². Печальные новости. Не оставалось сомнений в том, что Добровольческая армия находилась в состоянии полного отступления, если не бегства. Харьков, Таганрог, Ростов были потеряны. Красные вели наступление в направлении на Екатеринодар — Новороссийск... Москва торжествовала, праздновала победу³³. Всё это

³² T.S.F. — сокр. от *télégraphie sans fil* — радиотелеграф.

³³ К середине октября 1919 года Добровольческая армия занимала обширный район по линии Киев — Орел — Воронеж — Царицын. Однако фронт не представлял собой цельной линии, занятой войсками. Белогвардейские части были разбросаны

для нас не было неожиданностью, так как всем было ясно, что по ликвидации Сибирской Армии большевики получили возможность все силы сосредоточить против армии Деникина. Всё это объясняло, но не облегчало положение. Горизонт омрачался, угрожая стать непроницаемым.

Чтобы дать хотя бы приблизительное представление о масштабе бедствия, постигшего уральцев, я приведу список остатков Уральской армии, остатков, проходивших Прорву в дни нашего в ней пребывания.

Отряд атамана, броневой отряд полковника Пиульского, Астраханский отряд генерала Юденича, отряды некоторых полков 1-й и 2-й дивизий 1-го Уральского корпуса, Оренбургский отряд полковника Чулошников, Волжский отряд полковника Фортунатова³⁴ (не знаю каким образом оказавшееся в Прорве), отряд жандармерии генерала Ерёмкина, школа юнкеров и так далее. К этому надо добавить беженцев «кочующих станиц».

Трудно определить численность этой беспорядочно движущейся, голодной и раздетой массы людей, подчиняющийся теперь только силе инерции и инстинкту самосохранения. В моём распоряжении нет, да и не могло быть, никаких цифровых данных, позволяющих судить о численности этой массы. Я определяю эту численность не по документам, а по совокупности впечатлений от всего мною виденного, начиная с Бударина, до Прорвы включительно. Без риска ошибиться в сторону преувеличения, я определяю интересующую нас численность в двадцать тысяч человек... Возможно, больше, но, во всяком случае, не меньше.

На четвёртый день пребывания нашего отряда в Прорве пришёл караван верблюдов, посланный инженером Мельбартом из Гурьева накануне нашего отъезда 31 декабря.

отдельными группами. В ходе Орловско-Кромского сражения 11 октября — 18 ноября 1919 года Добровольческая армия смогла занять Орел, но потерпела стратегическое поражение. Это было связано, главным образом, с крайним недостатком сил и средств, а также низкой боеспособностью войск, значительную часть которых к этому времени составляли мобилизованные крестьяне и пленные красноармейцы. В результате Добровольческая армия была вынуждена оставить все ранее занятые районы. В армии упала дисциплина, возросли дезертирство и грабежи населения. Из-за больших потерь и катастрофического снижения численности личного состава армия была сведена в Добровольческий корпус, который к марту 1920 года с боями отступил к порту Новороссийск. Здесь остатки армии были погружены на суда и переправлены в Крым. В Крыму корпус был расформирован и стал основой Русской армии генерала барона Врангеля.

³⁴ Вероятно, полковник Изергин пишет о Борисе Константиновиче Фортунатове, вошедшем в историю Гражданской войны как «корнет Фортунатов».

Покидаем сани и лошадей, меняя их на колёсные повозки и верблюдов. Это замена, по причине слабой грузоподъёмности верблюдов и повозок, лишает нас многих предметов, пользу которых мы видели и испытывали на себе во время путешествия по льду.

Наш отряд покинул Прорву с запасом продовольствия на 15–20 дней, имея крышу (палатки и кошары) на $\frac{3}{4}$ его личного состава. В отряде не возникало вопроса чрезвычайной важности, вопроса неудовлетворительности одежды и обуви, последней особенно. Отряд, таким образом, пускался в путь во всеоружии против голода и холода и жаловаться на судьбу не мог. Зато в отношении продовольствия и одежды, за редкими исключениями, в двигавшийся людской волне дело обстояло несколько иначе. Я думаю, что с моей стороны не будет большим преувеличением, не тратя много слов, сказать, что это была волна раздетых, голодных, морально придушенных людей. Это масса людей в самом процессе движения видела какой-то призрак надежды. Ни остановиться, ни изменить направление движения она не могла.

Всё время пребывания отряда в Прорве стояла солнечная, тёплая погода; никаких признаков на мороз.

Все попытки начальника радиостанции установить связь с Фортom Александровским не дали результата. Наконец, с той же целью уста-

Переход от Жилой косы до Форта Александровский

новления связи 15 января утром из Прорвы в форт был выслан сильный верблюжий разъезд под командой поручика Дзонзиола, которому было приказано в возможно кратчайший срок дойти до форта и информировать местное начальство о положении в Прорве.

Дальнейшее пребывание в Прорве теряло смысл.

Отъезд был назначен на 18 января.

Но целый ряд недоразумений, непредвиденных затруднений, неизбежных при сборах в дальний путь, вызвал необходимость перенести отъезд на 19-ое.

Итак, судьба гнала нас дальше, не давая никакой надежды на то, что, дойдя даже до форта, мы найдём там спасение.

Но иного выхода не было.

От Прорвы до Форта Александровского

19 января — 20 февраля 1920 года

19 января, в день Крещения Господня, наш отряд покинул Прорву — последний, как было уже сказано, обитаемый пункт на восточном побережье залива Култука. Погода немного облачная, немного туманная, но удивительно тихая. Ничто не нарушало спокойствия, в которое была погружена природа. В точно такую же погоду мы прибыли в Прорву 12-го января 19 года и покинули Гурьев 31 декабря того же года.

К 10 часам утра отряд в составе 62 человек — мужчин, женщин и детей, — двух десятков повозок, запряжённых частью лошадьми, частью верблюдами, и из 70 вьючных верблюдов, нагруженных продовольствием, палатками и кошарами, собрался у дороги восточнее Прорвы. Повозки предназначались для больных, для женщин и детей. «Бродячий цирк» Владеса и колымаги Попова и Пичугина входили в число повозок. Как эти сооружения дошли по прогибающемуся льду до Прорвы и даже без особых приключений — для меня неразрешимая задача. В составе отряда две повозки, в которых находились больные полковник Моторный с женой и дочерью.

Одновременно с ними покидали или готовились покинуть Прорву другие отряды. Здесь я не даю скучного перечня этим отрядам, но упоминаю о них с целью показать, что наш отряд был далеко не один, а один из очень многих, что до нас, с нами и после нас приходили в Прорву и уходили из неё десятки отрядов в подавляющем большинстве жал-

кого, безнадёжного и удручающего вида. В несколько лучшем, вернее сказать — в менее скверном, состоянии были «кочующие станицы» беженцев.

Исправляю маленькую погрешность: я упустил сказать, что в Прорве был нанят второй проводник — одаевский киргиз Джам Бай³⁵. Все атрибуты, обличавшие в нём профессионального проводника, я хочу сказать, компас, термометр и даже барометр, хранились у него за пазухой.

В 11 часов утра отряд покинул Прорву.

Отряд полковника Сладкова уходил из Прорвы одновременно с нами.

19-го января 1920 года, по времени, и гиблая Прорва, по месту, определяют начало последующего короткого периода времени, в который уральское казачество было окончательно погребено в закаспийской степи и на плоскогорьях Усть-Урта.

События этого короткого, но исключительного по значению периода я изложу здесь в той форме, в какой они записаны в моём дневнике, то есть в форме кратких хронологических заметок, относящихся к данному прожитому дню или дням, в зависимости от физической возможности манипулировать карандашом, то есть, в зависимости от показания термометра, силы ветра, дождя, снега и так далее. Без моих комментариев и субъективных толкований. Я надеюсь, изложенные таким образом голые факты обрисуют с достаточной ясностью положение, в котором эти факты имели место.

Возвращаюсь к предмету моей повести.

3 января 1920 года. Бивуак Чушка Ака

Прошли четыре дня как отряд покинул Прорву и теперь, преодолев с большими трудностями расстояния в полсотни вёрст в юго-восточном от Прорвы направлении, бивуакирует в местности, которую Джам Бай называет Чушка-Ака. Пятьдесят вёрст за четыре дня вместо пятидесяти вёрст в день, на что мы наивно рассчитывали!..

В первый из этих четырёх дней мы прошли 7–8 вёрст.

Причиной такого ничтожного успеха движения отряда, помимо забитости дороги воинскими и беженскими обозами, были так называемые «соры» и «баткаки».

³⁵ Вероятно, правильно — Джамбай.

«Сорами» киргизы называют узкие неглубокие, далеко врезающиеся в материк заливы. Теперь, при незначительности глубины, при твёрдости песчаного дна, даже при сомнительной прочности льда «соры» не представляли собою препятствий слишком трудно преодолимых. Но всё же, было бы лучше без них.

Много труднее и опаснее «сора» — «баткак». Последний есть не что иное как болото, больших или меньших размеров, с тинистым, вязким, засасывающим дном. Совершенно невозможно, не имея необходимых приспособлений, спасти человека, лошадь, верблюда, так или иначе попавших в «баткак».

Джам Бай уверяет, что дальше ни «сор», ни «баткак» не будут преграждать нам путь. В этом, конечно, большое утешение!..

В эти дни, начиная с Прорвы, мы видели сотни и сотни брошенных лошадей, бродивших по лишённой жизни, голой закаспийской степи в поисках корма и воды, которых они не находили и не могли найти. Ещё несколько дней — лошадь как средство транспорта исчезнет, и наше «быть или не быть» станет в исключительную зависимость от удивительного по выносливости и покорности животного — верблюда. В условиях, в которых мы находимся, гибель верблюда означает не более и не менее как гибель его хозяина.

Вся растительность закаспийских степей представлена двумя видами полутравянистых, полукустарниковых растений, именуемых «колючкой» и «полянью». Если наша судьба зависит от верблюда, то жизнь и энергия этого последнего зависит от этих грубых горьких растений, которые служат верблюду хорошим кормом. Для лошади как колючка, так и полянть совершенно неприемлемы.

С момента оставления нами Прорвы, то есть в продолжении четырёх дней, наши животные не имели ни одной капли воды. Люди отряда за это время утоляли жажду водой, получаемой путём нагревания морского льда на огне.

Сегодня, 23 января, на рассвете отряд покинул Чушка-Ака. Около 10 часов утра по указанию наших проводников отряд резко изменил направление своего движения к югу и, пройдя затем несколько вёрст по целине, вышел на большую караванную дорогу или, лучше сказать, верблюжью тропу, ближайшую к морю и параллельную общему направлению морского побережья.

К полудню отряд подошёл к колодцам Кизил-Джара.

Трудно описать, с какой жадностью наши животные пили воду, не смотря на её качество, позволяющее желать лучшего.

Ввиду крайнего утомления людей, а главным образом верблюдов и лошадей, решаем остановку у этих колодцев до утра следующего дня.

Благодаря предусмотрительности Н. Я. Мельбарта в отряде имеется небольшой запас дров. До сих пор, экономя дрова, мы пользовались повозками, бросаемыми проходящими обозами по мере того, как гибли лошади. Эти источники тепла, конечно, иссякнут быстро. Ближайшее будущее в отношении этого жизненно важного вопроса представляется мне в очертаниях мало утешительных.

Места для ночлега отряда выбираются в зависимости от наличия колючки или полыни и воды, если это возможно. В противном случае отряд останавливается на ночлег там, где его захватит ночь или полное истощение сил. После того как место для бивуака так или иначе выбрано, отряд располагается в следующем порядке: повозки ставятся ось к оси по прямой линии, перпендикулярной направлению ветра. Вдоль подветренной стороны этой линии располагают верблюдов, снятые с них вьюки и лошадей. Наконец, параллельно описанному расположению повозок, животных и грузов устанавливаются палатки и кошары — наши убежища от ветра и холода — следующим образом, считая справа налево: палатка англо-русского отделения отряда, две палатки дамского отделения, кошар казаков, кошар инженеров, две повозки, в которых размещалась семья полковника Моторного, две лазаретных повозки для тяжело больных и, наконец, знакомый нам «странствующий цирк» инженера Владеса и вагоны на колёсах Пичугиных и Поповых.

С наступлением темноты до рассвета охрана бивуака вверяется двум часовым, сменяемым каждые два часа.

Разведку пастбищ для верблюдов, колодцев и, в зависимости от этого, места для бивуаков принял на себя инженер Мельбарт. В распоряжении последнего переданы три казака-уральяца, оба проводника — Мукаш и Джам Бай, — и пятнадцать киргиз — пастухов и вожатых. Наши проводники, между прочим, имели собственных верблюдов, каждый по одному.

Мы не можем жаловаться на погоду до сих пор, по крайней мере. В данный момент — шесть часов полудни — термометр (сантиград³⁶) +2°,

³⁶ Сантиград (centigrade adj.) — стоградусный (обычно так говорят о шкале термометров).

барометр — 750 [миллиметров ртутного столба]. Несколько облачно, мрачно, уныло, но тепло. Полное затишье. Последняя четверть луны, в которой мы находимся, всё же внушает мне опасения: обыкновенно резкие и внезапные перемены в состоянии погоды либо предшествуют новолунию, либо следуют за ним.

25 января 1920 года. Бивуак

Вчера в 8 часов утра мы покинули бивуак у колодцев Кизил-Джара. Как и в предшествовавшие дни, неизменно перед нами расстилась безграничная монотонная степь — пустыня без каких бы то ни было признаков жизни, если не принимать за таковые брошенных подыхающих с голоду лошадей. Преодолев по абсолютно гладкой горизонтальной поверхности 20–25 вёрст, к наступлению сумерек этого дня отряд в изнеможении остановился в некоторой, скажем, точке, положение которой не может быть определено никакими географическими или иными координатами.

Сегодня удручающая монотонность степного ландшафта была нарушена неожиданным появлением в поле нашего зрения двух значительной высоты отдельных возвышенностей, расположенных вправо и влево от направления следования отряда, образуя нечто вроде широких ворот. Особенно обращала на себя внимание оригинальность их геометрически почти правильной формы: формы конуса — правой и усеченного конуса — левой. Джам Бай называет их Ака и Кок-Тюбе. Эти две нелепые выпуклости земной поверхности, как два фантастических стражника, казалось, охраняли пустыню от... я не знаю, от какого воображаемого врага. Трудно сказать, какие космические силы могли создать такое сочетание поверхности, как стол с конусообразным на ней наростом.

Миновав Ака и Кок-Тюбе, мы скоро и ещё раз подошли к морскому берегу, где оказались колодцы с очень хорошей водой.

После часового отдыха отряд продолжил путь. Снова бесконечная, безжизненная пустыня — ни человека, ни зверя, ни птицы!

«Богом отвергнутая Земля», — сказал мне сегодня казак-уралец.

В три часа пополудни, сделав не больше десяти вёрст, отряд стал на ночлег.

Не сильный, но встречный и холодный ветер. Термометр плюс 4°, барометр 750 с тенденцией падать.

К. Я. Мельбарт заболел тифом.

26 января 1920 года. Бивуак Кизил-Джар

Как и вчера, определить сколько-нибудь точно местонахождение нашего бивуака, за отсутствием ориентировочных пунктов, невозможно. С большим приближением — мы находимся в 100–120 вёрстах к юго-востоку от Прорвы и в 10–12 — от кизил-джарских колодцев.

Сегодня, по мере нашего движения вперёд, проходима нами местность стала медленно, но заметно терять свою горизонтальность, повышаясь в сторону движения отряда. Появился снег, и степной ландшафт, до сих пор грязно-серый, стал переходить в белый. Такая совершенно неожиданная трансформация вида степи, приятная для глаза, имела ещё ту хорошую сторону, что она разрешала вопрос для нас чрезвычайной важности — вопрос воды.

Топлива нет. Чтобы согреть воду для чая, жжём одну из повозок обоза.

За полным отсутствием сена большую часть наших лошадей мы оставили погибать в степи.

Голодают верблюды, но всё же кое-что удобоваримое для себя они находят. Выше я сказал и ещё раз повторяю, что гибель верблюда теперь означает гибель того или тех, кому он служит.

Несмотря на сравнительно небольшую температуру, 2–3° ниже нуля, переход, сделанный нами сегодня, был очень трудным по причине сильного встречного ветра. В лучшем случае мы преодолели 10–12 вёрст.

С выражением тревоги на лице Мукаш сообщил мне свои заключения, вытекающие из его наблюдений погоды, природы и даже небесных светил: «Не хорошо, барин, новая луна, буран будет». Я легко допускаю, что опасение Мукаша небезосновательны, так как наиболее резкие колебания температуры и атмосферного давления предшествуют новой луне или с ней совпадают. Об этом уже упоминалось. Прав ли Мукаш или нет, покажет будущее, а теперь ясно только то, что десятки тысяч людей находятся во власти стихий... Мы слишком слабы для борьбы с ними, слишком бессильны изменить что-либо в положении, в котором мы находимся.

Весь истёкший день был солнечным днём, но к вечеру в западной части неба появились тяжёлые тучи, позади которых скрылся красный диск солнца. Теперь на моих часах стрелки показывают девять вечера, на крышу моего убежища — палатки,

падает не то дождь, не то снег, а, может быть, и то, и другое зараз.

Прошла неделя с момента оставления нами Прорвы, неделя автоматического движения с утра до вечера, когда мы останавливаемся

на ночлег, организуем бивуак, изыскиваем средство для того, чтобы согреть воду, накормить верблюдов; затем мы спим, спим мёртвым сном до рассвета и снова идём вперёд. За эту неделю борьбы с пространством мы преодолели расстояние немногим больше сотни вёрст, иначе говоря, мы сделали шестую часть пути от прорвы до Форта Александровского.

Совершенно очевидно, что 20-ти дневной запас продовольствия, взятый нами при отъезде из Прорвы, недостаточен и впредь мы должны его рассчитывать до предела его растяжимости.

27 января 1920 года. Бивуак Кизил-Джар 2

К утру погода изменилась в благоприятном для нас смысле: ветер стих, дождь прекратился, заметно потеплело.

Без задержек и недоразумений с 8-ми до 11-ти часов утра отряд, легко пройдя десяток вёрст, ещё раз подошёл к берегу моря, где ещё раз нашёл колодцы, которые ещё раз Джам Бай называет кизил-джарскими: можно подумать, что отряд вернулся в исходное положение, которое он занимал два дня тому назад. Разобраться в киргизских названиях местности, лишённой ориентировочных пунктов, нет никакой возможности. Поэтому будем настоящие расположения отряда называть бивуак Кизил-Джар п. 2.

Иначе, неожиданно и неудачно, сложились обстоятельства второй половины этого дня.

В полдень, после короткого отдыха, отряд продолжал путь. В это же время со стороны моря стал надвигаться туман, который скоро перешёл в мелкий пронизывающий дождь, настойчивый, как зубная боль. Вследствие дождя глинистая поверхность дороги становилась скользкой и верблюды начали падать. Эти огромные, мощные животные совершенно неспособны передвигаться по какой бы то ни было скользкой поверхности. Нам ничего другого не оставалось, как остановиться, что, пройдя 2 версты, мы и сделали.

По-видимому, 10–12 вёрст поступательного движения — предел для нас возможного. Не трудно ответить на арифметический вопрос: сколько надо дней, чтобы пройти расстояние, равное 600 верстам, двигаясь со скоростью 12-ти вёрст в день? Ответ — 50!

Сейчас 8 часов вечера, мне сообщили о смерти жены полковника Моторного. Вечная ей память!

28 января 1920 года.

Бивуак 12 вёрст южнее Кизил-Джара п. 2

К полуночи с 27 на 28 дождь прекратился. Мрачное, туманное и холодное утро.

Около девяти часов утра маленькая и очень печальная процессия, состоявшая из двух повозок, влекомых верблюдами, священника и нескольких лиц, пожелавших проводить усопшую Моторную до вечного бивуака — могилы, вышла из расположения отряда и стала двигаться по направлению двух рядом стоящих небольших холмов в версте от лагеря.

В одной из повозок, передней, находилось тело умершей жены полковника Моторного, в другой — больные тифом полковник Моторный и его младшая дочь Ирина.

Два холма. На одном из них, что повыше, стоит надгробный камень с надписью, наполовину стёртой временем. Могила, давно покинутая и забытая. Предполагал ли тот, кто лежит под камнем, что придёт день, когда его одиночество будет нарушено?

После краткой молитвы, прочтённой священником, тело покойной было снято с повозки и приближено к повозке мужа и дочери. Из нескольких слов, с трудом произнесённых полковником Моторным, я уловил три: «Спи, моя милая!..» Рыдания не позволили ему сказать то, что он хотел сказать. В мою память врежется навсегда выражение лица покойной: оно было необыкновенно. Это лицо не отражало предсмертных страданий, ещё менее — ужаса перед смертью. Казалось, что это женщина закрывала глаза, чтобы не видеть печальной действительности, окружавшей нас. Обёрнутую в простыню, заменившую гроб, рабу Господню Наталию опустили на дно неглубокой могилы на кизил-джарском холме... Так была предана земле одна из наших спутниц, той земле, которая так или иначе, рано или поздно, откроется и закроется для каждого из нас...

В 10 часов утра отряд продолжал путь, являя своим жалким видом такую же похоронную процессию, какую мы видели час тому назад, но во многом раз увеличенную.

К двум часам пополудни отряд стал, казалось самопроизвольно, замедлять движение и наконец остановился окончательно, как останавливается машина, лишённая энергии, которая её до сих пор двигала. Мы, очевидно, переучли силу верблюда и не учли некоторых особенностей природы этого животного. Ночью верблюд видит плохо. В эту часть суток

верблюд лежит и не ест. До сих пор мы не давали нашим верблюдам достаточно светлого времени, необходимого для наполнения их объёмистых утроб. Это ставит нас в необходимость отказаться от дневных переходов и перейти к ночным.

Успех сегодняшнего дня — всё те же 10 вёрст!

С заходом солнца пошёл дождь. Теперь девять часов вечера — обычное для меня время, которое я посвящаю моему дневнику. Дождь усиливается с возрастающей настойчивостью.

Полчаса тому назад прибыл верблюжий патруль связи от полковника Сладкова с сообщением, что его отряд и отряд атамана бивуакируют эту ночь в местности, называемой Куй-Куль, 10–12 вёрст впереди нас.

31 января 1920 года. Тот же бивуак

Положение принимает угрожающий оборот. Дождь, начавшийся вечером 28-го дня, когда Н. Моторная была похоронена на холме Кизил-Джара и когда наши голодные верблюды отказались идти вперёд, к полуночи перешёл в снежный шторм невероятной силы. К утру 29-го термометр упал до 16° ниже нуля!..

Случилось самое страшное из всего страшного, что только могло случиться. Три дня: 29, 30 и 31 января, свирепствовал снежный буран. В эти три дня неопишемого ужаса люди и животные отряда были буквально прикованы к земле, лишённые физической для них возможности передвижения в пределах нескольких шагов, не будучи в состоянии преодолеть сопротивление ветра. Весь лагерь был засыпан толщей снега в 1–1½ аршина...

К утру 1-го февраля показание термометра — 22° ниже нуля. Что это означает, что скрыто в этом двузначном арифметическом символе, определяющем степень холода — судите сами...

3 февраля 1920 года. Бивуак Куй-Кюль

Буран, разразившийся в ночь на 29-е января, стал ослабевать к полудню 1-го февраля, когда верблюды после трёхдневной неподвижности начали подниматься без побудительного к тому на них воздействия извне. По мнению Мукаша, это было верным признаком близкого конца бешенства рассвирепевшей стихии. Ещё раз Мукаш был прав: к ночи на 2-е февраля ураган окончательно стих.

Исчезли облака. Звёздная ночь пришла на смену хмурому дню. Новая, первой фазы луна мутным мёртвым светом освещала замёрзшую землю и замёрзших на ней людей.

Потери русско-британского отряда — один офицер, сержант английский службы Биверг, два уральских и два оренбургских казака.

В отрядах, бивуакировавших по соседству с нами и захваченных, как и мы, бураном, потери исчисляются: броневой отряд — 2 офицера и 12 солдат; сербо-русский отряд — 14 офицеров и 72 солдата; 4-я уральская сотня — 2 офицера и 8 солдат... Всё это было покинуто на местах бивуаков, так как замёрзшая земля исключала возможность похоронить жертвы бурана. Это маленькая, абсурдная, но верная иллюстрация к тому огромному бедствию, свидетелем которого мне пришлось быть.

Я не чувствую себя в силах дать хотя бы приблизительную картину того, что творилось на пути из злополучного Кизил-Джара в Куй-Кюль. Мёртвые на дороге, мёртвые у дороги, мёртвые в некотором удалении от меня; отряды, пострадавшие частично; отряды, которые в целом их составе остались там, где буран преградил им путь... Почти все замёрзшие люди сохраняют одно и то же положение: они лежат на спине со сжатым кулаком правой руки около рта, наполненного снегом. Вероятно, последние чувства человека, умирающего от холода, есть чувство жажды.

Сверхъестественная выносливость верблюда поистине удивительна.

После трёх дней бурана, в которые наши верблюды абсолютно ничего не ели, с предельной нагрузкой, они оказались в состоянии пройти 20-вёрстный путь от Кизил-Джара до Куй-Кюля. К большому нашему благополучию в районе настоящего расположения отряда оказалась колючка в количестве, достаточном не только для того, чтобы накормить верблюдов, но и для того, чтобы вскипятить воду для чая и сварить кашу. Последнее составляет основание нашего питания.

Умерла младшая дочь полковника Моторного — Ирина. На протяжении двух месяцев В. И. Моторный растерял всю свою семью — жену и двух дочерей.

4 февраля 1920 года. Бивуак 2 версты к северу от Ак-Булака

Отряд покинул Куй-Кюль сегодня на рассвете. Трудно поверить: переход из Куй-Кюля в Ак-Булак выражается тридцатью вёрстами. Небывалый до сих пор успех!..

Этот переход — точное повторение уже сделанного накануне. В его описание я не имею внести ничего нового. Всё те же немые свидетели невероятной, совершенно абсурдной катастрофы, в которой, без большого преувеличения, на протяжении часов легли и не встали тысячи людей. Перед лицом этой катастрофы останавливаются мысль и понимание того, что происходит вокруг нас. Да, это выходит за пределы наших представлений о несчастьях и бедствиях, могущих постигнуть людей.

В нескольких вёрстах к югу от расположения нашего бивуака степь преобразуется крутым, обрывистым скатом плоскогорья Усть-Урта высотой 200–300 метров. Завтра нам предстоит форсировать подъём на это плоскогорье.

Верблюжий корм в изобилии. Впервые на пути, после колючки и полыни, встречаем третий вид растительности закаспийских степей, так называемый «саксаул». Это нечто среднее между низкорослым деревом и кустарником, характерной особенностью которого служат необыкновенной мощности корни, распространяющиеся почти горизонтально на небольшой глубине от поверхности земли. Какова бы ни была природа саксаула, для нас важно отметить здесь то, что это растение представляет собою идеальный вид топлива и такое же орудие борьбы с холодом.

Солнечный холодный день. Полное отсутствие ветра. Температура — минус 17°. Полная луна.

6 февраля 1920 года. Бивуак Волчий Вой

Отряд покинул бивуак севернее Ак-Булака около 4 часов пополудни и, пройдя две-три версты, вошёл в горную котловину, именуемую собственно Ак-Булаком. Наш путь, миновав ак-булакские колодцы, переходил в подъём, выведивший по узкому ущелью на Усть-Урт.

Разведка в составе полковника Пичугина, капитана Брокелбенка и проводника Мукаша, высланная для разведки проходимости пути, установила, что всякая возможность достигнуть плато, следуя дорогой, по которой мы шли до сих пор, должна быть исключена, так как ущелье блокировано снежным обвалом. Ничего иного не оставалось как идти дальше без дороги.

Оренбургский отряд полковника Чулошникова, прибывший к ак-булакским колодцам раньше нас и оказавшись в том положении, в котором теперь находились мы, с 2 часов пополудни преодолевал подъём на Усть-Урт значительно левее дороги. По времени нашего прихода к колод-

цам, это было после 5-ти, отряд Чулошникова успел преодолеть только половину злополучного подъёма, всё протяжении которого не превышало полуверсты.

В этих условиях решаем идти за отрядом Чулошникова.

Солнце скрылось за горизонтом и в то же время ему на смену полная луна вышла из того же горизонта, но с противоположной его стороны, и осветила своим саркастическим глупым ликом котловину Ак-Булака. Всё покрыто снегом, всё бело, за исключением отвесных скал, свободных от снега и казавшихся на фоне белизны особенно чёрными и мрачными. Это сочетание белого и чёрного цветов сообщало ландшафту колорит траура и мистики.

С шести часов вечера до двух часов ночи, то есть в продолжении 8 часов, стоит — 22° мороза, отряд, напрягая всё и последние силы людей и животных, взбирался на Усть-Юрт...

Я опускаю описание этого восхождения. Ограничиваюсь сказать, что полувёрстный восьмичасовой подъём отряда на Усть-Урт убедил меня в том, что перед лицом опасности силы и энергия у людей, сознающих опасность, а у животных, инстинктом её чувствующих, удваиваются.

С невероятным трудом даже «странствующий цирк» Владеса с каспийской степи был поднят на плоскогорье Усть-Юрта!

В полном изнеможении отряд, выйдя на плато в том месте, которое Джам Бай называет Волчьим Воем, остановился, не будучи в состоянии двигаться дальше. Снова перед нами бесконечная, белая, гладкая, как скатерть, пустыня, теперь не степь, а плоскогорье. Ни колючки, ни полыни, ни саксаула. Ничего, кроме снега и лунного света.

8 февраля 1920 года. Косс-Булак

В светлую, лунную ночь с 7-го по 8-е, по неизменно белой и гладкой пустыне отряд сделал переход около 25 вёрст, не встречая особых затруднений. Местами только снежные заносы и сугробы тормозили движение.

Местность, где мы бивуакируем, проводники называют Косс-Булаком.

По каким признакам они отличаются, положим, Косс-Булак от Асс-Булака или тот и другой от Куй-Кюля, похожие один на другой и третий как две капли воды — сказать трудно...

Вопрос продовольствия становится всё более тревожным. Весь имевшийся у нас запас картофеля, после хлеба самый существенный продукт

питания, после первого мороза пришлось выбросить. Это большая непоправимая брешь в средствах нашего существования. Впредь мы принуждены уменьшить рацион до 150 грамм хлеба или 100 грамм муки или пшена.

В нашем отряде, и особенно в моей секции — палатка английской миссии, — обязанности каждого её обитателя строго определены.

По прибытии на место ночлега общими усилиями ставится палатка. Затем каждый из нас по очереди готовит тесто, делает лепёшки и последние выпекает на полу костра. Операция длительная, в конечном результате которой мы делаем недопечённые лепёшки.

На Иване, вестовом капитана Зипалова, лежит специальная обязанность — варка пшённой каши. Он варит её в каком-то странного вида сосуде, похожем не то на ведро сильно помятое, не то на рукомоиник, у которого сломана ручка, и тоже помятый. Несчастье в том, что всякий раз, что Иван варит кашу, она у него неизменно подгорает... Будем надеяться, что к приходу в Форт Александровский Иван научится варить кашу без загара.

В тёмное время суток мы, как было уже сказано, также по очереди выполняем обязанности часовых по охране бивуака, сменяемых каждые два часа, а при сильном холоде — каждый час. В борьбе с желанием спать эти два часа и даже один час кажутся вечностью.

В памятную ночь форсирования Волчьего Воя майор О'Брайен обморозил себе обе руки до локтей, сделавшись, таким образом, сто-процентным инвалидом. Это непонятно и неожиданно, так как майор одет лучше, чем кто-либо из нас, в великолепную сибирскую доху, которая спасает сибиряков от холода в 40–45 [градусов мороза]!

9 февраля 1920 года. Бивуак

Переход 8 февраля надо считать самым успешным из всех сделанных до сих пор — 40 вёрст.

Неизменно всё то же белое бесконечное плоскогорье Усть-Урта, сугробы поперёк дороги и от времени до времени замёрзшие люди по сторонам дороги... Это всё, на чём мог остановиться взор.

Погода заметно становится мягче и теплее.

По словам Джам Бая, мы находимся недалеко от очень трудного спуска в долину, где мы найдём всё, для нас необходимое — аулы, жителей, продовольствие... Наши дамы, пренебрегая «трудностью спуска», пред-

ставляют себе джамбайскую долину как обетованную землю, как долину, где розы цветут. Надежды, пусть даже иллюзорные, скрашивают жизнь.

13 февраля 1920 года. Бивуак Кара-Су³⁷

Прошли четыре дня.

Путешественнику по закаспийским степям надо иметь в виду, что его и киргизские представления о том, что «близко» и что далеко, весьма различны. Киргиз — дитя простора и необъятных пространств, и поэтому часто то, что киргиз считает близким, для нас оказывается очень отдалённым.

Потребовалось четыре перехода, чтобы дойти до «недалёкого», по мнению Джам Бая, спуска в «долину благополучий». Теперь всё ясно: «недалеко» оказалось 4 дня пути, а под тем, что Джам Бай называл долиной, надлежало разуместь залив Кара-Су. Так или иначе, это мы будем видеть ниже, до обетованной земли мы дошли и теперь бивуакируем на берегу Чёрных Вод, то есть Кара-Су.

Я опускаю описание местности, которую прошёл отряд в эти 4 дня. Иначе я должен был бы повторить дословно всё то, что уже было сказано о виденном в дни, им предшествовавшие...

Это было третьего дня. Наскучив медленным, невыразимо томительным движением нашего жалкого каравана, вдвоём, я и капитан Седдон, мы покинули бивуак ранее выступления отряда и ушли вперёд. Пройдя несколько вёрст, впереди нас и несколько левее нашей дороги мы увидели маленький дымок. Совершенно неожиданное видение среди степи, лишённой жизни! Подойдя ближе, мы обнаружили бивуак, покинутый каким-то отрядом, оставившим на бивуаке три трупа замёрзших людей. Но не это плачевное зрелище, которое мы видели не в первый раз, поразило нас: на этом покинутом бивуаке кроме мёртвых людей был живой, или, лучше сказать, полуживой человек. Стоя на коленях, он раздувал жалкий костерок из маленьких кусочков саксаула. На огне стояла жестяная коробка с водой. Происхождение «маленького дымка» стало для нас ясным.

При нашем приближении к стоявшему на коленях человеку последний поднял голову, посмотрел на нас мутными, потухающими глазами, опустил голову снова и продолжил своё занятие, желая как будто показать нам, что только в согревании воды есть смысл и значение, что весь окружающий его мир для него не существует.

³⁷ Кара-Су — залив Кайдак.

На наши вопросы человек отвечал с трудом и неохотно. Тем не менее, от него мы узнали, что он казак 1-го Уральского полка, что он и три его однополчанина, все с отмороженными ногами, были вчера оставлены полком на бивуаке. Два из них умерли от холода, застыли, а третий покончил жизнь выстрелом из винтовки. «Я, — сказал нам умирающий уралец, — перед смертью хочу выпить тёплой воды». Произнеся эти слова, казак тяжело лёг, вероятно, затем, чтобы больше не встать...

Вероятно, мы до конца наших дней будем помнить маленький дымок влево от дороги...

Вчера, несмотря на сильный, по счастью, благоприятного для нас направления ветер, отряд снялся с бивуака в 8 часов утра и к полудню подошёл к спуску с Усть-Урта на побережье Кара-Су. К этому времени ветер, постепенно усиливаясь, перешёл в ураган, дувший теперь во всех, можно сказать, направлениях. Тучи снега и песка, гонимые ураганом, не позволяли временами различать предметы, в десяти шагах от вас находящиеся.

Плато Усть-Урт с высоты 300–400 метров круто, местами отвесно, ниспадает к побережью Кара-Су, оставляя между берегом и подножием его скал узкую песчаную полосу в $1\frac{1}{2}$ –2 версты шириной. По этой полосе проходит прибрежная дорога.

Спуск к заливу особенно труден в средней его части вследствие крутизны и извилистости дороги.

К наступлению темноты только первые два отделения отряда успели сойти на берег; остальные три застряли где-то в горах.

Всю ночь свирепствовал ураган, ни на минуту не ослабевая.

Что происходило с частью отряда, оставшейся на ночь в горах, мы не знали, но зато точно знали, что происходило в ту же ночь внизу, на берегу Кара-Су. Здесь нас засыпало песком. Казалось, что песчаные волны намерены поглотить передовую часть нашего отряда. Под напором ветра держаться на ногах не было никакой возможности. Только двигаясь на четвереньках можно было перемещаться, и то с большим трудом. Надо ли говорить о том, что ни палатки, ни кошары не могли быть поставлены.

Наши верблюды, как только мы сошли на берег, легли, легли не просто, а все как один повернувшись спинами к направлению ветра, вытянувшие шею по поверхности земли по направлению ветра. Мне кажется, что такое относительно направления ветра положение в песчаный буран верблюдов

принимает, чувствуя инстинктом опасность быть засыпанным песком и сознавая необходимость предохранить глаза от песка и гальки.

Всю ночь мы провели, тщетно стараясь найти какое-либо укрытие от ветра. Неописуемая по своему ужасу ночь. Это второй Волчий Вой, но только в обратном направлении — не снизу вверх, а сверху вниз.

К рассвету шторм стал ослабевать...

14 февраля 1920 года. Бивуак «лошадиной головы»

Великолепный, солнечный, почти летний день! 22° выше нуля!

Этому трудно верить, но тем не менее это несомненный факт.

Но я предупреждаю события.

К вечеру 11 февраля часть отряда, потерянная в горах, успела сойти на берег и присоединиться к нам, потеряв при этом свалившийся в пропасть один из фургонов Владеса.

В ночь на 13-е февраля ураган прекратился совершенно.

Утром того же дня отряд смог наконец покинуть гиблое место и продолжать путь прибрежной дорогой ровной и лёгкой. Отряд двигался успешнее, чем это можно было предполагать.

Несколько ранее выступления отряда Джам Бай и два уральских казака были на разведке местных условий.

Впервые за весь долгий путь мы наблюдаем признаки жизни в природе закаспийских степей и Усть-Урта — это изредка пролетающие над нами стаи диких уток. Явление само по себе незначительное, но для нас показательное.

Сделав около 20 вёрст, мы нашли наших разведчиков, которые сообщили, что в 3–4 вёрстах впереди нас мы найдём воду, фураж и топливо. Всё это оказалось верным.

К вечеру 13-го отряд стал на бивуак. После короткого оживления, когда путешественники готовили себе ужин, бивуак был объят глубоким сном...

Предполагал ли кто-либо из этих путешественников, что, проснувшись, он увидит летнее утро и последующий за утром день?

О них я хочу сказать несколько слов.

Полдень. Наш бивуак расположен около огромной скалы, Бог весть когда свалившейся с Усть-Урта на берег Кара-Су. Эта скала имеет забавное сходство с лошадиной головой.

Необыкновенная прозрачность воздуха. Безоблачное тёмно-синее небо и такая же поверхность залива Кара-Су. Грязно-желтоватый цвет

явно видимых возвышенностей противоположного берега залива не гармонировал с цветом воды и неба. 22° тепла!

Полдюжины костров дымились в разных местах бивуака, причём дым в неподвижном воздухе подымался почти вертикально.

Два трупя каких-то неизвестных замёрзших людей валялись тут же, в расположении лагеря, никого не смущая своим видом. Такое зрелище стало для нас привычным.

Всё население бивуака занято туалетом, существенная часть которого состояла в ожесточённой борьбе с насекомыми при посредстве огня и дыма от костров...

Такую трогательную, казалось бы, совершенно невероятную идиллию можно было наблюдать 14 февраля 1920 года на восточном побережье Каспийского моря и залива Кара-Су.

15 февраля 1920 года. Бивуак Кара-Тау

Надолго останется в памяти каждого из нас гостеприимный бивуак у «лошадиной головы», который мы покинули сегодня утром.

14 февраля мне представляется кризисом тяжёлой болезни, каким-то бледным, но дающим надежду на лучшее лучом света, проникшим в до сих пор непроницаемую тьму.

К полудню отряд подошёл к южной оконечности залива Кара-Су.

Впереди нас, в небольшом удалении от нас, открывался гористый район, который наши проводники называют Кара-Тау, что значит «Черые горы» и который составляет одно из ответвлений главного Мангишлакского хребта. Вступив в этот район и пройдя десяток вёрст, мы встретили колодцы, около которых отряд стал на ночлег. Это было около 4 часа пополудни.

Трудно описать наше удивление и в то же время нашу радость, когда, скоро по прибытии отряда на бивуак, к нам пришли несколько киргиз, предлагая купить у них баранину, хлеб, овечий сыр. Долго мы не могли верить тому, что перед нами теперь не те люди, кто в борьбе со стихией погиб от холода и голода и кто в этой борьбе утратил человеческий образ, а настоящие, живые люди.

Это неожиданное событие не исчерпывает полностью наше благополучие: от киргиз, нас навестивших, мы узнали, что недалеко, в 3–4 вёрстах, находится этап, который был выслан из Форта Александровского для оказания помощи воинским отрядам и беженцам Уральского войска. «Лучше поздно, чем никогда».

Для проверки сведений, полученных от киргиза, был послан Мукаш с двумя казаками. Разведчики скоро вернулись с масличной веткой³⁸ в образе хлеба и мяса, которыми они были снабжены начальником этапа, действительно существующего.

В первый раз за 45 дней, дней лишений, борьбы и сверхчеловеческих усилий мы, если можно так выразиться, робко начинаем верить в то, что до места назначения мы дойдём.

В памяти каждого из членов русско-британского отряда 15-е февраля 1920 года останется незабываемым днём.

От первого этапа до Форта Александровского

15–24 февраля 1920 года

15 февраля 1920 года было, как мы видели, критическим, поворотным моментом в судьбе моего отряда.

В описании последующих за этой датой десяти дней пути, приведшего нас к конечной цели — форту, я ограничусь несколькими эпизодами, что, я думаю, даст описанию бедствий, постигших уральцев, должную законченность.

16-го февраля около десяти часов утра отряд был на этапе. Здесь мы были радушно встречены, накормлены, согреты, снабжены продовольствием на несколько дней.

Впредь до прибытия в форт переходы отряда выполнялись если не в нормальных, то, во всяком случае, терпимых условиях. Впредь ни снежные и песчаные ураганы, ни вид замёрзших людей, ни поиски топлива и фуража не отравляли больше нашего существования.

После дневного отдыха на этапе отряд продолжал движение, изменив южное направление последнего на западное, через мрачный, гористый, своеобразно красивый район Кара-Тау. К полудню 19-го числа отряд спустился в долину горного потока Джармыша. Здесь, в большом ауле того же названия, мы встретили второй этап полковника Сидоровнина — моего сослуживца по 1-му уральскому корпусу. В ноябре прошлого года полковник Сидоровнин по болезни был эвакуирован в Форт Александровский. Прошло только три месяца с тех пор, как я видел полковника

³⁸ Масличная (оливковая) ветвь с древнейших времен являлась символом мира и миролюбия.

Сидоровнина последний раз. Теперь мне казалось, что до встречи с ним в Джармыше прошли года...

Джармыш

Аул Джармыш, включительно, заканчивает собою длинный ряд ужасов, виденных и испытанных на пути Прорва — этап полковника Сидоровнина. В этом ряду Джармыш занимает не последнее место.

Полдюжины полутемных, неопишимо грязных и скверно пахнувших киргизских глинобитных хижин-саклей, набитых до предела их вместимости больными людьми, главным образом, обмороженными и гангренозными — всё это представилось моему воображению каким-то чудовищным депо, где вместо брёвен были сложены полуживые, полумёртвые и даже совсем мёртвые люди.

Медицинский персонал этапа — один фельдшер, две сестры и три санитаря, при почти полном отсутствии перевязочных средств не мог, конечно, обслуживать сотни больных. Их только кормили. В остальном они были предоставлены судьбе и самим себе. Ежедневно хоронили 8–10 человек. Людей, не утративших окончательно способности передвигаться, эвакуировали на верблюдах в Форт Александровский.

Так отразился Кизил-Джарский буран при 22° холода на этапе полковника Сидоровнина в Джармыше.

До форта остаётся 100 вёрст.

Покинув второй этап утром 21 февраля, отряд к вечеру 23-го числа пришёл на последний бивуак в 20-ти вёрстах от Форта Александровского — конечного пункта отрядного пути.

«Бирбешмек»

Накануне прихода отряда на последней бивуак, то есть 22 февраля, в палатке моего отделения имело место событие экстраординарное. Наши гиды Мукаш и Джам Бай предложили угостить наших друзей по несчастью — англичан, — киргизским национальным блюдом.

С вечера и до поздней ночи в киргизском отделении отряда приготовление национального блюда сопровождалось таким гвалтом и такими криками, что можно было предполагать ссору, если не драку. Несколько костров освещали эту, по-видимому, священную операцию.

Весь лагерь, за исключением нас и киргиз, был погружен в глубокий сон, когда, наконец, процессия в составе Джам Бая, Мукаша и двух

других киргиз появилась у входа нашей палатки с готовым национальным блюдом, вернее, несколькими блюдами, от которых исходила туча пара, наполнившая палатку до той степени, что некоторое время за туманом мы не видели киргиз, а киргизы не видели нас. Но туман скоро рассеялся и наше долгое ожидание и терпение были щедро вознаграждены великолепным ужином, в меню которого входили два основных блюда: «палау» и «бирбешмек», приготовленные из риса и баранины специально киргизским способом. «Бирбешмек» значит «пять пальчиков»³⁹.

Пока мы ужинали, что длилось значительное время и далеко за полночь, киргизы, сидя на корточках, смотрели на нас с таким выражением почтения на лицах, что можно было думать, что мы не просто ели, а совершали какое-то священнодействие.

Гармония пиршества была несколько нарушена видом одного из сосудов, подобия кастрюли, очень специального назначения... Но один и тот же предмет может под разными широтами иметь разные применения, часто прямо противоположные.

На последние сотни вёрст пути от этапа полковника Сидоровнина до последнего бивуака, где мы находимся, отряд понёс большие потери. Умерли казак Жеребков, радиотелеграфист Борисоглебовский, инженер Инто-Апио, жена директора нефтяного общества Владеса и один старый уралец-казак, которого весь отряд знал под именем Ефимыча.

О последнем — несколько слов.

Ефимыч — бывший денщик полковника Мизинова, убитого в бою под Уральском в июне прошлого года. Понеся эту утрату, Ефимыч не покинул осиротевшую семью полковника Мизинова — жену и двух детей. Весь тяжёлый путь от Гурьева до бивуака, где его подстерегала смерть, я наблюдал, с каким самопожертвованием он заботился о вдове Мизиновой и её детях.

Утром 22 февраля Ефимыча нашли мёртвым под кошмой у входа в палатку наших дам. Не часто, но всё же встречаются удивительные люди, люди, которые всю свою жизнь заботятся о других скромно

³⁹ По всей видимости, речь идет о традиционном мясо-мучном блюде тюркоязычных народов бешбармаке (бишбармак, бесбармак), которое готовится, как правило, по случаю семейных праздников или приема дорогих гостей. Слово «бешбармак» (образованное из «беш» и «бармак») в переводе с киргизского языка означает «пять пальцев», «пятерня». По наиболее распространённой версии название блюда возникло от способа его употребления руками.

и бескорыстно, оставляя личные интересы на втором плане, считая, что так должно быть и не может быть иначе. Таков был наш бедный старый Ефимыч.

Он умер так же просто и спокойно, как жил: уснул вечером и не проснулся утром...

23 февраля. Отряд бивуакирует в 20 вёрстах от Форта Александровского — конечной цели. Это 38-й бивуак после Гурьева, 28-й после Прорвы и последний перед Фортотом...

24 февраля. Слегка туманное, тёплое утро. Не без чувства большого облегчения в это утро отряд покинул последний бивуак. К 10-ти часам туман рассеялся и весеннее солнце осветило последние вёрсты многострадального, длинного пути, в котором уральский народ искал, но не нашёл спасение.

24 февраля 1920 года точно в полдень головное отделение русско-британского отряда вошло в Форт Александровский.

За несколько часов до этого события случилось другое: жена полковника Попова благополучно разрешилось от бремени, произведя на свет младенца, не знаю, мальчика или девочку. Так или иначе, мы не только теряем, но и приобретаем.

Последний акт уральской драмы закончен.

25 февраля 1920 года. Я с трудом допускаю, что кроме степей, плоскогорий, лишённых жизни, что кроме буранов, холода и замёрзших людей существуют нормальные условия человеческого существования.

Верно ли то, что я нахожусь в тёплой комнате, а не в палатке первого отделения отряда? Верно ли и то, что я избавился от невообразимой грязи и египетской казни — вшей? Верно ли, наконец, и то, что завтра, если не сегодня, мы должны идти куда-то дальше после неизменно *burned Ivan's kasha*?⁴⁰ Надеюсь, всё же, что мои сомнения — продукт моего больного воображения.

Русско-британский отряд прибыл в Форт Александровский на 55-й день по выходе из Гурьева, потеряв в пути 16 из 62 человек первоначального состава отряда, иначе говоря, отряд оставил четвертую часть своих членов на восьмивёрстном пути от Гурьева до Форта.

Что можно сказать о числе людей, оставшихся на пути смерти от Гурьева до Форта? Вопрос, на который ответить трудно.

⁴⁰ Англ. — подгоревшей каши Ивана.

Если русско-британский отряд, организованный, обеспеченный двадцатидневным запасом продовольствия, потерял четвертую часть своих людей, то какие обоснованные предложения могут быть сделаны относительно судьбы неодоленной и голодной массы людей, бросившейся в пространство в стихийном порядке?

Единственной несомненной данной, позволяющей судить о размерах уральской катастрофы, надо считать, с большим приближением, тот факт, что впереди отступающей армии уходили «выкочевавшие», оставляя за собою опустевшие станицы, число которых выражается полусотней, если не больше.

Я не решаюсь приводить здесь цифровые данные потерь, данные, основанные на моих личных наблюдениях и впечатлениях, из опасения ошибиться. Но несомненно то, что эти потери несообразно, абсурдно велики.

Прибытием русско-британского отряда в Форт я заканчиваю мою печальную повесть.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На протяжении шести месяцев, то есть за лето и осень 1919 года, погибли три армии, боровшиеся с большевизмом. В их числе — Уральская, уступавшая двум другим численно, но равная им по доблести.

Великие державы и их правительства и вожди не понимали, или не хотели понимать, что не оказывая белому движению действительной помощи, они рубили ветку, на которой сидели, не понимали и того, что в спасении России скрыты их собственные и что, быть может, недалёк час расплаты дорогой ценой за двойственность и лицемерие политической игры, приведшей к гибели антибольшевистских армий.

Уральское войско жертвенно выполнило свой долг перед Родиной ценою собственной жизни и своей армии.

Кладбища Кизил-Джара и Куй-Тюля, мёртвую с мёртвыми долину Ак-Булака, освещённую мёртвым светом Луны, «долину роз», засыпанную снегом и песком, видит Господь Бог!

Конец

*Июнь 1921 года
Константинополь*

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Александров Гай — село, расположенное на берегах реки Большой Узень, в 46 км юго-восточнее города Новоузенск. В настоящее время административный центр и крупнейший населённый пункт Александрово-Гайского района Саратовской области.

Антонов (Антоновский форпост, посёлок Антоновский, Антоново (до 1994 г.) — посёлок станицы Сахарновской, располагавшийся на правом берегу реки Урала и входивший во 2-й Лбищенский военный отдел Уральского казачьего войска. В настоящее время село Атамекен в Акжайкском районе Западно-Казахстанской области Казахстана.

Баксайский (Баксаевская крепость, Баксаевский посёлок) — населённый пункт, входивший в 3-й Гурьевский военный отдел Уральского казачьего войска. В настоящее время — посёлок Актогай в Аягосском районе Восточно-Казахстанской области Казахстана. Крупный железнодорожный узел на линии Туркестано-Сибирской магистрали.

Барановский (Барановская станица, Барановский посёлок, Барановка (до 1994 г.) — посёлок, входивший во 2-й Лбищенский военный отдел Уральского казачьего войска. В настоящее время село Самал в Акжайкском районе Западно-Казахстанской области Казахстана.

Богатский (Богатинский хутор, Богатский посёлок, Богатск, Багатск) — посёлок, располагавшийся на правом берегу реки Урал (протока Старый Урал) и входивший во 2-й Лбищенский военный отдел Уральского казачьего войска. В настоящее время село Богатск в Байтерекском (до 2019 — Зеленовский) районе Западно-Казахстанской области Казахстана.

Бударин (Бударинский форпост, Бударин, станица Бударинская, Бударино) — населённый пункт, находившийся на правом берегу реки Урал и входивший во 2-й Лбищенский военный отдел Уральского казачьего войска. По преданию, своё название станица получила от будары (рыболовной лодки), которая полная деньгами была зарыта в одном из ближайших оврагов. Многочисленные попытки найти эту будару успехом не увенчались. Известен тем, что 17 (28) сентября 1773 года с Бударинского форпоста начался поход яицких казаков под предводительством Емельяна Пугачёва на Яицкий городок (г. Уральск), что послужило

началом Крестьянской войны в России 1773–1775 годов. В настоящее время село Бударино в Акжайкском районе Западно-Казахстанской области Казахстана.

Бузулук — город в Оренбургской области России и одноимённая железнодорожная станция Южно-Уральской дороги. До 1934 года город входил в состав Самарской губернии и Средневолжской области.

Генварцевская (Генварцевский форпост, Генварцевская станица, Январцевский посёлок, Январцево) — населённый пункт, располагавшийся на правом берегу реки Урал и входивший в 1-й Уральский военный округ Уральского казачьего войска. В настоящее время — село Январцево в Байтерекском (до 2019 г. — Зеленовский) районе Западно-Казахстанской области Казахстана.

Горский (Горская крепость, станица Горская, посёлок Горский, Горы (до 1993 г.) — посёлок, располагавшийся на правом берегу реки Урал и входивший в 3-й Гурьевский военный отдел Уральского казачьего войска. В настоящее время аул Аккала в Индерском районе Атырауской области Казахстана.

Горячинский (Горячинский форпост, Горячинская станица, Горячинский посёлок, Горячино (до 2007 г.) — посёлок, располагавшийся на правом берегу реки Урал и входивший во 2-й Лбищенский военный отдел Уральского казачьего войска. В настоящее время село Мойылды в Акжайкском районе Западно-Казахстанской области Казахстана.

Гурьев (с середины XVII в. назывался Нижний Яицкий городок или Усть-Яицкий городок, с XIX в. — Гурьевский городок, позднее просто Гурьев) — город, основанный на месте деревянного острога, построенного в 1640 году русским купцом Гурием Назаровым. Располагается в устье реки Урала (Яика) при впадении в Каспийское море. Позднее острог перешёл под власть Яицкого казачьего войска. В 1647–1648 годах по царскому указу, город был возведён из камня. В настоящее время — город Атырау (переименован в 1991 г.), административный центр Атырауской области Республики Казахстан.

Джамбейтинская Ставка (посёлок Джамбейты, Джамбейта) — населённый пункт, расположенный в 100 км восточнее Лбищенска, важная опорная база белых войск в Уральских степях. Посёлок был основан в конце XIX века в связи с образованием одноимённого уезда. К началу XX века Джамбейты — крупный торговый посёлок, насчитывающий не

менее 2500 жителей, и удалённая застава Уральского казачьего войска, в котором была расквартирована казачья сотня. В настоящее время село Жымпиты (переименован в 1992 году) в Казахстане, административный центр Сырымского района Западно-Казахстанской области.

Джармыш — небольшой киргизский аул на полуострове Мангышлак.

Екатеринодар (с 1920 года — Краснодар) — город на юго-западе России, расположенный на правом берегу реки Кубани. Основан в 1792 году как крепость под названием Екатеринодар, в честь тезоименитства императрицы Екатерины II. Название крепости было изначально употреблено в его прямом значении — «дар Екатерины»: город был заложен на земле, пожалованной Екатериной II Черноморскому казачьему войску. В настоящее время — крупный экономический и культурный центр Северного Кавказа и Южного федерального округа Российской Федерации.

Жилая коса — посёлок, в XIX — середине XX-го века один из крупнейших центров рыбного промысла в северо-восточной части Каспия, где добывалась и обрабатывалась красная (осетровые) и чёрная (частиковые — судак, жерех, лещ и т. д.) рыбы. Имел пароходное сообщение с Астраханью и Гурьевым. Упомянут в множестве источников, касающихся жизни и промыслов Уральской области. В 1960-х годах посёлок исчезает с карт России.

Зелёная (Зеленовский хутор, станица Зелёная, посёлок Зелёный, Зелёное) — населённый пункт, располагавшийся на реке Деркул. В настоящее время — село Зелёное в Зеленовском районе Западно-Казахстанской области Казахстана.

Кайдак — узкий и длинный мелководный залив на восточном берегу Каспийского моря на территории современного Казахстана, составляющий продолжение Мёртвого Култука (залива Цесаревича) на юго-западе и ограничивающий с востока полуостров Бузачи.

Калёновский (Калёновский форпост, Калёновский посёлок, станица Калёновская, село Калёное (до 2006 г.) — населённый пункт, находившийся на правом берегу реки Яик (Урал) и входивший во 2-й Лбищенский военный отдел Уральского казачьего войска. С точки зрения административного деления, посёлок в разное время относился к Калмыковскому, Лбищенскому и Джамбейтинскому уездам Уральской области. В настоя-

щее время село Акбулак в Акжайкском районе Западно-Казахстанской области Казахстана.

Калмыков — с 1887 года уездный город Уральской области. Находился на правом берегу реки Яик (в настоящее время — р. Урал) в 270 км от города Уральска. В 1899 году Калмыков потерял статус города. В настоящее время — село Тайпак в Западно-Казахстанской области Казахстана.

Карши (Каршевский, Каршинский форпост, Каршинский посёлок) — населённый пункт, располагавшийся между форпостом Мергеневским (к северу) и крепостью Сахарной (к югу) и входивший во 2-й Лбищенский военный отдел Уральского казачьего войска. В настоящее время фактически исчезнувшее село (в 2011 г. оставался один дом) в Акжайыкском районе Западно-Казахстанской области Казахстана.

Кирсановская (Кирсановский форпост, Кирсановская станица, Кирсаново) — станица, располагавшейся на правом берегу реки Урала и входившая в 1-й Уральский военный отдел Уральского казачьего войска. В настоящее время село Кирсаново в Байтерекском (до 2019 г. — Зеленовский) районе Западно-Казахстанской области Казахстана.

Кожехаровская (Кожехаровский форпост, Кожехаровская станица, Кожехаровский посёлок, Кожехарово (до 1993 г.) — населённый пункт, располагавшийся на правом берегу реки Урал и входивший во 2-й Лбищенский военный отдел Уральского казачьего войска. В настоящее время аул Жанабулак в Акжайкском районе Западно-Казахстанской области Казахстана.

Коктюбе (Коктобе — «Зелёный холм»; Кок-Тюбе) — гора, расположенная в юго-восточной части города Алма-Ата (Казахстан). В шестидесятых годах XX века носила название Веригина гора.

Кортон — небольшой киргизский аул, расположенный на берегу Каспийского моря.

Круглый (Кругловский форпост, посёлок Круглый) — посёлок станицы Калмыковской, располагавшийся между посёлками Антоново (ныне село Атамекен Западно-Казахстанской области Казахстана) на севере и Котельниково (Алмалы) на юге. Упразднён в советское время.

Лбищенск — посёлок, с 1899 года — уездный город Уральской области, в 130 км к югу от Уральска. На 1899 год в городе прожива-

ло 3400 жителей, из них 2100 казаков. В 1939 году был переименован в город Чапаев, в память легендарного красного комдива В. И. Чапаева, погибшего в 1919 году. В настоящее время село в Западно-Казахстанской области Казахстана, районный центр Акжайикского района.

Луков — хутор. В настоящее время село Луков Кордон Александрово-Гайского района Саратовской области.

Мергенев (Мергеневский форпост) — посёлок в Лбищенском (Чапаевском) районе Западно-Казахстанской области. В настоящее время село Мергеневе в Акжайикском районе Западно-Казахстанской области.

Мокрый — небольшой рыбацкий посёлок, располагавшийся на берегу Каспийского моря между городом Гурьев и посёлком Живая коса.

Новая Казанка (станция Новая Казанка, посёлок Новая Казанка) — посёлок, находившийся близ границы с Уральской областью. Возник в 1871 году. В настоящее время — село Жанаказан в Жангалинском районе Западно-Казахстанской области.

Озёрки (Озерский форпост, Озерский посёлок) — посёлок, основанный в 1810-е годы татарами (по другим данным — в 1819 году). В настоящее время село в Илекском районе Оренбургской области Российской Федерации.

Оренбург (с 26.12.1938 по 4.12.1957 — Чкалов) — один из крупнейших городов Южного Урала, основанный в 1743 году. Административный центр Оренбургской области России и Оренбургского района.

Петровск — посёлок (с 1780 г. — город), основанный по именному указу Петра I в 1698 году для охраны края от набегов крымских татар. Расположен на Приволжской возвышенности, на берегах реки Медведица, в 104 км к северо-западу от Саратова. В настоящее время — административный центр Петровского района Саратовской области.

Печные острова (Пешные острова) — шесть островов в северной части Каспийского моря, напротив устья реки Урал. Административно находятся в Атырауской области Казахстана.

Прорва — казачий рыболовный промысловый посёлок, располагавшийся в северо-восточной части Каспийского моря к югу от посёлка Живая Коса.

Пузаткин — хутор, образованный уральским казаком Пузаткиным и располагавшийся на землях станицы Красновской. Упоминается в документах XIX в.

Ракуша — крупный населённый пункт (станция), располагавшийся на северо-восточном побережье Каспийского моря, между городом Гурьевым и посёлком Живая коса. В нём располагалось здание Урало-Каспийского Нефтяного Общества и приёмники нефти. К Ракуше примыкал небольшой рабочий посёлок. В настоящее время село в Атырауской области Казахстана.

Редутская (Редутский форпост, станция Редутская, Редутский посёлок, Редут, Редуть (до 2006 г.) — населённый пункт, входивший в 3-й Гурьевский военный отдел Уральского казачьего войска. В настоящее время аул Талдыколь в Махамбетском районе Атырауской области Казахстана.

Рябов (хутор Рябовка, Рябовский) — населённый пункт, располагавшийся между реками Доном и Хопром на границе областей: Волгоградской, Ростовской и Воронежской. Основан в 1740 году казаками братьями Степаном и Николаем Рябовыми. В 1795 году в хуторе было 5 дворов с 42 жителями, а в 1837 году — 33 двора. Хутор входил в Зотовский юрт Хоперского округа области Войска Донского. В настоящее время — Рябовское сельское поселение Алексеевского муниципального района Волгоградской области

Сахарновская (станция Сахарная) — крепость Уральского казачьего войска, основанная в 1734 году. Располагалась в Калмыковском (переименованном в 1899 году в Лбищенский) уезде и отделе Уральской области в 185 км от города Уральска. К 1839 году — крепость (станичный посёлок) Сахарная насчитывала 84 двора, в которых проживало 476 лиц войскового сословия. В 1881 году крепость была преобразована в станцию. К 1915 году в ней насчитывалось 335 дворов, в которых проживало 1556 лиц войскового сословия и 198 иногородних.

Сарайчиковская (Сорочиковская крепость, Сарайчиковская станция, Сарайчик, Сарыйчик) — станция, входившая в 3-й Гурьевский военный отдел Уральского казачьего войска. В настоящее время село Старый Сарайчик в Махамбетском районе Атырауской области Республики Казахстан.

Саратовская губерния — административно-территориальная единица Российской империи, Российской республики, Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и Союза Советских Социалистических Республик. Существовала с 1797 по 1928 годы. Губернский город — Саратов. На западе граничила с Тамбовской и Воро-

нежской губерниями и Областью Войска Донского, на севере — с Пензенской и Симбирской губерниями, на востоке — с Самарской губернией, на юге — с Астраханской губернией.

Семиглавый Мар — железнодорожная станция в Уральском уезде. Своё название станция получила от меловой горы (мары), находившейся рядом и на которой, по преданию, Емельян Пугачев казнил семь войсковых старшин, отрубив им головы. В настоящее время — село Достык в Таскалинском районе Западно-Казахстанской области Казахстана.

Симбирская губерния (с 1924 года — Ульяновская губерния) — административно-территориальная единица Российской империи, Российской республики и РСФСР. Существовала с 1796 по 1928 годы. Губернский город — Симбирск (с 1924 года — Ульяновск). На севере граничила с Казанской губернией, на востоке с Волгой, отделяющей её от Самарской губернии (охватывая левый берег Волги только в двух местах: напротив Симбирска и в Сызрани), на юге — с Саратовской, на западе — Пензенской и Нижегородской губерниями.

Скворкино (Скворкинский форпост, станица Скворкинская (Скворинская), посёлок Скворкино) — населённый пункт, располагавшийся на правом берегу реки Урал (старица Старый Урал) и входивший во 2-й Лбищенский военный отдел Уральского казачьего войска. В настоящее время село Скворкино в Байтерекском (до 2019 г. — Зеленовский) районе Западно-Казахстанской области Казахстана.

Скоробогатов — хутор, находившийся в 4 км от станицы Филимоновской Троицкого уезда Оренбургской губернии (с 1919 г. — Челябинской губернии). В 1840 году всё население станицы Филимоновской было зачислено в казачье сословие 7-го полкового округа Оренбургского Казачьего войска.

Сламихинская (Сламихин хутор, Сламихинский посёлок, Сламихинская станица, Сломихино (до 1936 г.), Сламхино, Фурманово (с 1936 по 1993 гг.) — станица, располагавшаяся на реке Большой Узень и входившая во 2-й Лбищенский военный отдел Уральского казачьего войска. К началу XX века станица представляла собой богатое и людное селение. В ней проживало около 2,5 тыс. жителей, было две школы, церковь, телеграфное отделение и много лавок. В настоящее время — село Жалпактал в Казталовском районе Западно-Казахстанской области.

Тополинский (Тополинская крепость, Тополинский форпост, посёлок Тополи) — посёлок станицы Орловской, располагавшийся на правом берегу реки Урал. Входил в 3-й Гурьевский военный отдел Уральского казачьего войска. В настоящее время — село (аул) Отешкали Атамбаева в Махамбетском районе Атырауской области Казахстана.

Троицк — крепость (с 1784 года — город), основанная в 1743 году. Получила своё наименование по православному празднику дня Святой Троицы (Пятидесятницы), который приходился в тот год на 22 мая по старому стилю — дню освящения места закладки крепости. С 1804 года город находился в составе Оренбургской губернии (в настоящее время в Челябинской области России).

Туркестан (дословно — «Земля тюрков») — название заселённого тюркскими и другими народами историко-географического региона Центральной Евразии и Центральной Азии, широко употреблявшееся в XIX веке и начале XX века. Под именем «Туркестана» в Российской империи чаще всего подразумевали три области: Самаркандскую, Ферганскую и Сырдарьинскую. В современном российском политологическом дискурсе термин применяется в отношении четырёх постсоветских республик, входивших ранее в состав Российской империи: Казахстан, Киргизия, Туркмения и Узбекистан.

Форт Александровский — самое старое русское поселение в Закаспийской области, основанное в 1846 году, в виде укрепления Ново-Петровского, на Мангышлаке, у Тюбараганского мыса и залива Каспийского моря, и переименованное в Форт Александровский. В настоящее время город Форт-Шевченко в Казахстане, Мангышлакской области.

Уральск (Орал, до 1775 г. — Яицкий городок) — город, расположенный на правом берегу среднего течения реки Урал и на левом берегу нижнего течения реки Шаган. Официальной датой его основания считается 1613 год. В настоящее время — административный центр Западно-Казахстанской области.

Усть-Урт (Устюрт) — обширное плоскогорье, расположенное между Каспийским и Аральским морями.

Царицын (с 1925 года — Сталинград, с 1961 года — Волгоград) — город на юго-востоке европейской части России. Возник около 1555 года на острове близ левого берега Волги, но вскоре был перенесён на мыс

правого берега при впадении в Волгу реки Царицы, по которой и получил название. В настоящее время — город Волгоград, административный центр Волгоградской области. Город-герой.

Чуваши́нское (Чуваши́нское) — село, располагавшееся на берегу реки Чаган и входивший в 1-й Уральский военный отдел Уральского казачьего войска. В настоящее время село в Зеленовском районе Западно-Казахстанской области Казахстана.

Шипово — железнодорожная станция, построенная в 1894 году при строительстве линии Покровская Слобода — Уральск Рязано-Уральской железной дороги. Станция была названа в честь бывшего наказного атамана Уральского казачьего войска Н. Н. Шипова. В настоящее время расположена в Таскалинском районе Западно-Казахстанской области.

Юлаево (хутор Юлаев, село Юлаево до 1993 г.) — населённый пункт в Уральском казачьем войске, располагавшийся к западу от посёлка Горячинский. Возник из хутора, основанного казаками Юлаевыми (хутор относился к Мергеневской станице). В настоящее время село Жолап в Акжайкском районе Западно-Казахстанской области Казахстана.

Янайкинский (станция Янайкинская, посёлок Янайкинский, Янайкино) — посёлок, располагавшийся на правом берегу реки Урал (протока Старый Урал) и входивший во 2-й Лбищенский военный отдел Уральского казачьего войска. В настоящее время село Янайкино в Байтерекском районе Западно-Казахстанской области Казахстана.

Яманхалинская (Яманхалинский форпост, Яманхалинская станция, село Яманхалинка (до 1963 г.) — станция, располагавшаяся на правом берегу реки Яик (Урал) и входившая в 3-й Гурьевский военный отдел Уральского казачьего войска. В настоящее время село Махамбет, административный центр Махамбетского района Атырауской области Казахстан.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Акулинин Иван Григорьевич, Генерального штаба генерал-майор. Родился 12 (24) января 1880 года в посёлке Урлядинский, станицы Карагайской, 2-го (Верхнеуральского) отдела Оренбургского казачьего войска. Потомственный оренбургский казак. Окончил Верхнеуральское городское и Оренбургское казачье юнкерское училища. Участвовал Русско-японской войне в составе 4-го Сибирского казачьего полка. В 1913 году окончил Академию Генерального штаба по 1-му разряду, с причислением к Генеральному штабу. Участвовал в Первой мировой войне, старший адъютант Штаба 3-й Донской казачьей дивизии. Был награждён Георгиевским оружием, а за бои близ Сандецы был удостоен ордена Святого Георгия 4-й степени. После войны служил в Главном управлении Генерального штаба, преподавал тактику во Владимирском военном училище и Пажеском корпусе. Был членом георгиевской думы. Принимал участие в межсоюзной конференции Антанты, получил французский Орден Почётного легиона. Был произведён в полковники. После Октябрьской революции был заместителем войскового атамана А. И. Дутова в войсковом правительстве, занимал пост главного начальника Оренбургского военного округа, командовал 2-м Оренбургским казачьим корпусом Отдельной Оренбургской армии, 1-м Оренбургским казачьим корпусом в составе Южной армии. Генерал-майор (с 1 октября 1918 г.). В конце ноября 1919 года во главе оренбургских казаков эвакуировался в армию генерала Деникина на Кавказ. После отступления ВСЮР и Новороссийской эвакуации, в марте 1920 года с оренбургскими казаками ушёл в Грузию, а впоследствии был перевезён в Крым, в Русскую Армию генерала Врангеля. После поражения Белой армии эвакуировался в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев. 6 мая 1923 года Организационным собранием Оренбургских казаков был избран Войсковым атаманом зарубежных оренбургских казаков. Автор мемуарно-исследовательских работ об истории Белого движения в Оренбургском крае, работ по истории присоединения Сибири к Русскому государству. Умер в Париже 26 ноября 1944 года и был похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Аракелов Арзас, военный лётчик, поручик. С 14 ноября 1918 года был прикомандирован к Авиационному парку Добровольческой ар-

мии. С 28 апреля по 4 июня 1919 год в составе 2 взвода Офицерской Строевой Авиационной роты воевал на Манычском фронте. С 7 июня 1919 года — лётчик 10 авиаотряда Добровольческой армии (в составе Уральской армии). В сентябре 1919 года выполнял разведывательные полёты при проведении Лбищенской операции. С 1 апреля 1920 года был зачислен в резерв лётчиков при Управлении Начальника Авиации ВСЮР. 15 апреля 1920 года был уволен от службы «как уроженец Закавказья, для поступления на службу в армию Армении». По сообщению «Вестника Воздушного Флота» № 8–9 за 1921 год, группа Уральских лётчиков, в том числе поручик Аракелов, «...нагрузив несколько подвод, двинулись пешком в степи». Его дальнейшая судьба не известна.

Белов Пётр Андреевич (Генрих Альфредович Виттенкопф), генерал-майор. Родился 22 апреля 1881 года в Курляндской губернии Российской империи. Окончил частную классическую гимназию, Виленское юнкерское училище, Императорскую Николаевскую военную академию и Академию Генерального штаба. С 1899 года служил вольноопределяющимся. В 1902 году был произведён в подпоручики. Участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах. Командовал ротой, служил обер-офицером для поручений при штабе Риго-Шавельского отряда, переименованного впоследствии в 26-й армейский корпус, старшим адъютантом штаба 6-й кавалерийской дивизии, штаб-офицером для поручений при штабе 38-го армейского корпуса, начальником штаба 170-й пехотной дивизии, старшим адъютантом штаба 3-й армии. 6 декабря 1917 года был произведён в полковники. Был ранен и награждён 4 орденами. 28 февраля 1918 года был уволен из армии. Участвовал в Гражданской войне. Со 2 по 12 июня 1918 года служил начальником штаба Омского военного округа, с 13 июня по 15 ноября 1918 года — начальником штаба Сибирской армии. У адмирала А. В. Колчака возглавлял штаб Русской армии, позднее служил начальником штаба и временно командующим Сводным (5-м) Стерлитамакским корпусом. С конца марта по июнь 1919 года командовал Южной группой войск Западной армии; с июня по октябрь 1919 года — командующий Южной армией. После расформирования управления Южной армии 18 сентября 1919 года был переведён в распоряжение Верховного главнокомандующего адмирала А. В. Колчака. С октября 1919 года — помощник военного министра по мобилизационно-организационной части, 28 октября руководил эвакуацией города Омска. В 1920 году попал в плен под Красноярском к красным и был расстрелян.

Бородин Николай Николаевич, генерал-майор. Родился 2 декабря 1878 года в семье небогатого уральского казака в станице Глиненской, 2-го (Лбищенского) военного отдела Уральского казачьего войска. Участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах. В 1916 году был награждён Георгиевским оружием. В период Гражданской войны в России воевал в составе Уральской армии, командовал дивизией. В сентябре 1919 года, во время ночного рейда на город Лбищенск был начальником штаба Сводного отряда полковника Т. И. Сладкова. В бою получил смертельное ранение и 5 сентября был похоронен в посёлке Калёный Уральской области. Приказом по Уральской Армии № 639 от 8 сентября был посмертно произведён в генерал-майоры.

Барон Врангель Пётр Николаевич. Родился 27 августа (15 августа по старому стилю) 1878 года в Новалександровске, Ковенской губернии Российской империи (ныне Зарасай, Литва). Из рода прибалтийских немецких дворян. Окончил Ростовское техническое училище и Горный институт в Санкт-Петербурге. В 1902 году, после окончания Николаевской кавалерийской школы был произведён в офицеры запаса. Участвовал в Русско-японской войне. В 1910 году окончил Николаевскую императорскую академию Генерального штаба и в 1911 году — Кавалерийскую офицерскую школу. Участвовал в Первой мировой войне, командовал кавалерийским эскадромом. Отличился во время Брусиловского наступления. Стал одним из первых русских офицеров, награждённых за войну орденом Святого Георгия 4-й степени. В декабре 1914 года был произведён в полковники и назначен командиром 1-го полка забайкальских казаков. В январе 1917 года был произведён в генерал-майоры. После окончания войны вышел в отставку. В августе 1918 года вступил в Добровольческую армию. В декабре 1918 года — начальник штаба Вооружённых сил Юга России, а с января 1919 года — командующий Кавказской добровольческой армией в составе ВСЮР. Генерал-лейтенант. В апреле 1920 года, после отставки главнокомандующего Добровольческой армии генерала Деникина возглавил белые войска в Крыму, сформировал «Русскую армию» и коалиционное правительство, которое попыталось провести радикальные реформы (включая земельную). После поражения Белой армии организовал массовую эвакуацию оставшихся воинских частей из Крыма. С 1922 года проживал в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Основал Российский Общевоинский союз. В сентябре 1927 года переехал в Брюссель (Бельгия), где работал горным инженером. 25 апреля

1928 года скоропостижно скончался и похоронен в Брюсселе. 6 октября 1929 года его останки были перезахоронены в русской церкви Святой Троицы в Белграде, в соответствии с его пожеланиями.

Горшков Владимир Георгиевич, полковник. Родился в 1880 году в семье полковника. Из дворян Уральского казачьего Войска. Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище и Казанский университет. Участник Русско-японской войны (1904–1905 гг.), младший офицер в 4-м Уральском казачьем полку, за отличия в боях против японцев получил чин сотника и 5 орденов. После войны из-за ссоры с начальством был долгое время без должности, состоя в запасе по Войску. С началом Первой мировой войны вернулся на службу и был назначен в 5-й Уральский казачий полк, за боевые отличия был награждён орденом. В июне 1917 года — член Всероссийского Общеказачьего съезда в Петрограде, с начала 1918 года — член Уральского Войскового правительства. Участник Гражданской войны, начальник передового разведывательного отряда на границе Войска со стороны Саратова. В июне 1918 года при обороне Уралья в чине подесаула состоял начальником штаба отряда полковника Н. В. Мизина, 27 июня 1918 года принял в командование Круглоозерновский полк «стариков». В сентябре — ноябре 1918 года — командир 7-го Уральского конного льготного полка Уральской армии. В ноябре 1918 года начальник «летучего» партизанского отряда армии. С марта 1919 года — командир 1-го, а затем 2-го Партизанского конного полка армии. В марте 1919 года за отличия в боях был произведён в есаулы и одновременно в войсковые старшины. С 23 августа (5 сентября) 1919 года — начальник 6-й Уральской конной дивизии. Полковник. Будучи отрезанным от основных сил армии, 17 января 1920 года сдался с остатками своей дивизии в плен красным частям на Бухарской стороне реки Урала. В конце января был расстрелян.

Деникин Антон Иванович, генерал-лейтенант. Родился 4 декабря 1872 года в г. Влоцлавске Варшавской губернии в семье майора пограничной стражи. Окончил Ловичское реальное училище, военно-училищный курс при Киевском пехотном юнкерском училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Был штаб-офицером для особых поручений при штабе 9-го и 8-го армейских корпусов. Исполнял должность начальника штаба бригады Заамурского округа отдельного корпуса Пограничной стражи, на-

чальника штаба Забайкальской казачьей дивизии генерала П. К. Ренненкампа и Уральско-Забайкальской казачьей дивизии (в составе отряда генерала Мищенко). Произведён в чин полковника — «за боевые отличия». Участвовал в Первой мировой войне. Занимал различные командные должности. 21 июня 1914 года был произведён в генерал-майоры, награждён несколькими орденами, Георгиевским оружием и Георгиевским оружием, украшенным бриллиантами. С 11 мая 1916 года — генерал-лейтенант. Главнокомандующий армиями Западного и Юго-Западного фронтов. С началом Гражданской войны — начальник 1-й Добровольческой дивизии, заместитель Командующего Добровольческой армией генерала Л. Г. Корнилова, Командующий и (после смерти генерала М. В. Алексева) Главнокомандующий Добровольческой армией. Главнокомандующий Вооружёнными силами Юга России (ВСЮР). В марте 1920 года передал свои полномочия генерал-лейтенанту барону П. Врангелю и выехал в Константинополь. В эмиграции проживал в Лондоне (Великобритания), Брюсселе (Бельгия), Будапеште (Венгрия), пригороде Парижа (Франция), США. Умер 7 августа 1947 года в больнице Мичиганского университета и был похоронен на кладбище в Детройте. В декабре 1952 года прах генерала Деникина был перезахоронен на Свято-Владимирском православном кладбище в Кансвилле, а октябре 2005 года — на кладбище Донского монастыря в Москве.

Донсков Виктор Иванович, войсковой старшина Уральского казачьего войска. С весны 1918 года — в Уральской армии на Восточном фронте. На 4 июня 1919 года — командир 1-го Уральского учебного конного полка, к ноябрю 1919 года — начальник школы прапорщиков Уральского казачьего войска. Полковник. В декабре 1919 года был взят в плен и в феврале 1920 года расстрелян в посёлке Прорва.

Емуранов Фёдор Яковлевич, полковник. Родился в 1876 году. Из казаков Уральского казачьего войска. Окончил Уральскую войсковую гимназию, Оренбургское казачье юнкерское училище. Участвовал в Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войнах. Кавалер Георгиевского оружия. В январе 1920 года был взят в плен красными. При этапировании умер.

Ерёмин Александр Михайлович, генерал-майор. Родился 21 августа 1872 года в семье уральских казаков. Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище, а затем Офицерскую стрелковую школу. Служил в конном полку Ураль-

ского казачьего войска, затем, в составе Киевского охранного отделения, начальником Охранного отделения г. Николаева и начальником Киевского охранного отделения. Отличался особой способностью к розыскной деятельности. В 1906 году был произведён в подполковники. В этом чине был приглашён в Департамент полиции в качестве руководителя одного из отделений Особого отдела. В последствии занимал руководящие должности в Отдельном корпусе жандармов и Департаменте полиции Российской империи. В декабре 1915 года был произведён в чин генерал-майора. В годы Гражданской войны находился в Белых войсках Восточного фронта. Занимал должность помощника начальника штаба Уральского казачьего войска, курировал вопросы разведки, контрразведки, пропаганды и связи. Возглавлял Управление генерал-квартирмейстера Уральской армии. Принимал участие в отходе остатков армии из Гурьева в Форт Александровский, а затем в походе из Форта Александровского в Персию. Умер в июне 1920 года от истощения, после болезни персидской малярией. Похоронен в г. Шахруд.

Кириллов Анатолий Петрович, полковник. Родился в 1885 году. Из дворян Уральского казачьего войска. Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище. На 1909 год — хорунжий кавалерии. Участвовал в Первой мировой войне. В годы Гражданской войны воевал в составе Уральской армии, начальник 1-й Учебной бригады, а затем — 1-й Учебной дивизии. Полный Михайловский кавалер (т. е. награждённый и крестом (орденом), и медалью Святого Архистратига Михаила, учреждёнными Уральским казачьим Войском). Был в эмиграции, в 1922 году вернулся в Россию. В 1924 году служил на Череповецком конном заводе. Некоторое время жил в Москве, а затем — в Уральске. Был репрессирован.

Колчак Александр Васильевич, адмирал, Верховный правитель России. Родился 16 ноября (4 ноября по старому стилю) 1874 года в Санкт-Петербурге в семье отставного генерал-майора морской артиллерии. Окончил Морской кадетский корпус и вступил в 7-й морской батальон. Служил во Владивостоке и Кронштадте. Участвовал в полярной экспедиции Эдуарда Толля на судне «Заря» в 1900 году в качестве гидролога, а также в двух арктических экспедициях по поиску пропавших исследователей. Участвовал в Русско-японской войне. Служил вахтенным офицером на крейсере «Аскольд», командовал эсминцем «Сердитый» и батальоном береговой артиллерии в Порт-Артуре. Четыре месяца находился

в японском плену. В апреле 1905 года был произведён в капитан-лейтенанты. Служил в Военно-морском генеральном штабе. Занимался научной деятельностью. Участвовал в Первой мировой войне. В августе 1916 года был произведён в вице-адмиралы и назначен командующим Черноморским флотом. После февральской революции 1917 года адмирал Колчак был командирован Временным правительством в США. После октябрьской революции прибыл в Омск и вошёл в состав Сибирского регионального правительства. В ноябре 1918 года Колчак был назначен Верховным правителем России и получил звание полного адмирала. 14 января 1920 года Колчак был предан левоэсеровским властям в Иркутске и 6 февраля 1920 года расстрелян большевиками.

Мамонов Пётр Петрович, генерал-майор. Родился 9 февраля 1869 года в станице Имеретинской Майкопского отдела Кубанской области. Окончил Ставропольское военное казачье училище, после окончания которого произведён в хорунжие 1-го Таманского полка. Участвовал в «китайском походе» (1900–1901 гг.), Русско-японской войне (1904–1905 гг.). Был награждён несколькими орденами. В 1910 году есаул Пётр Мамонов был переведён в 1-й Екатеринодарский полк, откуда через два года прикомандирован к Персидской казачьей Его Величества Шаха бригаде. Участвовал в Первой мировой войне, воевал на Кавказском фронте, в составе Русского Экспедиционного кавалерийского корпуса в Персии. В 1916 году был произведён в чин войскового старшины и награждён орденом Св. Анны 2 ст. с мечами. Во время Гражданской войны П. П. Мамонов, в чине полковника, командовал 1-м Кубанским Полтавским полком, затем 2-й бригадой 3-й Кубанской казачьей дивизии 2-го Кубанского казачьего корпуса генерала С. Г. Улагая. Проявил героизм при взятии станицы Великокняжеской. С июня 1919 года — генерал-майор и командир 3-й Кубанской казачьей дивизии (заменил раненного генерала Н. Г. Бабиева). После возвращения Н. Г. Бабиева из госпиталя возглавил 2-ю Кубанскую казачью дивизию. Погиб 27 сентября 1919 года в конной атаке под хутором Грачевским к северу от Царицына и был похоронен 2 октября 1919 года в усыпальнице Свято-Екатерининского собора Екатеринодара (Краснодар).

Мамонтов Константин Константинович, генерал-лейтенант. Родился 16 октября 1869 года в станице Нижне-Чирской области Войска Донского в семье офицера. Из дворян Минской губернии. Окончил Николаевский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище.

Служил в лейб-гвардии Конно-Гренадерском полку. 8 октября 1897 года произведён в подъесаулы. Дальнейшую службу проходил в 9-м, 14-м Донских казачьих полках, 1-м Читинском полку Забайкальского Казачьего Войска. Участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах. С апреля 1917 года — генерал-майор, командир бригады 6-й Донской казачьей дивизии. Участник Белого движения на юге России. Участник «Степного похода» генерала Попова. Командир конной группы Донской армии («Царицынская группа Мамонтова»). Генерал-лейтенант. Командир 4-го Сводного казачьего корпуса ВСЮР. Заболел тифом и 14 февраля 1920 года умер в Екатеринодаре.

Мизинов Николай Викторович, генерал-майор. Родился 20 января 1862 года. Из обер-офицерских детей Уральского казачьего войска. Общее образование получил в Уральской войсковой гимназии. В службу вступил 4 июля 1883 года. Окончил Оренбургское казачье юнкерское училище по 2-му разряду. В офицеры произведён в Уральскую учебную сотню. 24 января 1885 года произведён в чин хорунжего. На 1897 год — сотник 2-го Уральского казачьего полка, член комитета офицерского заёмного капитала. Подъесаул. С февраля 1909 года — войсковой старшина. Участвовал в Первой мировой войне. Командовал 6-м Уральским казачьим полком, был ранен. 31 января 1915 года произведён в полковники. Участник Белого движения на востоке России. В апреле 1918 года во время восстания уральских казаков возглавил отряд повстанцев. Командовал отрядом из пожилых казаков (Круглоозерновский, Скворкинский и Уральский полки). 10 июля 1918 года полковник Мизинов возглавил знаменитую «атаку стариков» на хутор Халилов. Отряд располагал лишь 120 винтовками, остальные казаки были вооружены шашками, пиками и пешнями. Несмотря на это, казаки-ветераны атаковали красные цепи и были рассеяны только подошедшими броневиками. Несмотря на неудачу, атака подняла моральное состояние в казачьих полках. В бою в районе станицы Круглоозерновской полковник Мизинов был тяжело ранен и скончался 16 июля 1918 года. Посмертно произведён в генерал-майоры. Похоронен на Братском кладбище г. Уральска.

Моторный Владимир Иванович, генерал-майор. Родился 20 февраля 1883 года в г. Казани в семье генерал-майора. Из дворян. Окончил 3-й Московский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Императорскую Николаевскую военную академию. Участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах. С июня 1917 года испол-

няющий дела начальника штаба Уральской льготной казачьей дивизии, подполковник. В период Гражданской войны — в составе Уральской отдельной армии: начальник штаба Шиповского фронта и группы войск, в чине полковника, а затем, с апреля 1919 года — начальник штаба Уральской отдельной армии. В марте 1920 года был произведён в чин генерал-майора. Принимал участие в отходе остатков Уральской армии из Гурьева в Форт Александровский, а затем, в походе с отрядом атамана В. С. Толстова в Персию. Во время перехода был взят в плен красными. Некоторое время находился в Бутырской тюрьме (Москва), затем был освобождён и направлен на преподавательскую работу в РККА. В январе 1931 года был арестован по делу «Весна», как руководитель готовившегося контрреволюционного восстания, приговорён к высшей мере наказания и в мае 1931 года расстрелян.

Назаров Николай Гаврилович, полковник Уральского казачьего войска. Родился 1 мая 1873 года. 14 мая 1896 года был произведён в хорунжие, 1 июля 1900 года — в сотники, 1 июля 1904 года — в подьесаулы. На 1 января 1909 года — начальник Темирской казачьей команды Уральского казачьего войска. Участник Первой мировой войны, подьесаул 2-го Уральского казачьего полка, командующий 2-й сотней. К 1915 году — есаул, в 1916 году — войсковой старшина и в 1917 году — полковник. В период Гражданской войны в Белых войсках Восточного фронта, в составе Уральской армии; на 6 апреля 1919 года — командир 2-го Гурьевского учебного пешего дивизиона. До эвакуации из Крыма находился в рядах ВСЮР и Русской Армии.

Толстов Владимир Сергеевич, атаман Уральского казачьего войска, генерал-лейтенант. Родился 7(19) июля 1884 года в городе Лохвица Полтавской губернии в семье генерала от кавалерии. Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище. Участвовал в Первой мировой войне. Георгиевский кавалер. В период Гражданской войны — командующий Уральской отдельной армией. Последний атаман Уральского казачьего войска. После разгрома Уральской армии у Гурьева в январе 1920 года перешёл с остатками армии и беженцами в Форт Александровский, а затем с небольшим отрядом в Персию. В конце лета 1921 года по договору между генералом бароном П. Врангелем и англичанами был отправлен во Владивосток, где занял должность председателя правления Казачьих войск — коллегиального органа, состоявшего из атаманов и их заместителей всех казачьих

войск Сибири и Урала. Входил в Земскую Думу — совещательный орган при правителе Приамурского земского края генерале М. К. Дитерихсе. С падением осенью 1922 года Владивостока перешёл в Китай, откуда осенью 1923 года с группой в 60–70 человек переехал в Австралию. Умер 29 апреля 1956 года в Брисбене (Австралия).

Савельев Николай Антонович, генерал-лейтенант. Родился 1 ноября 1866 года. Окончил военную гимназию, Виленское пехотное юнкерское училище. Участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 годов. За период войны был награждён двумя боевыми наградами. В декабре 1910 года произведён в чин полковника, а 11 октября 1914 года — в генерал-майоры. За участие в Лодзинской операции в период Первой мировой войны был награждён Георгиевским оружием. С 9 сентября 1917 года — генерал-лейтенант. После Октябрьской революции выехал в столицу Уральского казачества — г. Уральск и принял участие борьбе на стороне Белого движения. С 15 ноября 1918 года по 7 апреля 1919 года — командующий Уральской отдельной армией, затем командир 1-го Уральского казачьего корпуса. Участвовал в походе остатков частей Уральской армии вдоль восточного побережья Каспийского моря в Форт Александровский. После прихода в Форт был эвакуирован на транспорте Каспийской флотилии ВСЮР на другой берег моря в Порт-Петровск. После отхода частей в Читу — командир 1-го Забайкальского корпуса Дальневосточной (Белой) армии, затем приказом Главкома Вооружённых сил в Сибири атамана Семёнова был назначен командующим Дальневосточной (Белой) армией. После разгрома Дальневосточной армии в ноябре 1920 года в Забайкалье перешёл с остатками армии через Маньчжурию в Приморье, а затем, после поражения белых частей у Волочаевки (сентябрь 1921 г.), эмигрировал в Китай. Умер в городе Харбин 24 мая 1934 года.

Сидоровнин Степан Клавдиевич, Генерального штаба полковник. Родился 26 июля 1881 года. В 1905 году он окончил Оренбургское казачье юнкерское училище. На 1 января 1910 года — сотник 1-го Уральского казачьего полка, офицер 7-го Уральского казачьего полка. Участник Первой мировой войны. В 1917 году окончил ускоренный курс Военной академии и приказом от 23 марта 1918 года был причислен к Генеральному штабу. В середине 1918 года получил назначение в штаб военного руководителя Рязанского участка. В июле 1918 года — заведующий оперативной частью 2-й бригады Рязанской дивизии. Во время Гражданской

войны — в Белых войсках Восточного фронта. На 6 апреля 1919 года — начальник штаба 2-й Уральской дивизии. С остатками частей Уральской армии совершил поход в Форт Александровский, откуда уехал на Кавказ, где его дальнейшие следы теряются.

Сладков Тимофей Ипполитович, полковник. Родился 9 января 1884 года в семье есаула Уральского казачьего войска Ипполита Селивёрстовича Сладкова и Анны Дмитриевны Донсковой, дочери генерал-майора Донскова. Окончил Уральское войсковое реальное и Елисаветградское кавалерийское училища, а затем Офицерскую стрелковую школу. Служил в атаманском полку Лейб-Гвардии Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича. Участвовал в Первой мировой войне в составе 6-го Уральского казачьего полка. За боевые отличия 18 апреля 1916 года был досрочно произведён в чин войскового старшины, а впоследствии, 13 ноября 1917 года, также за боевые отличия досрочно произведён в чин полковника. В 1918 году являлся командиром 6-го льготного Уральского казачьего полка, с апреля 1919 года — командиром Лбищенского конного полка, а затем командиром 2-й Уральской казачьей дивизии. Был разработчиком и руководителем глубокого рейда казаков в тыл красных, разгрома штаба 22-й стрелковой дивизии РККА, в результате которого погиб комдив В. И. Чапаев. В декабре 1919 года был временно исполняющим должность командира 1-го Уральского корпуса, с остатками которого совершил поход в Форт Александровский, а затем по Каспийскому морю, в Персию (Иран). В эмиграции проживал во Франции, работал помощником садовника в богатом имении, а затем на различных работах, связанных с тяжёлым физическим трудом. Скончался 22 марта 1956 года в Инвалидном доме при Союзе русских военных инвалидов в Монморанси под Парижем и был похоронен на местном кладбище.

Тихомиров, полковник. В Уральской армии занимал должность начальника пешей группы 1-го Уральского казачьего корпуса (вся пехота корпуса была сведена в единую группу).

Фортунатов Борис Константинович, политический и военный деятель, ученый-зоолог, писатель. Родился 24 января (5 февраля) 1886 года в Смоленске в семье судебного деятеля, статского советника. Учился в гимназиях в Смоленске и Ельце, окончил Первую Московскую гимназию, естественное отделение физико-математического факультета Москов-

ского университета, три курса Императорского высшего технического училища. В 1902 году вступил в Партию социалистов-революционеров (эсеров), участвовал в революционных событиях 1905 года, в том числе баррикадных боях в Москве. Был дважды ранен, пять раз арестовывался. В 1907 году выслан за границу, откуда вернулся в 1909 году. Во время Первой мировой войны служил в армии «нижним чином». Участвовал в Февральской революции 1917 года, был членом Петроградского комитета ПСР (партии социалистов-революционеров). С 1918 года был одним из руководителей «эсеровского» сопротивления большевистской власти. Принимал участие в боевых действиях и террористических актах. Создал и возглавил Волжский конно-егерский дивизион, участвовал во взятии Казани, Ставрополя (ныне Тольятти), за боевые заслуги был произведён в прапорщики, а затем в корнеты. До лета 1919 года воевал под командованием генерала Каппеля. В августе 1919 года дивизион Фортунатова (переименованный позднее в 1-й Волжский партизанский отряд) покинул основные силы Белой армии и ушёл на соединение с частями Уральского казачьего войска, выдавая себя за красноармейцев. В ноябре 1919 года после долгого перехода (всего более 3 тысяч км) отряд соединился с уральскими казаками атамана Толстова и в том же месяце продолжил отступление на Гурьев, а затем в Форт Александровский. После разгрома Уральской армии перешёл на сторону большевиков и вступил в Первую конную армию Семёна Будённого, в которой, по некоторым данным, командовал полком. В конце 1920 года отошёл от военно-политической деятельности, обосновался в природном заповеднике Аскания-Нова и занялся проблемами зоологии. В дальнейшем работал в Московском зоопарке, заведовал зоопарком в Аскании-Нова. Был избран членом-корреспондентом Украинского комитета охраны памятников природы, возглавлял Крымский, приморские и Кавказский заповедники. Был автором десятков научных статей, участником природоохранных съездов и конференций. Автор фантастического романа «Остров гориллоидов», в котором была впервые разработана тема создания армии из «очеловеченных» обезьян. В 1932 году Фортунатов стал членом Комитета по заповедникам при Президиуме ВЦИК. В июне того же года он был назначен руководителем проектировки нового московского зоопарка, который планировалось разместить в Останкино. В 1933 году был арестован, обвинён в участии в деятельности контрреволюционной организации и 24 февраля 1934 года осуждён к заключению в исправительно-трудовых

лагерях на 10 лет. В том же году он был отправлен отбывать наказание под Караганду, однако уже 29 мая 1936 года был досрочно освобождён, но остался работать в лагере в качестве вольнонаёмного, где и скончался. В 1957 году был реабилитирован.

Фрунзе Михаил Васильевич, революционер, советский партийный и государственный деятель, военачальник Красной армии. Родился 21 января (2 февраля) 1885 года в г. Пишпек Семиреченской области в семье фельдшера. Учился Санкт-Петербургском политехническом институте. Профессиональный революционер, член РСДРП с 1904 года. Неоднократно арестовывался и отбывал заключения на каторге. После февральской революции 1917 года избирался начальником народной милиции Минска, членом комитета Западного фронта, членом Исполкома Минского совета, был начальником штаба революционных войск Минского района, председателем Шуйского совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, председателем уездной земской управы. Во время октябрьской революции 1917 года участвовал в установлении советской власти в Москве. С августа 1918 года военком Ярославского Военного округа, занимался формированием частей Красной армии. С января 1919 года — командующий 4-й армией, затем командующий Южной группой войск Восточного фронта, командующий Туркестанской армией, войсками Восточного фронта, войсками Туркестанского фронта. В последствии занимал высшие командные должности в Красной армии. С января 1925 года — председатель РВС СССР и нарком по военным и морским делам. Умер 31 октября 1925 года после операции язвы желудка от общего заражения крови. Похоронен в Москве на Красной площади у Кремлёвской стены.

Чапаев Василий Иванович, начальник дивизии РККА, одна из самых легендарных исторических личностей периода Гражданской войны. Родился 28 января (9 февраля) 1887 года в деревне Будайке Чебоксарского уезда (ныне г. Чебоксары) в крестьянской семье. Учился в церковно-приходской школе, работал в качестве прислуги и ученика у купцов и ремесленников, затем плотничал на Волге. Участвовал в Первой мировой войне. Прошёл обучение в унтер-офицерской школе. Участвовал в боях в ходе Брусиловского прорыва. Был неоднократно ранен. Кавалер трёх Георгиевских крестов и Георгиевской медали, фельдфебель. Летом 1917 года вступил в партию большевиков. После Октябрьской революции стал организатором отрядов Красной гвардии, командиром полка,

бригады, дивизии РККА. Был направлен в качестве слушателя первого набора Академии Генерального штаба Красной армии, но покинул её самовольно, не справившись с трудностями в учёбе. Был назначен начальником 25-й стрелковой дивизии. Кавалер ордена Красного Знамени. Погиб 5 сентября 1919 года в результате рейда уральских казаков на штаб 25-й дивизии в городе Лбищенске.

Шадрин Семён Петрович, полковник. Родился 1 февраля 1869 года. Окончил Уральскую войсковую гимназию, Оренбургское казачье училище и Офицерскую стрелковую школу. Участвовал в Русско-японской войне. Служил на разных командных должностях. В октябре 1915 года был произведён в полковники. Участник Белого движения на востоке России. Был командующим Шиповским фронтом Уральской армии, уральским уездным воинским начальником, командиром 10-го Уральского льготного полка, начальником 2-й казачьей Уральской дивизии. С осени 1919 года — начальник штаба 2-го Илецкого казачьего корпуса. 27 декабря 1919 года был взят в плен красными киргизами вместе со штабом корпуса в местечке Кзыл-Куга. По разным данным либо зарублен на месте, либо расстрелян в Москве в начале 1920 года.

Юденич Николай Петрович, генерал-майор. Родился 12 (24) апреля 1869 года. Окончил 2-й кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую инженерную академию. Служил в 37-й артиллерийской бригаде производителем работ, затем делопроизводителем строительной части управления строительства Кронштадтской крепости, штаб-офицером Севастопольского крепостного инженерного управления. В 1912 году был произведён в полковники. С 1 июля 1913 года состоял в управлении строительства Кронштадтской крепости. В 1917 году — военный инженер в распоряжении Главного инженерного управления. Участвовал в Гражданской войне на Восточном фронте. Осенью 1919 года — командир Астраханского отряда Уральской отдельной армии, находившейся в оперативном подчинении генерала Деникина. Генерал-майор (1919 г.). В апреле 1920 года сдался в плен под гарантии сохранения жизни в Форте Александровском, но вскоре был расстрелян.

Юдин Фёдор Миронович, есаул. Родился в 1876 году. Из казаков Уральского казачьего войска. Окончил Оренбургское казачье юнкерское училище. Участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. В Уральской армии — командир батарей. В 1921 году был расстрелян.

Уральские казаки. Екатеринбург, 1918 г.

Генерального штаба генерал-майор И. Г. Акулинин (Фото 1913 г.)

Генерального штаба
генерал-лейтенант В. С. Толстов
(Фото 1913 г.)

Генерального штаба генерал-майор
Н. Н. Бородин
(Фото 1913 г.)

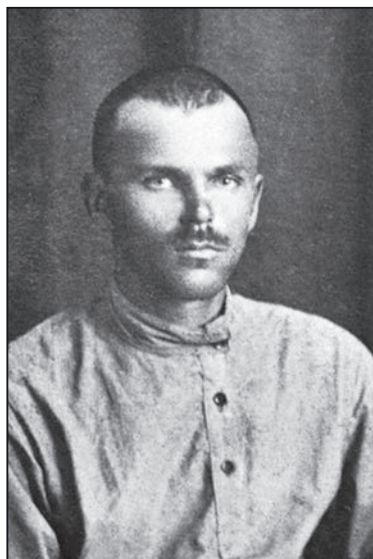
В. С. Толстов (пятый во втором ряду) с Уральскими казаками
в Первую мировую войну

Белые уральские казаки после боя за Лбищенск

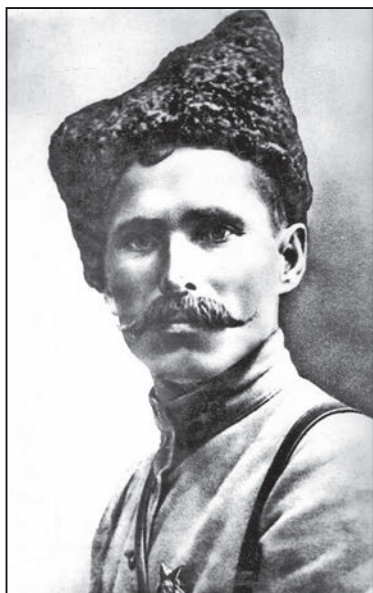
Кавалерия Красной армии

Б. К. Fortunatov

М. В. Frunze

В. И. Chapayev

Сидят, слева направо: комиссар дивизии Д. А. Фурманов, командир дивизии В. И. Чапаев. Стоит, в центре — ординарец В. И. Чапаева Петька

Пулемётчики дивизии Чапаева на уральском фронте

Изергин Михаил Ильич

УРАЛЬСКАЯ КАТАСТРОФА
воспоминания полковника Генерального штаба

Дизайн обложки: *М. Ю. Маяков*
Компьютерная верстка: *О. В. Ключенкова*

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2
E-mail: info@heritage-institute.ru

Отпечатано тиражом 100 экз. в типографии ООО «Буки Веди».
Заказ № J-591.
117246, г. Москва, проезд Научный, д. 19, этаж 2, ком. 6Д, оф. 202
info@bukivedi.com